№ 1. 26 Марта 1922 г. № 1.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

(Le Dimanche)

ИЗДАНІЕ «РУССКАГО ОЧАГА».

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Пріемъ по дѣламъ Редакціи и Конторы ежедневно отъ 2-хъ до 3-хъ ч. дня

(LE DIMANCHE)

Редакція и Контора: 14, Rue de l'Yvette, 14 PARIS (XVIe)

№ 1. Парижъ, 26 Марта, 1922 г. № 1.

Парижъ, 25-го Марта.

Мы приступаемъ къ изданію нашего журнала въ очень тяжелую минуту. Тамъ въ Россіи — кошмаръ большевизма, здѣсь, въ эмиграціи, — разбродъ мысли, копоть партійныхъ огарковъ и, что больнѣе всего, — усталость, почти апатія.

Во что вѣрить? На что надѣяться?

Кажется, уже все испробовано. За эти пять лѣтъ, протекшихъ со дня, когда однимъ ударомъ была опрокинута старая Россія, надъ русскимъ народомъ были продѣланы всѣ опыты, какіе только могли быть придуманы разгоряченнымъ воображеніемъ вождей революціи. Исчерпаны всѣ формулы, провозглашены всѣ «истины», развернуты всѣ знамена, и не остается уже ни одного рецепта, который не былъ бы пущенъ въ ходъ.

Послѣдствія общеизвѣстны: великая Россія — сказка давно-прошедшихъ дней, народъ русскій вымираетъ съ ужасающей быстротой, мысль объ образованіи новой Остъ-Индской Компаніи для эксплоатаціи земель, когда-то составлявшихъ территорію Россійскаго государства, все ближе и ближе къ осуществленію.

Нельзя успокаивать свою совѣсть заявленіемъ, что государства, какъ и все въ мірѣ, имѣютъ когда нибудь свой конецъ. Россія еще не успѣла сказать своего послѣдняго слова, русскій народъ еще слишкомъ молодъ и силенъ, чтобы кто нибудь былъ въ правѣ обсуждать его, какъ изжившую себя націю. То, что произошло и происходитъ — бредъ временнаго безумія, пораженіе волевыхъ центровъ, внезапное ослѣпленіе, которое должно пройти, потому что глаза здоровы, лишь воздѣйствіе на нихъ было слишкомъ сильно.

Россія еще будетъ Россіей. Она больна, но она выздоровѣетъ. Необходимо только, чтобы, изстрадавшаяся, измученная, поруганная, она съумѣла понять, гдѣ и въ чемъ ея спасеніе.

Понять, осмыслить, а остальное все приложится. Довольно опытовъ и издѣвательствъ. Чѣмъ тяжеле переживаемыя теперь минуты, тѣмъ онѣ отвѣтственнѣе. Пора одуматься и имѣть мужество сказать вслухъ то, что каждый и всѣ, за исключеніемъ развѣ профессіоналовъ смуты, уже давно думаютъ про себя: основная задача — возстановленіе Монархіи.

Впередъ знаемъ всѣ возраженія. Сейчасъ не до нихъ. Нуженъ миръ, необходимо возбудить жизнеспособность общественныхъ тканей, а главное — возродить Русскую государственность.

Только Монархія способна на этотъ подвигъ, ибо только она, чуждая партійнымъ задачамъ, совершитъ свой путь безъ гнѣва и мести, исключительно во имя спокойнаго государственнаго строительства.

Конечно, кто еще продолжаетъ вѣрить въ партійныя формулы, тотъ за нами не пойдетъ. Не пойдутъ за нами и тѣ, кто наивно думаетъ, что и теперь, въ роковыя минуты, когда дѣйствительно рѣшается судьба Россіи, все еще возможны компромиссы. Но для кого страданія родины — реальное и живое горе, такое, когда ничто не радуетъ, и нѣтъ предѣловъ тоскѣ — тѣ насъ поймутъ и будутъ съ нами.

Они поймутъ, что у насъ нѣтъ ни личныхъ, ни партійныхъ интересовъ. Они повѣрятъ, что мы взялись за перо только во имя страданій родины и что, какъ въ защитѣ, такъ и въ нападеніи, у насъ только одна цѣль: торжество Русской государственной идеи.

МЕСТЬ.

Русская революція, какъ началась, такъ и развивалась подъ знакомъ чувства мести. Оттого она и вышла такой уродливой. Великая Французская революція была крикомъ возмутившагося сердца, наша революція была крикомъ больной печени.

Вопросъ не въ крайностяхъ революціонной волны. Толпа всегда несправедлива и легко свирѣпѣетъ. Вопросъ въ основныхъ тяготѣніяхъ и устремленіяхъ, въ томъ, есть ли это движеніе государственнаго порядка, или только разгулъ пробудившихся инстинктовъ, почуявшихъ сбя на полной волѣ.

Поднялись и ринулись не потому, что надо было спасать родину. Шли даже противъ очевидныхъ интересовъ родины. Шли потому, что опредѣлилась возможность свести старые счеты: толкало страстное желаніе показать себя во весь ростъ и плюнуть въ лицо прошлому. Что будетъ, то будетъ, а пока что, быть можетъ, удастся показать себя во всемъ блескѣ и во всей силѣ.

И показали: убивали городовыхъ, жгли паспорта, жгли справки о судимости и вообще судебные архивы, срывали съ офицеровъ погоны, убивали заводское начальство, упраздняли мѣстную администрацію, упраздняли органы надзора за печатью, въ войскахъ уничтожили дисциплину, жгли усадьбы, истребляли помѣщиковъ. Въ этомъ видѣли основной смыслъ момента. Продѣлавъ такой кругъ, сразу же и выдохлись. Блуждали среди развалинъ, и удивлялись, что не только не стало лучше, а наоборотъ, не за что ухватиться.

Это было истинное царство мести. Главари Государственной Думы мстили чинамъ правительства, подчиненные мстили начальникамъ, солдаты офицерамъ, рабочіе инженерамъ и мастерамъ, крестьяне помѣщикамъ. И мстили не потому, что такъ ужъ была сильна горечь прошлыхъ обидъ, а прежде всего и главнѣе всего — чтобъ очистить себѣ дорогу и самимъ сѣсть на ихъ мѣсто. Кухарка рѣшила быть барыней, во всемъ величіи понятія барыни, заранѣе воспринимая всѣ отрицательныя стороны барыни и предвкушая ту блаженную минуту, когда, быть можетъ, удастся увидать прежнюю барыню у себя на кухнѣ, на роляхъ кухарки. Солдатъ распалялся и свирѣпѣлъ, чтобы скорѣе имѣть возможность подойти, заложа руки въ карманъ, къ генералу и сказать ему: «не тѣ нонеча времена, товарищъ, и значитъ нечего тутъ долго разговаривать». Милюковъ рвался къ портфелю Министра Иностранныхъ Дѣлъ, чтобы, наконецъ, имѣть возможность сочинить дипломатическую ноту, въ которой онъ могъ бы сказать: «Правительство стараго режима, конечно, не было въ состояніи усвоить и раздѣлить всѣ эти мысли объ освободительномъ характерѣ войны».

Конечно, каждому свое, но въ основѣ лежало чувство мести, чувство мрачное, разъѣдающее. Какими бы словами оно ни прикрывалось, оно оставалось вѣрнымъ себѣ. Одѣньте прокаженнаго въ брачныя одежды, прокаженный не станетъ отъ этого здоровымъ.

Когда у власти стали, недоброй памяти, дѣятели временнаго правительства, съ чего они начали? Съ надругательства надъ прошлымъ. Они буквально засыпали страну реформами. Но какими? Гдѣ старая Россія говорила «да», тамъ они кричали «нѣтъ». И наоборотъ. Это не было творчество — это была полемика. Спѣшили доказать, что исторія русскаго народа начинается только съ того дня, когда они нарядились въ генеральскіе мундиры. Издѣвались надъ прошлымъ, мстили ему, наивно думая, что одна сила и страстность мстительнаго чувства способны творить чудеса и вывести Россію на новый путь.

Выпускали изъ тюремъ убійцъ и мошенниковъ и наполняли тюрьмы бывшими сановниками, кричали о злоупотребленіяхъ прошлаго и не останавливались ни передъ чѣмъ, когда имъ это казалось выгоднымъ. Строили будущее страны на красивыхъ словахъ, не замѣчая своихъ безобразныхъ поступковъ. Шли съ легкимъ сердцемъ омраченныхъ, дорвавшихся до сладкихъ минутъ мести, и конечно, первые же сдѣлались жертвами посѣяннаго ими зла.

Кто мститъ, тотъ гибнетъ. Такъ учитъ опытъ

обыденной жизни, такъ учитъ исторія. Въ мутномъ источникѣ мести не найти живой воды, и если на одно зло наслаивать другое, въ народной душѣ замретъ и то немногое, что еще осталось, не смотря на пережитыя потрясенія.

Что такое большевизмъ, какъ не апофеозъ мести? Оставимъ въ сторонѣ всѣ ихъ гордыя заявленія, самонадѣянныя обѣщанія, формулы, лозунги, слова. Будемъ помнить только ихъ сущность. Опредѣленная и кричащая о себѣ месть. И месть безпощадная и дикая.

Четыре года истреблялось все, что напоминало о прошломъ. А теперь стоятъ передъ тѣмъ, что натворили и ждутъ чуда. Какъ будто въ исторіи бываютъ чудеса!

Месть проходитъ кроваво-красной чертой черезъ всѣ этапы русской смуты. Начали съ мести бюрократіи и старому режиму. Не успѣла такъ называемая передовая интеллигенція, чинившая эту месть, нарадоваться дѣлу своихъ рукъ, какъ увидѣла себя подъ ногами толпы, уже вкусившей сладость мести. Потомъ эта толпа раскололась на части, и одна часть стала мстить другой. Образовались коммунисты и бѣлогвардейцы, и еще глубже и еще глубже и еще настойчивѣе стало пускать свои корни это проклятое чувство мести.

Когда началась революція, тѣ, кто толкалъ къ мести и разжигалъ ее, поспѣшили объявить эту революцію «безкровною». Кровь городовыхъ, офицеровъ, старыхъ сановниковъ они считали ни во что. Движимые чувствомъ мести, они не понимали также, что, подрубая подъ корень исторически сложившіяся учрежденія, отмѣняя однимъ росчеркомъ пера старые законы, опорачивая всѣ общественныя связи и отношенія, они вызываютъ звѣря изъ бездны и готовятъ въ ближайшемъ же будущемъ потоки крови. Они мстили, а месть не думаетъ о завтрашнемъ днѣ.

На мести хотѣли строить новую Россію и, конечно, только извратили старую. Теперь, когда послѣдствія уже очевидны, они первые доказываютъ, что месть — чувство подлое, отравляющее все, къ чему прикоснется.

Когда они говорятъ о наиболѣе ненавистной имъ возможности—о возстановленіи Русской Монархіи, они впадаютъ въ истерику. Почему? Они судятъ по себѣ. Они боятся мести. Они отлично знаютъ, въ чемъ они виноваты. Ошибаются они въ одномъ: имъ хочется вѣрить, что если они и виноваты, то только передъ Монархіей, а не передъ Россіей. Какъ разъ наоборотъ: они виноваты именно передъ Россіей.

И тѣмъ не менѣе ихъ страхи напрасны. Скоро-ли будетъ возстановлена Монархія, или не скоро — вопросъ иной. Но одно безспорно: Монархія придетъ не съ тѣмъ, чтобы мстить, а чтобы устроять. Она придетъ сильная народнымъ призваніемъ, сознающая, что въ ней единственное спасеніе. Она придетъ не съ тѣмъ, чтобы, разбирать правыхъ и виноватыхъ, но чтобы умиротворить и возстановить государственное начало.

Авантюра — та, конечно, начинаетъ съ мести. Это вы знаете по себѣ, вы, которые такъ преступно поступили съ повѣрившей вамъ страной. Монархія же для Россіи — не авантюра. Монархія создала Россію, Монархіей держалась Россія тысячу лѣтъ, и до сихъ поръ нѣтъ ни одного реальнаго историческаго признака, который убѣждалъ бы, что Россія можетъ существовать, какъ государство, безъ Монарха.

Монархіи безсмысленно мстить. Монархъ есть олицетвореніе государства. Это не вождь партіи, а вождь народа. У Него нѣтъ и не можетъ быть ни одного изъ тѣхъ побужденій, которыя питаютъ чувство мести. Русскій Монархъ — въ особенности. У подножія Его Престола всѣ страсти смиряются, и какъ бы ни были ретивы отдѣльныя лица, готовыя дать дурной совѣтъ, сознаніе величія минуты заставитъ помнить, что долгъ передъ родиной превыше всего.

Нѣтъ, бояться имъ нечего. Пусть боятся только своей совѣсти.

РУССКАЯ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Еще недавно обширнѣйшая, занимавшая въ одномъ отрубѣ 1/6 всей земной суши страна, щедро надѣленная природными богатствами, страна, которая не только давала пропитаніе собственному безъ малаго 200-тъ милліонному населенію, но и снабжала произведеніями своего сельскаго хозяйства значительную часть жителей Западной Европы, во что обратилась она послѣ пятилѣтняго соціалистическаго и коммунистическаго опыта? Россія доведена до такого состоянія, что ея сельское хозяйство, даже при сносномъ урожаѣ, едва способно дать скудное пропитаніе самому земледѣльцу; русская обрабатывающая промышленность, представляющая капитальную стоимость въ пять милліардовъ рублей золотомъ, почти умерла; пути сообщенія, на постройку и улучшеніе которыхъ было израсходовано до семи милліардовъ рублей золотомъ, не отвѣчаютъ самымъ скромнымъ требованіямъ въ транспортѣ. Въ итогѣ проведенія въ жизнь теорій Карла Маркса, русскій городъ пересталъ давать деревнѣ нужные ей предметы фабрично-заводскаго производства, русская деревня прекратила добровольное снабженіе города предметами пропитанія.

Даже внутренній товарообмѣнъ, не говоря уже о заграничномъ, почти не существуетъ. Есть спекуляція, но нѣтъ торговли. Нѣтъ увѣренности въ сегодняшнемъ днѣ — нѣтъ и производительнаго труда.

Какъ-же теперь быть и съ чего начинать возстановленіе русскаго народнаго хозяйства?

Не только явные и тайные агенты большевиковъ и ихъ приспѣшники изъ иностранцевъ, а, къ сожалѣнію, и нѣкоторые вполнѣ почтенные и неглупые, но слишкомъ довѣрчивые и благодушные русскіе бѣженцы заграницею, въ поискахъ цѣлительнаго средства противъ испытываемаго Россіею недуга, останавливаются лишь на внѣшнихъ его проявленіяхъ и, въ соотвѣтствіе съ этимъ, рекомендуютъ рядъ мѣръ чисто внѣшняго характера: улучшеніе путей сообщенія, снабженіе сельскаго хозяйства и промышленности необходимыми для производства орудіями и матеріалами, упорядоченіе денежнаго обращенія, возстановленіе правильной дѣятельности кредитныхъ учрежденій и т. п. Каждый, въ зависимости отъ своей спеціальности, видитъ первопричину болѣзни въ близко ему знакомой отрасли дѣятельности, и всѣ возлагаютъ надежды исключительно на заграницу: стоитъ только доставить необходимыя лекарства, въ видѣ паровозовъ, вагоновъ, разнаго техническаго оборудованія, товаровъ, и т. д., и Россія вновь вернется къ здоровому процессу производства. А такъ какъ все это требуетъ денегъ, которыхъ у Россіи сейчасъ нѣтъ, то успѣхъ предположеннаго лѣченія ставится въ тѣсную связь съ открытіемъ кредитовъ за-границею.

Но, прежде чѣмъ серьезно говорить о займахъ, необходимо создать заемщику болѣе или менѣе благообразное лицо. Этимъ, между прочимъ, объясняются упорныя домогательства оффиціальнаго признанія иностранными правительствами теперешней русской власти, и, въ частности, совмѣстнаго между ею и культурными державами міра общенія на предположенной международной конференціи въ Генуѣ. За такое признаніе и допущеніе совѣтскихъ представителей къ общему столу, большевистское правительство готово итти на платоническій отказъ отъ провозглашеннаго имъ четыре года тому назадъ принципа непризнанія принятыхъ на себя прежними русскими правительствами заграничныхъ обязательствъ.

Увы, авторы всѣхъ этихъ схемъ, если считать ихъ добросовѣстными, глубоко заблуждаются и въ своемъ ревностномъ, но ложно направленномъ усердіи не видятъ, или не желаютъ видѣть истинныхъ, коренныхъ причинъ, приведшихъ хозяйственную жизнь Россіи въ современное положеніе. Они напоминаютъ врачей, которые стремятся вылѣчить страдающаго разстройствомъ нервной системы больного отъ различныхъ проистекающихъ отъ этого разстройства другихъ болѣзней, и въ то же время не желаютъ вступить въ борьбу съ главнымъ недугомъ. Между

тѣмъ, пока послѣдній не излѣченъ, едва оправится паціентъ отъ одной болѣзни, какъ его постигаетъ другая, третья, и т. д. и организмъ продолжаетъ стремительно истощаться. Напротивъ того, приведеніе въ равновѣсіе нервной системы паціента быстро ставитъ на путь выздоровленія весь организмъ, который, при сравнительно небольшой помощи извнѣ, направленной къ его вящшему укрѣпленію, въ сравнительно короткій срокъ возвращается къ нормальному состоянію.

Да, переживаемая теперь русскимъ народнымъ хозяйствомъ основная болѣзнь заключается именно въ полномъ и глубокомъ разстройствѣ нервной системы хозяйственнаго организма, болѣзнь, приведшая, по мѣрѣ своего развитія, къ параличованію двигательныхъ центровъ, управляющихъ дѣятельностью различныхъ составляющихъ его частей. Причина этой болѣзни — хирургическая операція, произведенная надъ русскимъ хозяйственнымъ организмомъ слѣпыми послѣдователями марксистской доктрины. Въ тщеславномъ стремленіи усовершенствовать отправленія этого организма, и въ твердомъ убѣжденіи, что одинъ изъ главныхъ его органовъ —капиталъ развивается за счетъ другого не менѣе важнаго органа — труда, они, чтобы обезпечить послѣднему возможно болѣе благопріятныя условія дѣятельности, рѣшили устранить вредное, по ихъ мнѣнію, вліяніе капитала. Сознавая, однако,что выбросить его совсѣмъ нельзя, такъ какъ безъ капитала не можетъ обойтись въ своей работѣ трудъ, они, въ погонѣ за своимъ недостижимымъ идеаломъ, сочли все-же возможнымъ посягнуть на тѣ почти естественные законы, согласно которымъ протекали и протекаютъ развитіе и работа капитала во всѣхъ здоровыхъ человѣческихъ обществахъ.

Капиталъ въ современномъ хозяйственномъ процессѣ является не мертвою матеріею, а частью живого организма и, находясь въ благопріятной обстановкѣ, обладаетъ присущею такимъ организмамъ и ихъ частямъ способностью самосохраненія и дальнѣйшаго развитія. Своимъ происхожденіемъ, постепеннымъ возобновленіемъ и умноженіемъ капиталъ обязанъ не только совмѣстной работѣ человѣческаго труда и уже существующаго капитала, но и психическимъ свойствамъ человѣческой природы. Два человѣка стоятъ во главѣ двухъ равноцѣнныхъ во всѣхъ отношеніяхъ хозяйственныхъ единицъ, получая въ опредѣленные сроки равный доходъ; одинъ изъ нихъ тратитъ весь доходъ на удовлетвореніе текущихъ потребностей, а другой половину дохода обращаетъ въ сбереженія. Физическія и умственныя усилія, находящійся уже въ дѣлѣ капиталъ, численность рабочихъ и т. д. въ обоихъ случаяхъ одинаковы, точно также, какъ одинаковъ и ближайшій результатъ дѣятельности — доходъ. Но, въ первомъ случаѣ нѣтъ образованія новаго капитала; онъ рождается только во второмъ, какъ слѣдствіе склонности къ сбереженію ведущаго хозяйство лица. Въ свою очередь эта склонность зависитъ отъ душевныхъ свойствъ даннаго субъекта, его характера и взглядовъ,другими словами отъ психической натуры человѣка.

Итакъ, процессъ образованія капитала содержитъ въ себѣ не одни физическіе, но и психологическіе элементы.Эта двойственность природы капитала сопутствуетъ ему и во всей его дѣятельности, въ качествѣ необходимаго участника производственнаго процесса. Превращаясь въ тѣ или другія цѣнности — машины, матеріалы, товары или деньги, капиталъ связывается незримыми нитями опять таки не физическаго характера съ лицомъ, склонности къ сбереженію котораго онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ. Въ то время, какъ для всякаго другого онъ является лишь неодушевленною матеріею, для только что указаннаго лица, способствовавшаго, благодаря своей энергіи и бережливости, его созданію, для капиталиста, онъ представляетъ собою превращенные въ вещественныя цѣнности плоды его предшествующей дѣятельности и его отношеніе къ этимъ цѣнностямъ складывается именно въ силу такой особой связи. Капиталистъ стремится всячески охранить свой капиталъ отъ естественнаго уничтоженія и обезпечить ему возможно болѣе производительную работу, дабы онъ могъ приносить максимальный доходъ. Съ этою цѣлью, капиталистъ или его довѣренные напрягаютъ всѣ свои усилія къ наиболѣе плодотворной организаціи работы капитала. Благодаря ихъ

изобрѣтательному генію и творческой энергіи родилась и выросла современная промышленность—какъ добывающая, такъ и обрабатывающая. Но, стоитъ только оборвать эту внутреннюю связь между капиталомъ и главнымъ виновникомъ его созданія — капиталистомъ, какъ изъ капитала будетъ вынуто его жизненное начало и онъ превратится въ мертвую матерію, лишится всякой способности исполнять предназначенныя ему функціи въ хозяйственномъ процессѣ.

Между тѣмъ, къ этому именно свелась та произведенная надъ капиталомъ операція, о которой было упомянуто. Капиталистъ, предпринимательскій духъ и бережливость котораго творятъ капиталъ и обезпечиваютъ его правильную работу на нивѣ народнаго хозяйства, былъ устраненъ идеологами марксизма и ихъ уголовными сотрудниками отъ производительнаго процесса. Распоряженіе капиталомъ брошено было на произволъ людей, не связанныхъ съ нимъ никакими внутренними узами, имѣющихъ къ нему чисто случайное, механическое отношеніе. И независимо отъ того, кто подобралъ оставшійся безхозяйнымъ капиталъ — рабочіе ли, мѣстные ли представители власти, центральное ли правительство, уполномоченные ли имъ тресты — результаты получились одинаковые: отчасти расхищеніе и уничтоженіе капитала, отчасти же пріостановка его производительной работы и прекращеніе процесса накопленія, служащаго для возобновленія и увеличенія капитала. Управленіе капиталомъ попало въ руки лицъ, незаинтересованныхъ въ его сохраненіи и ростѣ, готовыхъ его расходовать на національизированныхъ, но не работающихъ предпріятіяхъ. Извѣстны случаи, когда на удовлетвореніе содержаніемъ и заработною платою личнаго состава этихъ предпріятій шли отдѣльныя части заводскаго оборудованія, не говоря уже о примѣрахъ прямого разграбленія имущества остановившихся фабрикъ и заводовъ. Въ конечномъ итогѣ большевистской операціи совершенно расшатана вся нервная система народнаго хозяйства: производственный процессъ парализованъ со всѣми вытекающими отъ этого паралича послѣдствіями для рабочихъ; не только неисчерпаемыя естественныя богатства Россіи лежатъ втуне, но бздѣйствуютъ и огромной цѣнности имущества, составляющія капиталъ промышленныхъ и транспортныхъ предпріятій, обрекаемый теперь на потокъ и разграбленіе. Не плохое состояніе желѣзнодорожнаго и воднаго транспорта, не недостатокъ въ орудіяхъ транспорта, не недостатокъ въ орудіяхъ производства или въ предметахъ первой необходимости пріостановили производственный процессъ въ Россіи, а, наоборотъ, разстройство этого процесса, вызванное насильственнымъ вмѣшательствомъ въ работу одного изъ важнѣйшихъ органовъ хозяйственнаго организма — капитала, повлекло за собою разрушеніе и транспорта и промышленности и всѣхъ другихъ отраслей народнаго хозяйства. И пока не будетъ возстановлена нормальная дѣятельность капитала, всѣ усилія по снабженію Россіи желѣзнодорожными ли принадлежностями, орудіями ли производства и прочими товарами не дадутъ никакихъ положительныхъ результатовъ, а лишь увеличатъ и безъ того громадный мертвый и разрушающійся, безъ всякой пользы для производства, капиталъ въ Россіи.

Для выздоровленія русскаго хозяйственнаго организма необходимо, прежде всего, вернуть къ жизни атрофированный, въ результатѣ безумной операціи большевиковъ, одинъ изъ важнѣйшихъ его органовъ — капиталъ, путемъ возстановленія нарушенной связи между нимъ и накопляющимъ и организующимъ его работу капиталистомъ. Или, говоря юридическимъ языкомъ, необходимо возстановить право собственности прежнихъ владѣльцевъ капитала, въ чемъ бы онъ не выражался, и обезпечить имъ безпрепятственное пользованіе капиталомъ и его плодами въ будущемъ. Это послѣднее требованіе предусматриваетъ, съ одной стороны, необходимую свободу предпринимательской дѣятельности капиталиста, которая не мыслима безъ свободы личности, свободы труда и свободнаго соглашенія между предпринимателемъ и рабочими относительно условій труда, а, съ другой стороны свободный сбытъ по вольнымъ цѣнамъ продуктовъ производства, путемъ предоставленія свободнаго дѣйствія частному торговому аппарату.

Только въ атмосферѣ всеобщаго и полнаго

признанія права собственности на землю, орудія производства и его продукты и широкой свободы въ хозяйственной дѣятельности, можно начинать въ Россіи возрожденіе ея почти умершаго хозяйственнаго организма. Безъ этого, всякія попытки его лѣченія обречены на полную неудачу и израсходованныя усилія и денежныя средства не дадутъ ожидаемыхъ отъ нихъ результатовъ. Само собою при этомъ разумѣется, что не достаточно еще провозгласить извѣстные принципы, а надо имѣть кромѣ того возможность провести ихъ въ жизнь. И право собственности и неприкосновенность личности, должны быть не только декларированы, но и ограждены силою государственной власти. Располагаетъ ли такою властью современное правительство въ Россіи, — если даже допустить, что оно вынужденно пойдетъ на провозглашеніе указанныхъ принциповъ — предоставимъ судить читателю.

НА КОНФЕРЕНЦІЮ.

(Письмо изъ Москвы).

Трудно передать то волненіе, которое охватило центръ Совѣтской власти съ момента, какъ Ллойдъ Джорджъ бросилъ крылатое слово «конференція». Исполняется завѣтная мечта, окрыляются надежды, которыя еще вчера казались дикими.

Когда на совѣсти сотни тысячъ человѣческихъ жертвъ, а на тѣлѣ все до послѣдней нитки краденное, не такъ то просто добиться возможности участвовать на международной конференціи. Это своего рода политическій рекордъ. Это не то, что самому себѣ ставить обелиски, или своими именами называть улицы и площади разрушенныхъ и опустошенныхъ городовъ.

Не побѣда, а тріумфъ. Центръ, т. е. тѣ, кто, по праву, приписываетъ себѣ весь успѣхъ, работаетъ, не покладая рукъ. Во первыхъ, кого послать на конференцію? Полезнѣе всего Ленина и Троцкаго. Но они хорошо помнятъ примѣръ Петра Великаго; не успѣлъ Петръ выѣхать въ Голландію, какъ начался стрѣлецкій бунтъ. Съ другой стороны, Генуя въ Италіи, а въ Италіи имѣются фашисты. Не дурно было бы послать Дзержинскаго. Онъ наиболѣе опредѣленно олицетворяетъ собою совѣтскій режимъ. Въ своей парадной красной кожанной курткѣ, съ большимъ ножемъ за поясомъ, онъ былъ бы эффектенъ; но изъ Англіи дано понять, что подобныя манифестаціи пока преждевременны. Чичерина? Лучше пишетъ, чѣмъ говоритъ, и не въ мѣру заносится. Повидимому прійдется остановить выборъ на Красинѣ, Литвиновѣ, Іоффе. Люди торговые. Съумѣютъ и запросить и уступить, а кстати, чтобы они ни наобѣщали, это никого ни къ чему не обязываетъ.

Во вторыхъ, програма. Вопросъ, конечно, менѣе серьезный, но все же и тутъ есть надъ чѣмъ подумать. О какой программѣ, собственно говоря, идетъ рѣчь? Если о той, которая нужна совѣтамъ, то она очень коротка: дайте денегъ и убирайтесь къ черту. Иностранные министры, можетъ быть, и пошли быть на это. Вездѣ на носу выборы, а борьба съ лѣвыми день ото дня становится труднѣе. Но за спиной стоитъ купецъ. Этотъ и на деньги тутъ, и любитъ, чтобы даже и тогда, когда его обманываютъ, все было на закономъ основаніи. Слѣдовательно, надо имѣть хоть видимость программы.

Во главѣ угла — займы. По вопросу о займахъ формула давно готова: «отрицая принципіально уплату по займамъ, какъ явленіе, несовмѣстимое съ диктатурой пролетаріата, совѣтское правительство тѣмъ не менѣе готово отступить отъ принятаго имъ непреклоннаго рѣшенія, если для уплаты по старымъ займамъ ему будетъ оказанъ кредитъ въ размѣрѣ не менѣе полутора золотого рубля новаго займа на каждый золотой рубль старыхъ займовъ».

Формула, правда, нѣсколько сложна, но за то точно выражаетъ мысль.

Затѣмъ — вопросъ о гарантіяхъ. Тутъ уже совсѣмъ просто. Совѣтское правительство согласно на самыя широкія гарантіи: начиная честнымъ словомъ всего коллектива и кончая предоставленіемъ иностранному капиталу права за свой счетъ исправить всѣ русскія желѣзныя дороги.

Не такъ ясенъ вопросъ о частной собственности. Прежде всего не дѣло международной конференціи обсуждать вопросъ о частной собственности русскихъ гражданъ. Собственность, несобственность — никто не въ правѣ вмѣшиваться въ домашнія дрязги суверенного государства. Что же касается собственности иностранцевъ, то кто же имъ мѣшаетъ считать себя собственниками? Ни одинъ иностранецъ, пока онъ соблюдаетъ законы страны, и ничѣмъ не доказалъ, что онъ сочувствуетъ контръ-революціи, не можетъ быть лишенъ права собственности. Если даже, по тѣмъ или инымъ,но непремѣнно государственнымъ соображеніямъ,совѣтское правительство увидитъ себя вынужденнымъ лишить иностранца собственности, то все же право собственности оставляется за нимъ во всей полнотѣ. Развѣ, если онъ самъ пожелаетъ сдѣлаться коммунистомъ.

Остается вопросъ о концессіяхъ. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ условія могутъ мѣняться, но какъ типъ, должны быть предложены слѣдующіе главнѣйшіе пункты: 1) Предметомъ концессіи можетъ быть все, что угодно, и даже одно и то же по нѣсколько разъ. 2) Концессіонеры дѣлятся на концессіонеровъ дѣйствительныхъ и почетныхъ: первые, при полученіи концессіи, вносятъ совѣтскому правительству авансъ, вторые получаютъ изъ этого аванса комиссіонныя, первые — иностранцы, вторые — коммунисты: на каждаго дѣйствительнаго концессіонера полагается не менѣе десяти почетныхъ. 3) Въ пользу дѣйствительнаго концессіонера остается вся та часть чистой прибыли отъ разрабатываемой имъ за свой счетъ концессіи, которая останется послѣ вычета 60 проц. въ пользу совѣтской казны, 20 проц. — въ пользу приставленныхъ къ нему почетныхъ концессіонеровъ, 10 проц. — въ пользу приписанныхъ къ нему комитетовъ бѣдноты, 3 проц. — въ пользу соединенной кассы коммунистической печати, 7 проц. — въ пользу красноармейскаго отряда, охраняющаго концессію отъ бѣлогвардейцевъ. 4) Всѣ свои капиталы концессіонеръ обязанъ хранить въ кредитныхъ учрежденіяхъ совѣтской республики; въ случаяхъ,когда, по государственнымъ соображеніямъ, всѣ частныя имущества подлежатъ конфискаціи, капиталы концессіонеровъ могутъ быть только секвестрованы, но отнюдь не конфискованы. 5) Концессіонеры, а равно ихъ семьи, какъ и всѣ ихъ друзья и знакомые, разъ навсегда получаютъ право свободнаго выѣзда изъ предѣловъ совѣтской республики, но само собою, не ранѣе истеченія срока концессіи, которая дается не менѣе, какъ на 99 лѣтъ. 6) Всѣ судебныя дѣла, вытекающія изъ концессій, подвѣдомственны мѣстнымъ комитетамъ бѣдноты, но совѣту почетныхъ концессіонеровъ данной концессіи принадлежитъ право ревизіи каждаго судебнаго рѣшенія. 7) Концессіонеръ въ правѣ въ любой моментъ отказаться отъ взятой имъ концессіи, если онъ докажетъ, что ни у него, ни у его семьи, ни у родныхъ, ни у друзей и знакомыхъ нѣтъ болѣе никакихъ капиталовъ, ни надеждъ откуда бы то ни было получить ихъ.

Но, если сказать правду, эта строго дѣловая сторона конференціи интересуетъ только наиболѣе серьезные круги совѣтскаго правительства, тѣ, гдѣ уже поняли, что нельзя долѣе оставлять экономическую жизнь страны безъ дальнѣйшаго развитія. Остальныхъ увлекаетъ, главнымъ образомъ, чистая политика. Конференція должна явиться моментомъ признанія совѣтскихъ идей и совѣтскаго режима. Интересуетъ эта въ высшей степени любопытная психологическая комбинація,при которой представители буржуазно-капиталистическихъ странъ, на словахъ отстаивая свои вѣрованія, въ тоже время скажутъ совѣтской России: «иди съ миромъ и продолжай свое дѣло».

Знаменитый совѣтскій поэтъ Демьянъ Бѣдный сочинилъ по этому поводу нѣчто въ родѣ новаго гимна, который начинается такъ:

Играй, струны,
Въ честь коммуны.
Ай-да ла, ай-да ла...
Не боимся Европъ —

Всѣмъ имъ въ морду хлопъ.
Наша взяла, наша взяла....

Закончу свое письмо изложеніемъ основныхъ началъ той инструкціи, которая выработана совѣтскимъ правительствомъ для своихъ представителей на конференціи. Окончательный текстъ, правда, еще не установленъ, но едва ли можно ждать какихъ либо существенныхъ измѣненій.

Вотъ этотъ документъ:

1) Конференція является актомъ полнаго торжества большевизма, а отнюдь не актомъ снисхожденія, а тѣмъ болѣе — примиренія.

2) Россія присутствуетъ на конференціи не какъ слѣпой среди зрячихъ, а какъ зрячій среди слѣпыхъ.

3) Совѣтское правительство объявляетъ себя готовымъ правѣть, поскольку другія государства не отказываются лѣвѣть.

4) Политическое признаніе совѣтской власти стоитъ, конечно, любыхъ уступокъ. Но надо умѣть объяснить эти уступки: диктатура пролетаріата настолько всевластна и всеобъемлюща, что, и уступая, она лишь выражаетъ свое всемогущество.

5) Помнить, что политика есть ничто иное, какъ смѣна психологическихъ моментовъ, но въ даваемыхъ объясненіяхъ дѣлать видъ, что уступка есть дѣйствительно уступка, а не только слова, не имѣющія реальнаго значенія.

6) Отнюдь не допускать рѣзкой критики положенія совѣтской Россіи, а въ болѣе трудныя минуты умѣло подчеркнуть достигнутыя совѣтской властью положительные результаты: внутренній миръ, созданіе могучей арміи труда, широкая разработка лѣсовъ, національзація сейфовъ и т. п.

7) Не скупиться на статистическія данныя о естественныхъ богатствахъ Россіи. Кстати, дать понять, что въ рукахъ совѣтской власти имѣются богатѣйшія розсыпи брилліантовъ и иныхъ драгоцѣнныхъ камней.

8) Къ вопросу о вознагражденіи иностранцевъ за понесенные ими убытки относиться снисходительно, но все же установить, что и совѣтское правительство, въ свою очередь, понесло не малые убытки, такъ какъ часть своего имущества иностранцы успѣли вывезти изъ Россіи.

9) Соглашаться на отказъ отъ пропаганды, но при условіи, что вся армія совѣтскихъ пропагандистовъ, на правахъ международныхъ безработныхъ, переходитъ на содержаніе Лиги Націй.

10) Не настаивать, но тѣмъ не менѣе, пользуясь каждымъ случаемъ разъяснять, что частная собственность, когда она находится подъ контролемъ, — а тѣмъ болѣе — въ рукахъ государсва, куда сохраннѣе, чѣмъ когда она въ рукахъ собственника.

11) Усиленно напоминать, что, вслѣдствіе исключительнаго роста смертности въ Россіи, число и напряженность народныхъ возстаній замѣтно сокращается, а, слѣдовательно, совѣтская власть съ теченіемъ времени не слабѣетъ, а усиливается.

По слухамъ, къ этой инструкціи присоединенъ рядъ секретныхъ пунктовъ. За достовѣрность, конечно, не ручаюсь. Усиленно говорятъ о слѣдующихъ двухъ:

1) Впредь до окончательнаго выясненія спорнаго вопроса о клеймахъ — совѣтскіе представители на конференціи, хотя и могутъ производить за свой счетъ торговыя операціи, но отнюдь не товарами, допускающими клеймленіе. Удобнѣе всего — драгоцѣнными камнями.

2) Полезно намекнуть тѣмъ изъ иностранныхъ министровъ, которые обнаружатъ склонность къ уступчивости, что они могутъ разсчитывать на полученіе «Красной Звѣзды» первой степени, или даже на портретъ Троцкаго для ношенія на груди, съ правомъ осыпать его, по своему усмотрѣнію, брилліантами.

ПИСЬМА ИЗЪ РОССІИ.

Невеселыя это письма.

Дѣло не въ томъ, реформируется ли Чека, или не реформируется; нисколько не волнуетъ и раздуваемый за послѣднее время вопросъ о свободѣ печати. Будетъ свобода печати — хорошо: не будетъ—значитъ еще одной «электрофикаціей» больше. Мало того: даже вопросъ питанія, который, казалось бы, имѣетъ исключительное значеніе, и тотъ сталъ смущать много менѣе, чѣмъ смущалъ раньше. Видимо, успѣли привыкнуть. Сегодня картофель, завтра—ржавая селедка, вмѣсто хлѣба ѣдятъ недовыпеченную смѣсь, Богъ знаетъ изъ чего сдѣланную, но случайно удается гдѣ то урвать сотню тысячъ рублей, пріобрѣтается кусокъ мяса, и недоѣданіе послѣднихъ дней сразу забыто.

Жизнь, какъ жизнь. При необходимости къ чему не привыкаетъ человѣкъ?! Живутъ же, напримѣръ, суслики, а вѣдь они далеко не всегда находятъ то, что имъ нужно.

Смущаетъ иное: тоска.

Этому посвящены девять писемъ изъ десяти. И эмигрантамъ, конечно, не весело. Но та тоска, которая тамъ, на нашей родинѣ, въ странѣ, гдѣ царятъ Ленинъ и Троцкій, — чтобы понять ее, надо, очевидно, жить въ современной Россіи.

Тоска безпросвѣтная, обволакивающая, которая ночью не даетъ заснуть, а днемъ не позволяетъ ни думать, ни работать. Какъ отрава, она проникла въ мозгъ. Она сѣрой пеленой стала между человѣкомъ и всѣмъ, что его окружаетъ.

Красный цвѣтъ, куда ни метнется глазъ, а въ душѣ черно, и это черное — особаго оттѣнка: грязнаго, мутнаго.

Согласились забыть все, къ чему привыкли, приноровились ко всему, что противно, но и это не помогло. Некуда уйти отъ разъѣдающей душу тоски, и объ нее разбивается всякая энергія жизни.

Кто поглубже и поинтеллигентнѣе, — пытается разобраться въ этихъ особыхъ переживаніяхъ. Одни объясняютъ такъ, другіе иначе. Но, характерно: никто даже не вспоминаетъ о политикѣ. Вращаются, главнымъ образомъ, около одного: омерзительна общая картина, надломилъ процессъ приспособленія, гадко отчаяніе, оскорбляетъ мысль о безнадежности положенія.

Не забудемъ, однако, что авторы этихъ писемъ — наши близкіе, родные, друзья. Не забудемъ, что это — письма изъ Россіи, гдѣ всѣ мы родились и выросли. Только пять лѣтъ тому назадъ, вмѣсто нашего трехцвѣтнаго флага, вывѣсили красную тряпку, а что за такой краткій срокъ надѣлали?!.

* * *

Отмѣтимъ еще одну общую черту этихъ писемъ: оставшіеся тамъ завидуютъ тѣмъ, кто томится здѣсь. Одни — въ пасти у волка, другіе — по уклону катятся въ бездонную пропасть. Только по недоразумѣнію первые вправѣ завидовать вторымъ.

Все случайно. Одни спаслись отъ большевиковъ, потому что имъ удалось спастись: другіе остались съ большевиками, потому что или не хотѣли, или не могли уѣхать. Какъ всегда при катастрофахъ: сынъ выскочилъ на рельсы, мать оказалась подъ обломками вагона; жену землетрясеніе застало на площади, и жена спаслась, а мужъ сидѣлъ въ роковую минуту у себя дома, и онъ погибъ. Нѣтъ ни правыхъ, ни виноватыхъ. Даже нѣтъ удачи. Здѣсь просто фактъ, такой-же фактъ, какъ, если, идя по дорожкѣ сада, вы наступите на десятокъ-другой муравьевъ: одни будутъ придавлены, другіе разбѣгутся во всѣ стороны, и, можетъ быть, никогда уже не вернутся къ себѣ.

Не будемъ говорить объ исключеніяхъ, потому что и въ совѣтской Россіи есть люди, которые при большевикахъ чувствуютъ себя не хуже, а то и много лучше, чѣмъ раньше. Но поскольку рѣчь идетъ о большинствѣ русской эмиграціи, право, завидовать нечему. Со ступеньки на ступеньку, безъ всякаго интереса къ настоящему, безъ вѣры въ будущее — если и это есть жизнь, то что тогда называть прозябаніемъ? Еще вопросъ, кому легче: тѣмъ-ли, кто прозябаетъ среди прозябающихъ, или же кто вынужденъ прозябать, когда все кругомъ работаетъ, волнуется, во что-то вѣритъ, на что-то надѣется.

Да и вообще, при чемъ тутъ зависть? Ударило всѣхъ одинаково, и хоть теперь пора

намъ понять, что надо умѣть любить свою родину и умѣть жалѣть другъ друга.

По настоящему жалѣть. Не на словахъ только. Жалѣть такъ, чтобы содрогалась душа.

***

Чего никакъ нельзя опредѣлить по этимъ письмамъ, это — каковы настроенія крестьянъ. Что ни письмо, то иное освѣщеніе. Въ избахъ барская мебель, горятъ лучины, подѣлили между собою фотографіи, найденныя у помѣщиковъ, думаютъ о Царѣ, нравятся имъ совѣты, молодежь хулиганитъ, бабы увлечены нарядами, запашки сокращены до крайняго, ненавидятъ коммунистовъ, ничѣмъ такъ не соблазняются, какъ шоколадомъ ...

Очевидно, и пять лѣтъ революціи не смели той стѣны, которая скрываетъ отъ интеллигента подлинную крестьянскую душу. Какъ всегда она была загадкой, такъ осталась загадкой и сейчасъ. «Мы — ваши, вы — наши», — а что въ этомъ правда, что — ложь не знаетъ ни тотъ, кто говоритъ, ни тотъ кто слушаетъ.

***

Въ одномъ письмѣ читаемъ:

«Съ ужасомъ слѣжу за Петей. Ему теперь пятнадцать лѣтъ. Помните этого курчаваго мальчика съ ясными голубыми глазами, который умѣлъ такъ весело смѣяться и краснѣлъ отъ удовольствія, когда я позволялъ ему идти съ вами на рыбную ловлю? Теперь это высокій, худой юноша, съ острыми чертами лица, съ глазами, въ которыхъ по каждому поводу разгорается недобрый огонекъ. Какъ и всѣ мы, одѣтъ въ лохмотья, но намъ онъ уже чужой.

Новая Россія его захватила и несетъ все дальше и дальше отъ насъ. Цѣлыми днями онъ внѣ дома: я пробовалъ его спрашивать— или молчитъ, или приходитъ въ такое раздраженіе, что я, по неволѣ, теряюсь. Съ матерью, которая всегда на его сторонѣ, онъ еще грубѣе, чѣмъ со мною. «Вы меня родили, — кричитъ онъ — но это простая случайность».

Конечно, не учится, хотя и увѣряетъ, что посѣщаетъ какіе-то классы или курсы. Ужъ не военные-ли? Возможно.

Каждый разъ, когда онъ приходитъ, я всматриваюсь, нѣтъ-ли на немъ слѣдовъ крови. Пока ничего не замѣчалъ. Хотя, напримѣръ, на прошлой недѣлѣ у него вдругъ появились деньги. Вѣроятно не малыя, потому что онъ купилъ намъ коробку сардинокъ и двѣ свѣчи, а себѣ пару носковъ.

Должно быть, онъ скоро совсѣмъ уйдетъ отъ насъ. Какъ-то разсердившись, онъ кричалъ, что мы гнилое болото, которое надо, какъ можно скорѣе, засыпать землею.

Вообще положеніе, когда не только отвлеченно, но всѣмъ существомъ начинаешь понимать, что слово «конецъ» не просто звукъ, а нѣчто опредѣленное, реальное, дѣйствительно, очень тяжелое».

***

Рѣдко въ какомъ письмѣ старая орфографія. Почти всѣ написаны по новой. Мануйловъ, взявшій на себя эту реформу, долженъ радоваться.

По существу не все-ли равно, пишется-ли «хлѣбъ», или «хлебъ», но эти жалобы на тоску и безнадежность, написанныя на клочкахъ сѣрой бумаги и безъ буквы «ѣ», производятъ особо тягостное впечатлѣніе.

Напоминаютъ письма каторжанъ. Конечно, каторжанъ стараго времени, тѣхъ, многіе изъ которыхъ управляютъ теперь Россіей.

И очень часто — какой-то новый стиль. Особые обороты рѣчи, искусствено составленныя слова. Чувствуется, что не безнаказанно для судебъ русскаго языка издаются такія газеты, какъ «Правда», «Бѣднота» и имъ подобныя.

Одинъ старый сенаторъ, въ точномъ смыслѣ словъ доживающій свои дни, пишетъ сыну — эмигранту:

«Разрушена промышленность, извращеа торговля, обезображены города — въ наши дни, когда международный оборотъ такъ быстръ и мощенъ, не надо будетъ и десяти лѣтъ, чтобы эта сторона жизни опять пошла полнымъ ходомъ. Но ужасъ въ другомъ: помята русская культура, оборвана преемственность мысли, брошено въ сорную яму все то, пусть и невѣсомое, но реальное, что отъ Симеона Полоцкаго вело къ Ломоносову, отъ Ломоносова къ Пушкину, отъ Пушкина къ Льву Толстому. Справимся-ли мы съ этимъ, а если справимся, то когда?»

Конечно, для двадцатилѣтняго коммуниста мнѣніе умирающаго старца — вздоръ. Но что, если онъ правъ?!..

СТАРОЕ И НОВОЕ.

Старая бюрократія имѣетъ всѣ права гордиться: она оказалась не только наиболѣе подготовленной къ работѣ, но и наиболѣе порядочной и добросовѣстной.

Таковъ одинъ изъ результатовъ пяти лѣтъ русской революціи. Если хотите, результатъ нѣсколько неожиданный, потому что за послѣдніе годы эту бюрократію такъ травили, такъ измывались надъ нею, что даже въ ея собственныхъ нѣдрахъ зародились сомнѣнія: многіе повѣрили, что, въ самомъ дѣлѣ, пора сдать позиціи и уступить мѣсто новымъ, куда болѣе полезнымъ и разумнымъ силамъ.

Напрасныя были то сомнѣнія. Пришедшіе на смѣну пришли ни съ чѣмъ, а за ихъ гордыми словами не оказалось ничего, кромѣ легкомыслія и дурныхъ замашекъ.

Отмѣчать такія вещи не легко. Вопросъ вѣдь сводится не къ простой случайности. Наоборотъ: революція выдвинула все лучшее, что имѣла въ своемъ распоряженіи. Это были люди, десятки лѣтъ боровшіеся за власть, готовившіеся къ власти, показавшіе свое умѣніе вести политическую борьбу. Эти люди имѣли свой антуражъ: они убѣждали толпу и, очевидно, сами были убѣждены, что располагаютъ опредѣленной программой, реальной, политически необходимой: они, наконецъ, шли какъ-бы на зовъ общественнаго довѣрія, которымъ гордились, да, конечно, и имѣли право гордиться.

Слѣдовательно, если въ результатѣ оказалось такое исключительно позорное банкротство, то нельзя разсматривать его только, какъ банкротство какихъ-то отдѣльныхъ лицъ или даже — кружковъ. Это — банкротство цѣлыхъ классовъ русскаго общества, банкротство всего, что вырабатывало и укрѣпляло эти классы: русскаго университета, печати, земства, словомъ, всего, что составляло такъ называемую «передовую» Россію.

Драма эта тѣмъ глубже, что рѣчь идетъ не только о томъ, что «передовая» Россія не съумѣла удержать власть. Развѣ не бываетъ обстоятельствъ, когда и самые разумные люди, вполнѣ подготовленные, искренніе патріоты и готовые для родины на любыя жертвы, видятъ себя вынужденными уйти, чтобы этимъ избѣжать кровопролитія, гражданской войны и т. д.? Вопросъ поставленъ жизнью, къ сожалѣнію, иначе: они не могли удержать власть, такъ какъ имъ было нечѣмъ удержать ее. То, что они предлагали, ничего не стоило, а иного у нихъ въ запасѣ не было.

Это были люди, которые, въ отличіе отъ бюрократіи, узкихъ техниковъ, почти людей — машинъ, во всякомъ случаѣ — безъ широкихъ горизонтовъ и погрязшихъ въ традиціяхъ, являлись для значительной части русскаго общества людьми идейными. Но какого рода была ихъ идейность? Революція подвела итогъ: то были классовыя устремленія, настоянныя на полумысляхъ, на недочитанномъ, на непровѣренномъ, на непродуманномъ.

Покойный профессоръ каноническаго права Павловъ сказалъ какъ-то объ одномъ изъ своихъ коллегъ: «прочтетъ, да не дочитаетъ, подумаетъ да не додумаетъ и спѣшитъ скорѣе написать: но, конечно, и не допишетъ».

Слова, которыя, къ сожалѣнію, могли-бы служить лучшимъ эпиграфомъ къ печальной исторіи той идейности, что ринулась на смѣну бюрократіи.

Эти, пришедшіе на смѣну, не сомнѣвались, что въ ихъ рукахъ подлинные ключи счастья. Увы, то оказались простыя отмычки. Вскрыли всѣ ящики, повыбрасывали все, что тамъ было, наворотили гору сора, и первые-же растерялись. Остальное было только слѣдствіемъ.

Начавъ осуществлять тѣ свои полумысли, которыя они принимали за реальную политическую программу, они шли очень весело, какъ-бы въ парадномъ маршѣ, слегка подтанцовывая. Но жизнь сильнѣе иллюзій. И въ этомъ отношеніи никакая иллюзія не можетъ быть продолжительной. Со всѣхъ сторонъ потянулись руки, посыпались требованія, раздались угрозы, и парадный маршъ самъ собою обратился въ скачку съ препятствіями.

Пусть тѣ мотивы, которыми они руководились, были достойны всякаго уваженія. Но,

что кромѣ горя и отчаянія могутъ дать благія намѣренія, высказанныя не во время, неумѣло, безъ всесторонняго соображенія съ общей обстановкой, безъ тщательной разработки частностей? Въ чемъ-же тогда состоитъ отвѣтственность власти?

Когда на бюрократію шли штурмомъ, а затѣмъ, когда держали ее рядъ лѣтъ въ осадѣ, со стороны глядя, можно было думать, что бюрократія — какіе-то чужеземцы, люди свалившіеся на Россію съ луны, учившіеся въ какихъ-то другихъ школахъ, читавшіе какія-то другія книги, испытывавшіе на себѣ какія-то другія, но только не общерусскія вліянія. Вѣдь это — неправда. То была плоть отъ плоти, кость отъ кости русскаго народа, русскаго общества. Дядя служилъ губернаторомъ, племянникъ засѣдалъ въ Земскомъ Союзѣ. Одинъ братъ былъ приставомъ, другой читалъ лекціи на женскихъ курсахъ, или редактировалъ соціалистическій журналъ. И мотивы, и идеи, и программы — все это было хорошо извѣстно и бюрократіи. Едва-ли можно указать вопросъ, или какое-либо теченіе русской общественной мысли, мимо которыхъ бюрократія прошла-бы съ легкимъ сердцемъ, безъ достаточнаго вниманія. Когда революція открыла всѣ архивы, люди, пришедшіе на смѣну, могли убѣдиться, что бюрократія была много менѣе инертна, чѣмъ это имъ казалось.

Но въ чемъ-же тогда дѣло? Отчего бюрократія имѣла всегда такой мертвый, скучающій видъ? Да только потому, что она сознавала свою отвѣтственность и даже преувеличивала ее.

Мудрость власти состоитъ въ умѣніи ждать и переставать ждать. Ошибка бюрократіи состояла въ томъ, что она мало умѣла переставать ждать. Преступленіе тѣхъ, кто шелъ ей на смѣну, состояло въ томъ, что они совсѣмъ не умѣли ждать.

Но есть еще одна сторона вопроса. Къ сожалѣнію, еще болѣе печальная. Вопросъ о добросовѣстности и даже простой порядочности. Тѣ, кто пиршелъ на смѣну, не сомнѣвались, что они, наконецъ-то, узнаютъ точно и смогутъ объявить во всеуслышаніе, до какой степени гнусно и воровски дѣйствовала бюрократія, а, слѣдовательно, какъ они были правы, когда столько лѣтъ, день изо дня тащили ее къ позорному столбу. Переворотъ совершился такъ неожиданно и быстро, что никто просто не имѣлъ времени уничтожить ни одного документа. На столахъ остались недописанныя письма. Въ ящикахъ столовъ, вмѣстѣ съ дѣловыми бумагами — интимная переписка. Слѣдовательно, жаловаться не на что: все было въ рукахъ тѣхъ, кто пришелъ судить и судить грозно и немилостиво.

И что-же? Восемь мѣсяцевъ работала Чрезвычайная Слѣдственная Комиссія, были привлечены къ работамъ всѣ любители розысковъ, сколько мукъ и позора перенесли попавшіе въ руки этихъ любителей бывшіе сановники, но ни одного обвиненія, тѣмъ не менѣе, не могли поставить на судъ. Этого мало. При той злобѣ, которой всегда отличались господа, шедшіе на смѣну, если-бы они могли установить хотя-бы призракъ преступленія, или даже сколько-нибудь характернаго злоупотребленія, революціонная печать создала-бы немедленно большое событіе. Кажется, всѣ еще помнятъ, что ничего подобнаго не было. Значитъ, дѣйствительно ничего не нашли.

А если-бы наоборотъ, бюрократія оказалась теперь въ положеніи, когда пришлось-бы разслѣдовать дѣятельность ея замѣстителей? Къ сожалѣнію, большевизмъ замелъ многіе слѣды, и многое уже никогда не узнается. Но и того, что извѣстно, болѣе, чѣмъ достаточно. Какъ расходовались средства въ центрѣ? Какъ переводились заграницу огромныя суммы на «партійныя нужды»? Какъ сразу развратили дѣло снабженія? Какъ безъ суда и слѣдствія, руководствуясь только политической местью, хватали ни въ чемъ неповинныхъ людей и гноили ихъ въ тюрьмахъ? Какъ въ теченіе первыхъ-же двухъ мѣсяцевъ создали обстановку, при которой за деньги можно было достать паспортъ, разрѣшеніе на переводъ валюты, любой документъ, любое право?

А въ провинціи? Бывало, иной губернаторъ попытается кормить своихъ лошадей за счетъ пожарнаго депо. Рано или поздно, но это узнавалось, и губернатора убирали. Пришедшіе на смѣну комиссары Временнаго Правительства, еще ничего не видя, сразу

усаживались на казенныя автомобили и перевозили къ себѣ на квартиры казенную мебель. А коменданты станцій? А девять десятыхъ всякаго сорта людей, которые носили красныя повязки и на груди большие красные банты? Нельзя было шагу ступить, чтобы не сунуть имъ въ руки бумажку. И еще: такъ любили почетъ, что, кланяясь въ поясъ и показывая видъ, что признаешь за дѣйствительное начальства, можно было иногда устроиться и съ небольшой взяткой.

Все низменное, что неизбѣжно въ дурно воспитанномъ обществѣ, покатилось лавиной на страну и обывателя, и обыватель, еще задолго до большевизма, увидѣлъ, что его дѣло плохо: или погибай, или самъ дѣлайся начальствомъ.

Никогда переходъ къ большевизму не былъ-бы такъ простъ и легокъ, если-бы ему не предшествовалъ этотъ періодъ развала. А онъ—плодъ неподготовленности и недобросовѣстности класса, пришедшаго на смѣну бюрократіи. Это ихъ труды. Это имъ мы обязаны тѣмъ, что за симъ случилось.

Любимая отговорка этихъ, пришедшихъ на смѣну, сводится къ тому, что они получили отъ бюрократіи слишкомъ тяжелое и запутанное наслѣдство? Зачѣмъ свои и безъ того неискупимыя вины отягощать наивной ложью? Въ наслѣдство они получили огромную организацію, большія матеріальныя средства и — что, можетъ быть, важнѣе всего — общую готовность идти за ними въ огонь и въ воду. Сами-же они ославили бюрократію, и той, несмотря на всѣ ея усилія, было уже трудно работать. Такимъ образомъ, все, казалось, было къ ихъ услугамъ. Только-бы сумѣли взяться за дѣло, не растаскивали-бы въ клочья казеннаго добра и отнеслись-бы къ власти не какъ къ опьяняющему тріумфу, а какъ къ тяжелой отвѣтственной обязанности.

Ничего не сумѣли сдѣлать. Все расшатали, раскромсали, пустили по вѣтру. И, конечно, все сгубили.

Удивляться-ли, что выросъ большевизмъ? Старое было смято, новое никуда не годилось. долженъ былъ непремѣнно придти кто-то третій, кто занялъ-бы пустое мѣсто и сталъ-бы творить свою волю.

Помните, какъ у Островскаго: «воспитывали, воспитывали — и обанкротились!»...

НАШИ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Наша эмиграція дѣлится прежде всего на два класса: на сохранившихъ валюту и на не сохранившихъ ея. Первые—умные, вторые—глупые. За немногими исключеніями, первые —тѣ, кто или имѣлъ въ своемъ распоряженіи казенныя деньги и теперь объявляетъ, что вернетъ ихъ только «законному правительству», или же кто на правахъ предсѣдателя правленія, директора-распорядителя, даже просто — члена правленія или совѣта какого нибудь акціонернаго общества (часто не имѣя ни одной акціи) получилъ доступъ къ находившемуся за границей имуществу этого общества и распорядился имъ, какъ своимъ наслѣдственнымъ достояніемъ.

Въ качествѣ умныхъ, они съ нескрываемой досадой смотрятъ на безпрерывный притокъ глупыхъ, искренно не понимаютъ, въ чемъ собственно эти послѣдніе усматриваютъ свое право на существованіе, и то и дѣло цѣдятъ сквозь зубы: «ахъ, эти русскіе, никогда не умѣютъ устроиться!..»

Кто то издалъ недавно книгу подъ заглавіемъ: «Уголовное акціонерное право». Нѣтъ сомнѣнія, что, когда откроется Россія, на эту новую отрасль правовѣдѣнія будетъ исключительный спросъ. Акціонеръ, по природѣ своей, трусъ и наивенъ, но адвокаты ему подскажутъ. И мы будемъ присутствовать при удивительныхъ разоблаченіяхъ.

Держатели валюты занимаютъ дорогія квартиры, имѣютъ свои виллы, автомобили, и, за немногими исключеніями, готовы на соглашеніе съ большевиками. Только бы получить какую нибудь концессію — ее можно было бы продать англичанамъ или американцамъ.

Само собою разумѣется, что на всякаго рода собраніяхъ или съѣздахъ, они ведутъ иныя рѣчи. Они, конечно, не монархисты, а республиканцы, но они — враги большевизма и отстаиваютъ мысль, что сейчасъ, болѣе чѣмъ когда либо, надо бороться до конца. Для переговоровъ съ большевиками у нихъ имѣются спеціальные люди—«другъ дѣтства» Красина, «товарищъ по эмиграціи» Ленина и, хотя это стоитъ не дешево («другъ дѣтства» — 2.000 фр. въ мѣсяцъ, «товарищъ по эмиграціи» — не менѣе 1.500 фр. и единовременно — 3.000 фр.), но такъ во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣе.

Только трудно имѣть дѣло съ большевиками. Начинается мило и многообѣщающе: дается концессія на весь средній и нижній Уралъ («не хотите ли прихватить и Алтай?» —любезно спрашиваетъ «другъ дѣтства»), образуется акціонерное общество съ капиталомъ въ 300 мил. франковъ, большевики берутъ половину акцій, вторая половина продается иностранцамъ, иниціаторы дѣла получаютъ учредительныя доли, словомъ остается только поздравить другъ друга и на радостяхъ выпить шампанскаго.

Но скоро выясняется, что во время переговоровъ какъ то мало обратили вниманія на нѣкоторыя частности: держатель валюты думалъ, что, оставляя за собою половину акцій, большевики обязываются внести въ кассу будущаго общества хоть какую нибудь сумму наличными; большевики, между тѣмъ, полагали, что, предлагая два Урала, нижній и средній, они вправѣ требовать не только половины акцій, но и извѣстной доплаты. Вѣдь въ этой доплатѣ вся суть ихъ концессіонныхъ замысловъ. Иначе чего ради они стали бы стараться?

Держатель валюты продолжаетъ на собраніяхъ и съѣздахъ громить большевизмъ и звать слушателей къ «широкой демократической республикѣ», которая должна «гордо придти на смѣну прогнившаго монархическаго режима»: большевики продолжаютъ разстрѣлы и все прочее, что имъ полагается. За то «другъ дѣтства» или «товарищъ по эмиграціи» то и дѣло катитъ изъ Лондона въ Парижъ и изъ Парижа въ Берлинъ. Наконецъ, что то, повидимому, налаживается.

Во первыхъ, общество образуется съ капиталомъ не въ 300 милл., а въ 30; затѣмъ рѣчь идетъ уже не о двухъ Уралахъ, а о рыбныхъ промыслахъ на Сѣверѣ, или о каменномъ углѣ на Югѣ; въ третьихъ, наличныхъ денегъ не получаетъ ни одна, ни другая сторона; за то большевики выговариваютъ себѣ 60 проц. будущихъ прибылей, а держатель валюты получаетъ отъ большевиковъ право, по возвращеніи въ Россію, безпрепятственно разыскивать свою мебель (но, конечно, не у комиссаровъ, — заявляютъ ему въ скобкахъ).

Будетъ договоръ заключенъ или не будетъ —сказать трудно. Сегодня кажется, что будетъ, завтра появятся на горизонтѣ новыя тучки — можетъ быть, и не будетъ. Но держатель валюты озабоченъ, хлопочетъ, совѣщается, пишетъ записки, окружаетъ себя адвокатами. Держатель валюты тѣмъ болѣе измученъ, что ему въ то же время надо предсѣдательствовать въ секціи, въ которой вырабатываютъ текстъ протеста противъ приглашенія большевиковъ въ Геную и участвовать въ трудахъ комиссіи по вопросу о созданіи единаго демократическаго фронта изъ лѣвыхъ кадетовъ и правыхъ эсъ-эровъ.

Эти держатели валюты, т. е. умные, являются среди русской эмиграціи своего рода звѣздами. Кое кого изъ нихъ всѣ мы знали и раньше, большинство узнали только теперь. Это —дѣти того счастливаго для нихъ момента, когда русскій народъ, не разсуждая и не колеблясь, отдавалъ свою жизнь на поляхъ сраженій. Металлы поднимались тогда быстро въ цѣнѣ, мобилизація промышленности сопровождалась вакханаліей авансовъ, а взятые, но не исполненные заказы считались обыкновенной коммерческой сдѣлкой.

Напомнимъ, кстати, что за симъ слѣдовали годы гражданской войны. Опять лилась кровь, и, слѣдовательно, опять производились многочисленныя хозяйственныя операціи. Между тѣмъ, франкъ такъ устроенъ, что, какъ и всякая другая валюта, сколько въ него не всматривайся, никакъ не разобрать, принадлежитъ ли онъ арміи Деникина, или Колчака, или Юденича, или Врангеля. Франкъ, какъ франкъ, и въ чьихъ онъ рукахъ, тотъ и является его собственникомъ.

Когда нибудь все выяснится, а пока что

есть только умные и глупые. Умные сіяютъ какъ звѣзды, а глупые..... Что сказать о глупыхъ? Тѣ кто постарше, продаютъ свои шубы, счастливо вывезенныя изъ Россіи, или ищутъ покупателя на квитанціи Госуд. Банка о пріемѣ на храненіе «Займа свободы». Кто помол же, тѣ женятся.

Есть еще одно дѣленіе эмигрантовъ: просто эмигранты, скажемъ—основная ихъ масса, тѣ, кто только и занятъ мыслью, какъ просуществовать сегодняшній день, и тѣ—ихъ довольно многочисленный кружокъ — которые, на правахъ знаменоносцевъ, представляютъ Россію предъ лицомъ западно-европейской культуры. Всѣ они, конечно, лѣвые. Есть лѣвые безъ дальнѣйшихъ обозначеній, есть лѣвѣйшіе, есть лѣвые съ уклономъ въ сторону лѣвѣйшихъ, есть лѣвые съ уклономъ противъ лѣвѣйшихъ; наименьшее, что требуется, чтобы имѣть право принадлежать къ числу такихъ избранныхъ, это — проклинать старую Россію и умѣть находить оправданіе «ошибкамъ» временнаго правительства.

Центромъ кружка являются именно члены этого правительства и тѣ силы, которыя группировались тогда у кормила правленія. Это — люди, которые до сихъ поръ еще никакъ не могутъ понять, отчего такъ быстро промчалась мимо нихъ рѣка, казалось, такая безконечная. Это люди сильныхъ, но, правда, очень краткосрочныхъ воспоминаній.

А вокругъ — помощники и поклонники. И всѣ — со знаменами въ рукахъ, и каждый готовъ самоотверженно представлять Россію, пока имѣется для ихъ довольствія хоть какая нибудь казенная или партійная валюта.

Что же это за представители? Когда океанъ разбушуется, нерѣдко и очень большіе корбали идутъ ко дну. Но щепки, оставшіяся отъ разбитаго корабля, остаются на поверхности. Онѣ носятся по гребнямъ волнъ, всѣ въ морской пѣнѣ, но гордыя и самодовольныя: и, конечно, если бы онѣ способны были говорить, то стали бы увѣрять, что это ими управляется океанъ, этотъ разбушевавшійся звѣрь, который, однако, никакъ не можетъ отъ нихъ отдѣлаться.

Корабля давно нѣтъ, а щепки остались — подите, убѣдите ихъ, что они только щепки. Они — соль Земли Русской, онѣ, эти щепки, —истинные и единственные представители народной воли и народнаго самосознанія. Гордые и самодовольные....

Они — тѣ, кто выступаетъ съ заявленіями, протестами, пожеланіями. Они пишутъ исторію русской революціи, они стоятъ во главѣ всякаго рода общественныхъ организацій, они заполняютъ всякіе курсы, собранія и съѣзды, въ ихъ рукахъ русская заграничная печать. Всюду и вездѣ только они. Это и понятно. Дѣятели консервативнаго лагеря избѣгаютъ шума и не любятъ выдвигаться. Да и не подошло еще время. Наоборотъ, пусть выбалтываются: чѣмъ больше напутаютъ, тѣмъ большее число людей пойметъ, съ кѣмъ и съ чѣмъ, въ сущности, приходится имѣть дѣло.

Давно ли, напримѣръ, кн. Львовъ былъ своего рода оплотъ? Много ли теперь отъ него осталось? А Милюковъ? А пресловутый Керенскій?

И всѣ они ссылаются на свои чрезвычайныя полномочія: одинъ былъ три недѣли или три дня Министромъ, другой былъ избранъ членомъ Учредительнаго Собранія, третій носилъ за Керенскимъ портфель. Что же сказать о самомъ Керенскомъ? Онъ былъ Министромъ, и предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, и Верховнымъ Главнокомандующимъ. И это не сказка, а такъ дѣйствительно было. И страницы этой не вырвать изъ исторіи русскаго народнаго горя....

Казалось бы, опытъ все таки чему нибудь да учитъ. Даже большевики, вся сила которыхъ въ ихъ непреклонности, съумѣли понять, что жизнь сильнѣе теоретическихъ построеній. Правда, взамѣнъ однихъ несообразностей, они придумываютъ другія, но все-же они чего-то ищутъ и сдвинулись съ мертвой точки. Тѣ, о которыхъ мы говоримъ, не въ состояніи ничего понять: ни того, что бывшія для нихъ неограниченныя возможности уже никогда болѣе не повторятся, ни того, что если эти бывшія возможности они обратили въ такую отвратительную кляксу, то только потому, что они поверхностны, не въ мѣру самонадѣяны, свыше всякой мѣры влюблены въ себя и потому органически не способны къ систематической отвѣтственной работѣ.

Конечно, теперь они винятъ обстоятельства Старая исторія: всѣ слабые люди ищутъ вино-

вныхъ на сторонѣ. Но есть вины, которыя хуже прямого преступленія. Взять въ руки власть, взять ее путемъ безпримѣрнаго въ исторіи предательства, и такъ ею распорядиться, какъ распорядились эти господа - можно ли послѣ этого продолжать питать какія то надежды и - что поразительнѣе всего - продолжать настаивать на томъ, что они дѣйствительно представляютъ собою вѣру и чаянія рускаго народа, его мысли и чувства?

Что это: безцеремонность професіоналовъ, или хроническое недомоганіе мысли?

Не стоило бы, можетъ быть, и говорить объ этомъ, если бы не вѣчная шумиха, которая въ переживаемыя нами по истинѣ трагическія минуты особенно сильно бьетъ по нервамъ. Россія у самаго края пропасти, она подъ колесами, полупридавлена, въ агоніи, а возьмешь въ руки русскую газету, и на пространствѣ нѣсколькихъ строкъ Милюковъ доказываетъ,что онъ не вносилъ такой то поправки въ такую то резолюцію,или сторонникъ Чернова коститъ противниковъ Чернова по поводу неправильно истолкованной фразы,или не точно напечатаннаго письма....

Прости имъ, Господи, ибо не вѣдаютъ, что творятъ...

Когда то «наши за границей» являлось темой для безобиднаго юмора. Теперь эти слова звучатъ трагедіей. Такое множество выбитыхъ изъ колеи людей, такое множество безнадежно потрясенныхъ жизней, такой мракъ въ душѣ, такая пустота впереди....

Существованіе изо дня въ день, интересы, которые свелись къ тому, чтобы не испортить своихъ отношеній съ консьержкой, а рядомъ — дочь, которая все очевиднѣе дѣлается проституткой или сынъ,который начинаетъ поторговывать кокаиномъ.

«Наши за границей» — это такая мрачная эпопея, что начинаешь спрашивать себя, есть ли предѣлъ человѣческой выносливости и терпѣнію. Каждый день приноситъ новыя разочарованія, а все же продолжается борьба за иллюзію жизни. Жизнь, какъ безпрерывный процессъ приспособленія — русская эмиграція познала этотъ законъ, какъ вѣроятно никто и ничто въ мірѣ.

Когда-же конецъ этому? Ллойдъ Джорджъ думаетъ, что послѣ Генуэзской конференціи. Дай Богъ ему всего хорошаго, но онъ, конечно, ошибается.

ДВА ВОЖДЯ.

(отъ нашего Лондонскаго корреспондента).

Совершенно очевидно, что когда нибудь это свиданіе, столь важное для грядущихъ судебъ Россіи, должно было, наконецъ, состояться.

И оно состоялось. Ему предшествовали сложные и длительные переговоры. Одинъ — побѣдитель, другой — побѣжденный. Но въ прошломъ не мало общихъ воспоминаній. Можетъ быть, вмѣстѣ грабили почту, навѣрное, не разъ засиживались далеко за полночь, обсуждая очередные програмные вопросы. Кто знаетъ,что будетъ завтра!Что,если опять придется рука въ рукѣ идти на общаго врага?!..

На какомъ принципѣ долженъ строиться церемоніалъ встрѣчи? Керенскій намекалъ на примѣръ свиданія въ Тильзитѣ. Кстати, Лондонъ также стоитъ на рѣкѣ. Но Красинъ правильно замѣтилъ на это, что Керенскій уже не Наполеонъ, а онъ, Красинъ, еще не Александръ Первый. Сверхъ того, Темза болѣе располагаетъ къ насморку, чѣмъ къ бесѣдамъ на политическія темы.

Встрѣтиться какъ бы случайно?Но что скажетъ исторія? Весь смыслъ этого свиданія въ сознательности рѣшенія, принятаго обѣими высокими сторонами.

Старыя привычки взяли верхъ, и мѣстомъ встрѣчи была избрана одна изъ конспиративныхъ квартиръ.Керенскій обязался явиться первымъ, но за то Красинъ обѣщалъ, что, войдя, онъ первый скажетъ: «здравствуйте». Оба дали честное слово, что явятся безъ оружія и безъ свиты.

— Безъ оружія? — сказалъ Керенскій. — Я согласенъ. Но я прихожу въ мундирѣ. Я бѣжалъ — это такъ, но я не слагалъ съ себя полномочій, врученныхъ мнѣ народомъ.

Ровно въ полночь Красинъ вошелъ въ комнату, гдѣ уже сидѣлъ Керенскій.

— Очень радъ васъ видѣть, — сказалъ Красинъ, протягивая руку великому побѣжденному.

Керенскій высоко вверхъ поднялъ плечи и щелкнулъ шпорами.

— У васъ хорошій видъ, — сказалъ Красинъ. — А я вотъ все худѣю. Если бы вы знали, какъ это трудно возрождать Россію! — прибавилъ онъ, вздохнувъ.

— Кому вы говорите! — воскликнулъ Керенскій.

— У меня шкафы ломятся отъ проектовъ, но я ихъ даже не читаю, потому что, если не на первой, то на послѣдней страницѣ отъ насъ требуютъ денегъ. Сами понимаете... Четвертый годъ мы ведемъ борьбу съ этими закоренѣлыми буржуазными привычками... Но Западъ не Россія. Здѣсь никакъ не могутъ понять, что довѣріе народныхъ массъ дороже денегъ.

— Кому вы говорите!—повторилъ Керенскій.

— Кстати, о деньгахъ, — замѣтилъ, какъ бы мимоходомъ, Красинъ — за вами мы числимъ небольшой должекъ. Вы, повидимому, торопились, когда отбывали за границу и, въ этой суетѣ, — что такъ естественно — захватили кое какія суммы и цѣнности.....Это было бы неважно, но разъ мы объявили націонализацію — вы понимаете...

Керенскій пожалъ плечами.

— Слушайте, Красинъ — сказалъ онъ, вставая — давайте говорить серьезно. Что вы могли бы намъ предложить?

— Кому? Партіи? Ничего.Отдѣльнымъ лицамъ? Поговоримъ.

Красинъ говорилъ спокойно, тономъ человѣка, который не пойдетъ дальше, чѣмъ онъ рѣшилъ.

— Но прежде всего садитесь, — добавилъ онъ улыбаясь. — И не дѣлайте этихъ нервныхъ движеній.... Будемъ спокойны....

— Не обращайте вниманія... Старыя привычки...

— Привычки къ власти? Понимаю...

Красинъ вынулъ изъ бокового кармана записную книжку.

— Будемъ пока говорить лично о васъ. Хотите портфель продовольствія? Вы — человѣкъ военный. Наше продовольствіе, какъ вы знаете, — война изъ за каждаго куря. Конечно, вы не — Троцкій, что дѣлать, не обижайтесь — но и вы не обдѣлены дарованіями стратега. Попробуйте. Есть, гдѣ развернуться вашему военному генію...

Керенскій обидѣлся.....

— Послѣ того положенія, которое я занималъ въ мірѣ — началъ онъ съ подъемомъ — я, который.....

Красинъ мягкимъ движеніемъ руки предложилъ Керенскому успокоиться, и продолжалъ:

— Дорогой мой, давайте попробуемъ безъ Шекспировскихъ моментовъ. Да и нужны ли они? Мы васъ знаемъ, мы никогда не забудемъ, чѣмъ вамъ обязаны, скажу больше: не будь васъ—не было бы насъ. Разрѣшите сказать вамъ всю правду. По существу, вы дѣйствовали, какъ ребенокъ, который получилъ новую игрушку. Но многіе принимали васъ за хитрѣйшаго дипломата. Какъ, напримѣръ ходили около васъ Милюковы, Львовы, Терещенки, какую вокругъ васъ плели паутину и какъ вы сбрасывали ихъ въ яму одного за другимъ, даже не замѣчая, что вы дѣлаете...

Керенскій снова встрепенулся.

— Дѣйствительно....... — Онъ передернулъ плечами. — Я зналъ, куда я иду... я предвидѣлъ...

— Дѣло прошлое — остановилъ его Красинъ — ничего вы не предвидѣли. Но не къ тому рѣчь.Я хочу только сказать,что мы очень понимаемъ, чѣмъ вамъ обязаны. Идите къ намъ—мы васъ примемъ. Но не будьте слишкомъ требовательны: тѣ роли,которыя вы считаете своими,уже розданы. Миритесь съ тѣми, какія мы въ состояніи вамъ предложить.

— А меня не разстрѣляютъ? — вдругъ спросилъ Керенскій .

Красинъ широко развелъ руками.

— Спеціально васъ — не думаю, а вообще т.е. васъ, какъ и всякаго другаго—возможно. Двухъ офицеровъ, которые ходили бы за вами съ шашками на голо, какъ вы къ этому привыкли, — конечно, мы вамъ не дадимъ, но устраиваться можете, какъ найдете болѣе удобнымъ. Думаете наше положеніе лучше? Всѣ одинаково на вулканѣ, и кто знаетъ, какъ пойдутъ событія, — добавилъ Красинъ задумчиво.

— Бьемся за жизнь,—сказалъ онъ затѣмъ,

—бьемся за надежду вырваться изъ заколдованнаго круга, изъ болота, которое вы развели, а мы сдѣлали бездоннымъ. Были кое какія деньги — растащили до послѣдняго гроша, были идейные запасы — вывѣтрились, облиняли: работать,конечно, никто не хочетъ, а жить старымъ — да гдѣ же его взять? Все взято. Дѣлаемъ послѣднюю ставку—на концессіи. Лѣса, уголь, нефть, чертъ, дьяволъ, лишь бы дали валюту. Но не даютъ канальи, вотъ ужасъ.

Керенскій оживился.

— Уступите намъ власть — воскликнулъ онъ, — и будетъ валюта..

— Такъ ли?

— Ручаюсь. Важно довѣріе. При моихъ связяхъ и отношеніяхъ...

— Вы намекаете на Милюкова?

— Кого? — Керенскій даже не понялъ. — Какой вздоръ! Въ моихъ рукахъ всѣ нити. Не было ни одной конференціи, гдѣ бы попытались обойтись безъ меня. Мы съ Авксентьевымъ....

Красинъ махнулъ рукою.

— Нѣтъ, Керенскій, не въ этомъ дѣло, — сказалъ Красинъ. — Вопросъ не въ связяхъ. Я съ Ллойдъ Джорджемъ на бильярдѣ играю, а что толку? Нужны гарантіи. И мы, конечно, даемъ ихъ, но какъ гарантировать наши гарантіи?

— Моимъ именемъ,—торжественно произнесъ Керенскій.

— Я предлагалъ чужія доски, — меланхолически замѣтилъ Красинъ, — и то не берутъ. Не забывайте,что приходится имѣть дѣло съ купцами и банкирами. Тутъ всѣ вопросы ставятся грубо и элементарно: вынь да положь. Развѣ мы не пробовали? Напримѣръ, Чичеринъ—онъ одинъ сколько выпустилъ ракетъ. Но что ни ракета, то пріемъ все хуже и хуже. Я уже просилъ его, хотя бы временно, но прекратить эти упражненія. Не моментъ. Мы съ Ленинымъ давно поняли. Надо поворачивать на старое.

Керенскій даже привскочилъ. —

— Ахъ Красинъ! — воскликнулъ онъ — да вѣдь это то и есть главное. О чемъ же я толкую съ вами? Поворотъ къ намъ — единственное спасеніе.... Мы съ Авксентьевымъ...

Красинъ только отмахнулся.

— Не на васъ поворотъ,—сказалъ онъ,—куда тутъ! На городового ,на попа, на податного инспектора, на акцизнаго чиновника. Безъ митинговъ, а по гудку, со штрафами за прогулы. Поворотъ туда,въ царство купона и окладныхъ листовъ....

Наступило молчаніе. Красинъ задумчиво смотрѣлъ въ окно. Керенскій легкимъ военнымъ шагомъ ходилъ изъ угла въ уголъ, звеня своими преувеличенно большими шпорами.

— А какое будетъ жалованье? — вдругъ спросилъ онъ, круто останавливаясь передъ Красинымъ.

— Что? Жалованье? Какъ всѣмъ: домъ, содержаніе, три раза въ недѣлю зернистая икра къ столу, совѣтскими рублями — сколько унесете.

— А валюта будетъ?

— Вопросъ случая, — точнѣе — удачи. Въ принципѣ мы всѣмъ отказываемъ, но, по существу, это вопросъ личной изобрѣтательности. Можете, напримѣръ, устроиться при посредствѣ «Внѣшторга». Хотя нѣтъ — там слишкомъ крадутъ. Лучше просто скупайте брилліанты.... Смотрите, какую прелесть я вывезъ изъ моей послѣдней поѣздки...

Красинъ порылся въ карманахъ и извлекъ коробочку, въ которой, обернутый ватой, лежалъ крупный брилліантъ чистой воды.

— Какая красота! — не могъ удержать своего восторга Керенскій.

— Итакъ, мы идемъ вмѣстѣ? — спросилъ Красинъ. Керенскій утвердительно кивнулъ головою.

— Разумѣется, я долженъ написать Ленину.

— А не возьмете также и Авксентьева? спросилъ Керенскій.

— Зачѣмъ? Въ протодьяконы? Въ редакторы оффиціальной части губернскихъ вѣдомостей? Будемъ пока говорить только о васъ. Когда получу отвѣтъ—увидимся. А теперь....

Красинъ протянулъ ему руку. Керенскій чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ. На душѣ образовался осадокъ. Стѣснялъ также страхъ потерять достоинство.

— Были когда-то и мы рысаками....—криво улыбаясь, продекламировалъ онъ.

Красинъ, который былъ уже у двери, обернулся и многозначительно произнесъ:

— Пара гнѣдыхъ... Пара гнѣдыхъ.....

ЗА ДВѢ НЕДѢЛИ.

Основной вопросъ — конференція въ Генуѣ. Состоится она или не состоится? И если состоится, то важно это, или не важно?

Исторія предположенной конференціи вполнѣ достойна нашихъ дней. Одна изъ тѣхъ счастливыхъ мыслей, которыя приходятъ въ голову во время безсонницы, она родилась безформенной, почти неуловимой. Къ утру, однако, она стала обростать тѣломъ, а когда послѣ завтрака европейскіе премьеры собрались для игры въ гольфъ, уже какъ будто намѣтились и краски. Экономическое возрожденіе Европы, пріобщеніе Россіи къ міровому обороту, пересмотръ Версальскаго договора,еще одно торжество Англіи и т. д.,и т. д.

Еще раньше, чѣмъ было получено приглашеніе, совѣтская Россія выразила свое согласіе. Въ Англіи сейчасъ-же открыли въ главной книгѣ новую страницу и, озаглавивъ ее: «колонизація Россіи», вписали: расходъ по Генуэзской конференціи — 10.000 фунтовъ; приходъ — не менѣе 5 милліардовъ въ годъ.

Но Франція поставила рядъ неосторожныхъ вопросовъ. Напримѣръ: какова точная программа конференціи? Каковы гарантіи, которыя могутъ быть даны совѣтской Россіей? По какому праву конференція собирается пересматривать Версальскій договоръ? Идея конфернціи,кончно,не выдержала натиска этихъ вопросовъ, и краски, которыя было уже намѣтились, сразу потускнѣли. И вновь передъ нами легло нѣчто безформенное, почти неуловимое.

Всѣ немедленно-же насторожились. Малая Антанта поспѣшила объединиться, чтобы не сказаться безгласной въ минуту, когда, можетъ быть, возникнутъ важные для нея вопросы. Нейтральныя державы рѣшили объединиться, въ свою очередь. Троцкій занялся усиленіемъ красной арміи. Большая Антанта созвала экспертовъ. Соединенные Штаты— тѣ просто отказались участвовать въ конференціи.

Словомъ, продѣлано все, что полагается, когда, во имя идеи всеобщаго мира на землѣ, ставится ребромъ вопросъ о другъ друга исключающихъ интересахъ.

Назначенная на начало Марта, конференція отложена на 10 Апрѣля. Принятая Москвой съ нескрываемымъ восторгомъ, она является сейчасъ предметомъ раздраженія. Даже въ Лондонѣ она уже котируется ниже номинала.

Какъ же быть? Считать-ли, что конференція все же состоится, или исключить ее изъ баланса, какъ величину завѣдомо не реальную?

Любопытно отмѣтить, что изъ премьеровъ, принявшихъ въ Каннѣ идею конференціи, остался у власти только Ллойдъ Джорджъ. Но день конференціи еще не насталъ, а телеграммы изъ Лондона часъ отъ часа тревожнѣе...

* * *

Станемъ, однако, исключительно на русскую точку зрѣнія. Намъ, русскимъ, тому подавляющему большинству русскаго народа, которое признаетъ большевиковъ захватчиками и насильниками, намъ желать этой конференціи или не желать? Вопросъ очень серьезный, но отвѣтить на него не легко. Съ одной стороны, кромѣ большевиковъ, есть еще Россія, наша родина, которая томится, страдаетъ, которая ждетъ не дождется, чтобы такъ или иначе, но возможно скорѣе пришли ей на помощь.Съ другой стороны, самый тотъ фактъ, что европейскія державы будутъ разговаривать съ большевиками, пугаетъ насъ своей внутренней нелѣпостью. Мы не можемъ отрицать, что царство большевиковъ длится рядъ лѣтъ; мы знаемъ, что до сихъ поръ ни одна изъ попытокъ сбросить ярмо большевизма не удалась; понимаемъ, наконецъ, что Европа просто уже фактически больше не въ состояніи оставлять Россію внѣ міровсго оборота. Все это такъ. Но какое все это можетъ имѣть значеніе для насъ, которые, не смотря ни на что, понимаемъ, что большевики не Россія и что, каковы бы ни были внѣшнія сказательства, все, что будетъ сдѣлано съ большевиками и

черезъ большевиковъ, не въ состояніи возродить Россію?

Нельзя забывать, что, по самой природѣ своей, большевизмъ не способенъ къ производительному, творческому труду. Какъ бы ни увѣряли они, что они эволюціонируютъ, они не могутъ разстаться съ своимъ основнымъ принципомъ — грабить! Они не могутъ безъ того, чтобы не накладывать на все свою особую печать. Они непремѣнно будутъ подгонять подъ свои формулы, каждый день новыя, то, что составляетъ ихъ сущность — воровскія замашки. Они непремѣнно будутъ всячески уродовать первые ростки новой жизни, даже если на минуту повѣрить, что новая жизнь вообще возможна, пока большевики находятся у власти.

При такихъ условіяхъ что можетъ дать Россіи конференція? Самое большее, на что мы вправѣ надѣяться, — конференція покажетъ Европѣ, что при большевикахъ нѣтъ никакихъ надеждъ на возрожденіе Россіи...

***

Ллойдъ Джорджъ обѣщаетъ лично присутствовать на конференціи. « Le diable aux yeux bleus », — какъ опредѣлилъ его не такъ давно одинъ изъ редакторовъ « Matin ».

Конечно, все зависитъ отъ хода событій. А событія, какъ извѣстно, идутъ скверным ходомъ: по всей линіи британскихъ владѣній неспокойно, и каждый день приноситъ вѣсти о неизбѣжности все новыхъ и новыхъ уступокъ.

Не споримъ : иногда уступки только подчеркиваютъ силу уступающаго; бываетъ въ политикѣ и такъ, что уступкой лишь закрѣпляется разумное и увѣренное движеніе впередъ. Но переживаемыя Англіей минуты полны тревоги. и этого не скрываютъ даже единомышленники Ллойдъ Джорджа.

Не этими ли тревогами питается мысль той части англійскихъ политиковъ, которая, подъ флагомъ снисхожденія къ большевизму, готова разсматривать Россію, какъ будущую колонію Англіи. Что-же! Такъ естественно: кто лишается однѣхъ колоній, хочетъ имѣть другія.

Трудная будетъ эта задача! Надо знать русскій народъ. Да и вообще это особая страна: приходилъ въ Россію иностранецъ съ шарманкой и въ двадцать лѣтъ дѣлался милліонеромъ; пріѣзжалъ въ Россію иностранный милліонеръ и въ два года обращался въ нищаго.

Ллойдъ Джорджъ по себѣ знаетъ, какъ трудно имѣть дѣло съ русскими. Вотъ уже который годъ водитъ онъ хлѣбъ-соль съ большевиками. Большевики отъ этой дружбы попользовались,а попользовалась-ли Англія? По крайней мѣрѣ, самъ-же премьеръ заявилъ въ Палатѣ, что договоръ съ большевиками не принесъ предположенныхъ результатовъ. Мало того: при послѣднемъ свиданіи съ Пуанкарэ Ллойдъ Джорджъ не задумался сказать, что онъ очень мало вѣритъ своимъ друзьямъ-большевикамъ.

Ясно, что на практикѣ русскій вопросъ оказался даже для такого мастера, какъ Ллойдъ Джорджъ, куда болѣе сложнымъ, чѣмъ онъ ожидалъ, когда впервые рѣшился приступить къ нему.

По извѣстіямъ сегодняшняго дня отставка Ллойдъ Джорджа — вопросъ даже не недѣль, а развѣ—нѣсколькихъ дней. Но, кто знаетъ! Можетъ быть, и это лишь избирательный маневръ?

Въ этомъ отношеніи у Ллойдъ Джорджа нѣтъ соперниковъ. Если бы завтра появилась прискорбная вѣсть о его неожиданной кончинѣ, многіе навѣрное воскликнули бы:

— Неизвѣстно! Можетъ быть, и это лишь избирательный маневръ.

***

Чичеринъ, готовясь къ конференціи, выступилъ съ рядомъ заявленій. Они дѣлятся на двѣ части: въ первой онъ говоритъ объ общихъ задачахъ конференціи, во второй — о тѣхъ уступкахъ, которыя уже сдѣланы совѣтскимъ режимомъ въ пользу буржуазно-капиталистическихъ понятій.

Эта вторая часть нуждается, конечно, въ провѣркѣ. Мало сказать: собственность иностранцевъ уважается. Надо создать такую общую обстановку, при которой образовалась бы увѣренность, что собственность не можетъ не уважаться. Мало сказать: внутренняя торговля возстановлена, — надо знать, что это за торговля и при какихъ общихъ условіяхъ она происходитъ.

Но въ одномъ Чичеринъ безусловно правъ:

если правда, что Москву зовутъ, чтобы предложить ей рядъ заранѣе выработанныхъ условій, то зачѣмъ ей эта конференція?

Чичеринъ, однако, не договариваетъ: если Антанта согласилась бы предоставить Москвѣ полную свободу дѣйствій, то какой былъ бы ей смыслъ созывать конференцію?

Есть, конечно, средняя линія, но именно она, по теперешнимъ временамъ, не въ состояніи удовлетворить ни Москву, ни Антанту.

Въ этомъ вѣдь вся особенность положенія.

***

Итакъ, по словамъ Чичерина, слава Богу, все налаживается въ совѣтской Россіи. Должно быть, именно поэтому пріѣхавшіе изъ Москвы члены американской организаціи сэра Хуввера говорятъ: «конецъ! ничего сдѣлать нельзя! настоящій голодъ, такой, котораго міръ не видалъ, только теперь начнется!»

Надо видѣть этихъ людей, надо слышать ихъ разсказы, чтобы понять, до чего довелъ страну совѣтскій режимъ.

Но Чичеринъ, конечно, держится иного мнѣнія. Ему что! Онъ дѣлаетъ политику, и частности его не могутъ смущать. Тѣмъ болѣе, что на все имѣется готовый отвѣтъ: «клевета буржуазной печати»...

***

2/15 марта исполнилась еще одна годовщина печальнаго дня, когда Государь Императоръ отрекся отъ Россійскаго Престола. Совѣтъ Монархическаго Объединенія во Франціи организовалъ по этому поводу публичное засѣданіе. Оно состоялось въ Hôtel Majestic.

Собраніе открылось рѣчью предсѣдателя Совѣта, А. Ф. Трепова. Рѣчь эта была краткая, но сильная. Не стало Монарха — погибла Россія, и день отреченія явился, такимъ образомъ, днемъ, когда русская государственность, которая олицетворялась русской Монархіей, оказалась надломленной въ самомъ существѣ своемъ. Когда въ день годовщины этого рокового событія собираются русскіе люди для обмѣна мыслями, то, конечно, такое собраніе не является партійнымъ, какъ никогда партійной не была русская Монархія.

Затѣмъ выступилъ М. Г. Казариновъ. Онъ говорилъ о томъ, какъ революція сорвала русскую государственную эволюцію. Россія,—говорилъ онъ — въ историческихъ судьбахъ своихъ шла твердо по пути постепенной эволюціи, расширяясь и укрѣпляясь подъ скипетромъ своихъ законныхъ государей, занимая шестую часть земного шара и являясь могущественнѣйшей въ мірѣ Имперіей. Революціонный срывъ не только остановилъ это развитіе, но отбросилъ Россію назадъ въ новый періодъ варварства. «Трагики и комики первой революціи» не долго изображали правительство. Легко было писать декреты и воззванія и возглашалъ скороспѣлыя реформы, но оказалось невозможнымъ пріобрѣсти авторитетъ правительства въ глазахъ народа: Коммунизмъ возвелъ русскій народъ на высокую гору и показалъ ему все неисчерпаемое богатство Россіи, данное ей природой и накопленное вѣками культуры. «Все это твое, сказалъ коммунизмъ, грабь награбленное. Только бросься внизъ, и всѣ ангелы III Интернаціонала подхватятъ тебя и вознесутъ въ коммунистическій рай».

Русскій народъ бросился въ бездну. Въ будущемъ, или власть коммунистовъ должна пасть, или русскій народъ долженъ погибнуть. Но русскій народъ погибнуть не можетъ. Онъ воскреснетъ и снова понесетъ православный крестъ своей исторіи, стряхнувъ чуждую пентаграмму.

А. А. Гулевичъ далъ очеркъ «Трагедіи Русской Арміи». Напомнивъ милліоны жертвъ, принесенныя Россіей на общее дѣло союзниковъ, докладчикъ указываетъ, что переворотъ сдѣлалъ Петроградскій гарнизонъ. Русская армія, скованная на фронтѣ, молча приняла революцію, повинуясь послѣднему приказу своего Державнаго Вождя и надѣясь довести войну до побѣднаго конца. Докладчикъ читаетъ послѣдній приказъ Государя Императора, не допущенный Временнымъ правительствомъ, [sic: «Императопустило»] ...

В. І. Гурко говоритъ о мнимыхъ «завоеваніяхъ революціи». Есть-ли кто-нибудь, кто еще вѣритъ имъ? Ни въ одной области, ни для одного сословія, ни для одной народности революція не дала ничего положительнаго. Была *одна* революція — Мартовская, естественно и неизбѣжно эволюціонировавшая до большевизма, когда власть перешла въ руки тѣхъ массъ, которыя дали физическую силу Мартовскому перевороту.

Интеллигенція, сдѣлавшая переворотъ, съ первыхъ-же шаговъ показала полное отсутствіе чувства государственности. Когда толпа срывала государственные гербы, эти вѣковые символы русской мощи, тогда осуществились пророческія слова Влад. Соловьева:

«О Русь, забудь былую славу,
Орелъ двуглавый побѣжденъ,
Толпѣ безумной на забаву
Даны клочки твоихъ знаменъ».

Въ заключеніе, предсѣдатель отмѣтилъ, что въ рѣчахъ докладчиковъ мало говорилось о самомъ фактѣ отреченія Государя Императора. Это понятно, такъ какъ всѣ мы подавлены громадностью этого факта и еще неспособны дать исчерпывающую историческую оцѣнку его. Однако, всѣхъ объединяетъ чувство скорбнаго преклоненія передъ высокимъ нравственнымъ подвигомъ и свѣтлымъ обликомъ Царя-Мученика.

«Мы разойдемся, закончилъ А. Ф. Треповъ, съ чувствомъ ненависти къ революціонному прошлому, скорби о невыразимыхъ страданіяхъ нашего отечества и твердой вѣрой въ возстановленіе «Единой Великодержавной Имперіи Россійской».

* * *

Совѣтъ Монархическаго Объединенія подалъ 15 февраля с. г. во Французское Министерство Иностранныхъ Дѣлъ заявленіе — протестъ противъ предпринимаемыхъ шаговъ, если не къ сближенію съ большевиками, то все же къ переговорамъ съ ними.

Напомнивъ тѣ заявленія, которыя уже дѣлались по этому поводу различными русскими группами и организаціями, Совѣтъ Монархическаго Объединенія выставилъ слѣдующія соображенія:

1) Русскіе эмигранты вполнѣ и точно освѣдомлены обо всемъ, что происходитъ въ Россіи, и, если они выступаютъ теперь съ этимъ своимъ заявленіемъ, то именно потому, что располагаютъ всѣми данными о положеніи страны.

2) Власть большевиковъ не только является нелѣпой утопіей; эта власть — разрушительная и преступная тиранія. Не только безнравственно, но опасно вступать въ сношенія съ большевиками.

3) Большевизмъ находится сейчасъ наканунѣ паденія. Партія коммунистовъ вырождается. Не слѣдуетъ искусственно поддерживать большевиковъ. Нельзя забывать, что ихъ истинная цѣль — всемірная революція.

4) Экономическія отношенія съ большевистской Россіей не могутъ принести никакой пользы ни Россіи, ни Европѣ. Подъ большевистскимъ игомъ возстановленіе сколько-нибудь нормальной жизни въ Россіи невозможно; концессіи, которыя явятся какъ бы оазисами въ пустынѣ — такой-же миѳъ, какъ и все, что возвѣщается Москвой. Эти концессіи явятся лишь поводомъ для новыхъ столкновеній и новаго кровопролитія.

5) Въ Россіи все болѣе и болѣе опредѣляются религіозныя и національныя теченія, которыя, въ концѣ концовъ, и сломятъ большевизмъ.

6) Безъ возстановленія Россіи не будетъ мира въ Европѣ. Національно-государственное возстановленіе Россіи — залогъ существованія и процвѣтанія всѣхъ славянскихъ государствъ.

7) Національная Россія всегда будетъ естественнымъ другомъ Франціи, какъ въ Центральной Европѣ, такъ и на Балканахъ.

8) Все болѣе укрѣпляются связи между русскими заграничными центрами и Россіей. Необходимо поддержать тѣ изъ этихъ центровъ, которые, съ одной стороны, болѣе другихъ соотвѣтствуютъ истиннымъ чаяніямъ русскаго народа, а, съ другой, традиціонно являются горячими сторонниками русско-французскаго союза.

Тип. Фр.-Рус. Печ., 216, Boulevard Raspail, Paris.

Цѣна 1 франкъ.

Редакція и Контора:

(при «ANNALES RUSSES») — 14, rue de l'Yvette, Paris (XVIe)

№ 3. 23 Апрѣля 1922 г. № 3.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

(Le Dimanche)

ИЗДАНІЕ «РУССКАГО ОЧАГА».

Приложеніе къ № 3 „Воскресенье“.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

ВЪ АКТАХЪ ГЕНУЭЗСКОЙ КОНФЕРЕНЦІИ, А РАВНО ВЪ ОТЧЕТАХЪ О НЕЙ, БОЛЬШЕВИКОВЪ ПРОИЗВОЛЬНО ИМЕНУЮТЪ «ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ РОССІИ».

НЕДОПУСТИМО НАЗЫВАТЬ ПАЛАЧЕЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ КАЗНЕННЫХЪ И УМУЧЕННЫХЪ ЖЕРТВЪ. ПОЭТОМУ МЫ, ОТЪ ИМЕНИ МНОГИХЪ РУССКИХЪ ПАТРІОТОВЪ, РѢШИТЕЛЬНО ПРОТЕСТУЕМЪ ПРОТИВЪ ПРИСВОЕНІЯ «ПОСЛАНЦАМЪ СОВѢТОВЪ» ПОЧЕТНАГО НАЗВАНІЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОССІИ И ЗАЯВЛЯЕМЪ, ЧТО, ПО НАШЕМУ ГЛУБОКОМУ УБѢЖДЕНІЮ, ТО ЗАКОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО, КОТОРОЕ САМЪ СЕБѢ СВОБОДНО ДАСТЪ ВОЗРОЖДЕННЫЙ РУССКІЙ НАРОДЪ, НЕ ПРИЗНАЕТЪ НИКАКИХЪ ДОГОВОРОВЪ, ИСХОДЯЩИХЪ ОТЪ ВРЕМЕННЫХЪ ЗАХВАТЧИКОВЪ ВЛАСТИ.

МЫ ВЪ ПРАВѢ РАЗСЧИТЫВАТЬ, ЧТО ПЕЧАТЬ ДРУЖЕСТВЕННЫХЪ ИСТИННОЙ РОССІИ СТРАНЪ СОЧТЕТЪ ДОЛГОМЪ ВОСПРОИЗВЕСТИ НАСТОЯЩЕЕ НАШЕ ЗАЯВЛЕНІЕ И ПРИМЕТЪ ЕГО ВО ВНИМАНІЕ.

РЕДАКЦІЯ.

„Le Dimanche“ № 3.

DÉCLARATION.

DANS LES ACTES DE LA CONFÉRENCE DE GÊNES ET AUSSI DANS LES COMPTES-RENDUS SUR CETTE CONFÉRENCE, IL EST ABUSIVEMENT ATTRIBUÉ AUX BOLCHEVIKS LA DÉNOMINATION «REPRÉSENTANTS DE LA RUSSIE».

OR IL EST INADMISSIBLE DE CONSIDÉRER LES BOURREAUX COMME REPRÉSENTANTS DE LEURS VICTIMES MARTYRISÉES ET SUPPLICIÉES. C'EST POURQUOI, AU NOM DE NOMBREUX PATRIOTES RUSSES, NOUS ÉLEVONS UNE PROTESTATION ÉNERGIQUE CONTRE L'APPLICATION AUX «ENVOYÉS DES SOVIETS» DU NOM SI HAUTEMENT HONORABLE DE REPRÉSENTANTS DE LA RUSSIE ET AFFIRMONS NOTRE INÉBRANLABLE CONVICTION QUE, LE GOUVERNEMENT LÉGAL QUE LE PEUPLE RUSSE RÉGÉNÉRÉ SE DONNERA LUI-MÊME EN TOUTE LIBERTÉ, NE RECONNAITRA NUL ACCORD CONCLU PAR LES OPPRESSEURS TEMPORAIRES DE SA PATRIE.

NOUS ESTIMONS ÊTRE EN DROIT D'ESPÉRER QUE LA PRESSE DES PAYS AMIS DE LA VRAIE RUSSIE SE FERA UN DEVOIR DE DONNER PLACE A LA PRÉSENTE DÉCLARATION ET LA PRENDRA EN CONSIDÉRATION.

LA REDACTION.

La rédaction et les bureaux: 14, rue de l'Yvette, Paris (XVIe).

ВОСКРЕСЕНЬЕ

(LE DIMANCHE)

...емъ по дѣламъ
...дакціи и Конторы
ежедневно
отъ 2-хъ до 3-хъ ч. дня

Редакція и Контора:
14, Rue de l'Yvette. 14
PARIS (XVIe)

№ 3. Парижъ, 23 Апрѣля, 1922 г. № 3.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЪ!

ПОРА ОДУМАТЬСЯ.

Часъ позора пробилъ: въ Генуѣ, на равныхъ правахъ съ представителями другихъ державъ, отъ имени Россіи засѣдаютъ большевики...

Но скажемъ правду до конца. Если большевики ложно представили себя міру, какъ силу, имѣющую право говорить отъ имени всей Россіи, то можно ли винить въ этомъ только державы Запада? Что въ смыслѣ русской государственности было выявлено послѣ революціи? Увы, рѣшительно ничего!

Яркую попытку сдѣлали монархисты, собравшіеся въ Рейхенгаллѣ. Попытка эта подчеркнула, что только Монархія, олицетворяющая собой самое бытіе Русскаго государства, можетъ представить реальный противовѣсъ грубой силѣ, захватившей власть. Но завершилась-ли эта попытка чѣмъ либо цѣльнымъ? Колебанія, пусть и самыя добросовѣстныя, остались и сверху, и снизу. Страшно и странно сказать, что многіе, повидимому, все еще чего-то ждутъ. Чего именно? Вопросъ недоумѣнный. Представляется, что по мнѣнію этихъ колеблющихся еще и теперь несвоевременно или преждевременно объявить себя монархистами.

Не осужденіе шлемъ мы въ отвѣтъ. Насъ охватываетъ чувство безконечной жалости къ страданіямъ родины. Мы такъ хотѣли бы найти тѣ слова, которыя могли бы открыть глаза этимъ колеблющимся, нашимъ по духу, нашимъ по общимъ своимъ вѣрованіямъ. Какъ и мы, они въ сердцѣ своемъ давно поняли, что безъ Царя нѣтъ спасенія Россіи, но у нихъ недостаточно мужества, чтобы покаяться въ прошлыхъ своихъ заблужденіяхъ.

Между тѣмъ, мы должны помнить, что залогъ скорѣйшаго возрожденія Россіи заключается лишь въ объединеніи Монархическаго дѣла, и въ правильномъ возглавленіи его. Эта мысль должна быть девизомъ разумнаго патріотизма, и тѣ, кто не сознали еще всей ея внутренней правды, дѣлаютъ серьезную ошибку.

Только объединеніе. Обращаемся къ тѣмъ, кому все еще хочется сохранить какую-то видимость внутренняго обособленія отъ насъ, ясно и твердо исповѣдующихъ Монархію. Эти все еще хотятъ доказать, что революція принесла Россіи какія-то новыя цѣнности. Они, какъ напримѣръ, дѣятели «Національнаго Ком.», устами близкаго имъ органа печати, заявляютъ еще и сейчасъ, что они «столько-же антиреставраторы,сколько и антибольшевики». Зачѣмъ эти слова? Вѣдь въ нихъ нѣтъ ни настоящей правды, ни соотвѣтствующаго переживаемому времени чувства.

Къ вамъ, русскіе люди, русскіе по всему укладу души своей, обращаемся мы теперь: не сѣйте розни, не воздвигайте искусственныхъ перегородокъ, прочувствуйте и поймите всю важность единенія, если правда, что вы стремитесь спасти Россію, и не въ разсуж-

дательствѣ, а въ непосредственномъ патріотизмѣ ищите выхода.

Тѣ изъ васъ, кто все еще не уразумѣлъ, что Россія уже подошла къ послѣднимъ предѣламъ и что время не ждетъ — тѣ пусть отойдутъ отъ святого дѣла. Пусть не мѣшаютъ дѣлать это дѣло другимъ. Не забудьте, что дѣло это—единый путь спасенія Россіи. Не забудьте, что часъ позора пробилъ. Не забудьте, наконецъ, что на каждомъ изъ насъ лежитъ обязанность приблизить часъ возрожденія!

КОНФЕРЕНЦІЯ.

Конференція началась при неблагопріятныхъ для совѣтскихъ плановъ предзнаменованіяхъ. Чичеринъ, какъ извѣстно, твердилъ направо и налѣво, что совѣтская делегація только тогда приметъ реальное участіе въ работахъ конференціи, когда встрѣтитъ со стороны державъ, по крайней мѣрѣ, фактическое признаніе совѣтской власти. Что именно онъ понималъ подъ этимъ, сказать, конечно, трудно, но ясно, во-первыхъ, что онъ ждалъ какихъ-то заявленій и, во-вторыхъ, что на этотъ счетъ онъ заручился обѣщаніями. Въ политикѣ, гдѣ не послѣднее мѣсто занимаютъ «дамы подъ вуалью», слишкомъ много тайнъ. Поэтому мы можемъ только гадать: то были обѣщанія, вывезенныя изъ Лондона, или данныя итальянскимъ правительствомъ, въ связи съ рѣшеніемъ итальянской палаты, или тѣ и другія вмѣстѣ.

Но еще въ воскресенье, 9 Апрѣля, на первомъ-же засѣданіи представителей главнѣйшихъ державъ, выяснилось, что вопросъ ставится нѣсколько по иному: сначала будутъ потребованы гарантіи, а тамъ — что Богъ дастъ. Точка зрѣнія явно противоположная совѣтскимъ планамъ и, во всякомъ случаѣ, такая, которая идетъ въ разрѣзъ со всѣми заявленіями Чичерина. Въ особенности-же она бьетъ по тѣмъ бравадамъ, которыми щеголялъ Троцкій въ своихъ послѣднихъ рѣчахъ.

«Или совѣтскіе господа должны будутъ подчиниться, или имъ останется только уѣхать изъ Генуи» — такъ опредѣлялось положеніе за нѣсколько часовъ до открытія работъ конференціи.

Но вотъ конференція началась. Съ понятнымъ нетерпѣніемъ ждали рѣчей Ллойдъ Джорджа и Чичерина. Первый интересовалъ тѣмъ, что никто не зналъ, какъ далеко онъ зашелъ въ предпринятой имъ игрѣ, второй—тѣмъ, что съ его стороны ждали бурнаго натиска во вкусѣ его пресловутыхъ «дипломатическихъ нотъ».

Разочарованіе было большое. Ллойдъ Джорджъ вообще не вышелъ за предѣлы общихъ фразъ, а Чичеринъ имѣлъ видъ студента, неувѣренно пытающагося сдать трудный для него экзаменъ. Его, очевидно, придавилъ тотъ цилиндръ, который онъ рѣшилъ завести для конференціи, и тотъ монокль, которымъ онъ вооружился, чтобы быть не хуже иныхъ прочихъ европейскихъ дипломатовъ.

Конечно, онъ пустилъ рядъ брандеровъ: о разоруженіи, о созданіи особаго постояннаго международнаго органа съ участіемъ особаго представительства отъ рабочихъ (нѣчто вродѣ совѣта совѣтовъ), о коммунистической Россіи, какъ базѣ для экономическаго возрожденія Европы и т. д. Но было ясно, что все это несерьезно, что самому ему все это вовсе не важно и что говорится это только для того, чтобы какой-нибудь Ключниковъ могъ потомъ телеграфировать въ Москву, что все обстоитъ благополучно и что буржуазный міръ, услышавъ сакраментальныя слова, содрогнулся и понялъ весь ужасъ своего положенія.

Глава французской делегаціи твердо и опредѣленно оборвалъ всѣ эти крючки и крючечки и предложилъ Чичерину оставаться въ предѣлахъ рѣшеній, принятыхъ въ Каннахъ. Чичеринъ расшаркался, еще болѣе понизилъ тонъ и пошелъ, если не въ Канноссу, то въ Каннъ. Моментомъ воспользовался Ллойдъ Джорджъ. Онъ прочелъ Чичерину

нотацію, какъ школьнику. «Вы въ первый разъ, — сказалъ онъ, — путешествуете съ нами; будьте-же пріятнымъ пассажиромъ и не пытайтесь браться за руль». То, что называется: выдралъ за ухо. Никто, какъ свой!

Впрочемъ, не надо преувеличивать. Весь этотъ инцидентъ имѣлъ лишь относительное значеніе. Ллойдъ Джорджъ, какъ отецъ конференціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ иниціаторъ въ дѣлѣ примиренія Европы съ совѣтскими господами, усвоилъ себѣ съ первыхъ-же шаговъ конференціи тонъ добродушнаго дѣдушки: нашалитъ внучекъ — дѣдушка пожурить, будетъ внучекъ паинькой — дѣдушка по головкѣ погладитъ. На рукахъ этого внучка еще свѣжая человѣческая кровь, монокль, что въ глазу, пріобрѣтенъ на деньги объективно преступнаго происхожденія, но дѣдушка съ такими пустяками не считается. Вопросъ совсѣмъ въ иномъ: если внучекъ окажется паинькой, онъ поможетъ дѣдушкѣ въ кое-какихъ его планахъ и замыслахъ.

Начались затѣмъ работы коммиссій. Насъ интересуетъ, конечно, болѣе другихъ та коммиссія, которая должна изучить русскій вопросъ. Такъ какъ въ основу ея работъ былъ положенъ докладъ о Россіи, выработанный безъ участія совѣтской делегаціи, то Чичеринъ попросилъ дать ему докладъ на предварительное разсмотрѣніе. Такъ и сдѣлали. Отмѣтимъ, что это предложеніе Чичерина было единственнымъ, которое оказалось пріемлемымъ.

Что это за докладъ? Документъ считается секретнымъ, но многое изъ него уже проникло въ печать. Да, въ сущности, содержаніе этого доклада можно было предвидѣть заранѣе: признаніе всѣхъ долговъ и обязательствъ, уплата иностранцамъ за понесенные ими убытки, обезпеченіе условій, при которыхъ иностранный капиталъ могъ-бы спокойно извлекать изъ Россіи наибольшія для себя выгоды и т. д. Позиція совѣтскихъ дѣятелей по отношенію къ этому докладу опредѣляется сама собой: они будутъ драпироваться въ тогу оскорбленнаго за Россію чувства и одновременно добиваться возможно большихъ суммъ въ непосредственное распоряженіе совѣтскаго правительства. Пойдутъ иностранцы на подобныя ассигнованія, — путь соглашенія будетъ найденъ; не пойдутъ — мы услышимъ рѣчи о томъ, что Россія не можетъ быть обращена въ иностранную колонію, и дѣло кончится ничѣмъ. Уже первыя подобныя заявленія сдѣланы. Это означаетъ, что пока никто никакихъ суммъ въ распоряженіе совѣтскихъ господъ не предлагаетъ.

Все, что произошло затѣмъ, явилось только слѣдствіемъ. Ллойдъ Джорджъ, добросовѣстно исполняя свою роль покровителя и друга, сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы представить большевиковъ въ возможно болѣе приличномъ видѣ. Онъ устроилъ у себя особое засѣданіе съ большевиками, на которое пригласилъ представителей Франціи и Италіи. Потомъ у него былъ завтракъ съ большевиками.

Что-же еще нужно? Но дѣло отъ этого не подвинулось впередъ. У большевиковъ — свои цѣли, у европейскихъ державъ — свои. Русскій народъ здѣсь не при чемъ. Большевикамъ нужно признаніе и еще болѣе — деньги. Державамъ — возможность эксплоатировать русскія природныя богатства и полученіе по русскимъ долговымъ обязательствамъ. Каждая изъ сторонъ должна сказать свое «да» или «нѣтъ». Но это такіе козыри, которые не выпускаются изъ рукъ изъ-за прекрасныхъ глазъ. «Сколько?» — спрашиваютъ глазами большевики, произнося свои непримиримыя рѣчи. «Какія гарантіи и льготы?» — слышатся въ отвѣтныхъ заявленіяхъ Ллойдъ Джорджа.

Большевики для начала торга опредѣлили цифру въ 50 миллірдовъ золотомъ. Европейскія державы не скрыли, въ свою очередь, что онѣ хотѣли-бы устроиться въ Россіи по образцу того, какъ онѣ устроились въ Шанхаѣ. Конечно, обѣ стороны давали понять другъ другу, что, при дальнѣйшихъ разговорахъ, кое-какія уступки все-таки возможны.

Такъ встрѣтили Пасху. Послѣ каждой волны «пессимизма» слѣдовала волна «оптимизма». Смотрѣли въ ротъ большевикамъ, ожидая, что вотъ-вотъ вылетитъ «да». Вмѣсто этого «да» вылетѣлъ, однако, русско-германскій договоръ.

Совершеннѣйшій Coup de théâtre! Европейская дипломатія оказалась до того пло-

хо освѣдомленной, что, повидимому, даже не подозрѣвала, что за ея спиной уже давно ведутся переговоры. Всѣ знали это, она одна ничего не знала. Казалось-бы, одинъ такой фактъ, какъ передача Іоффе и Литвинову зданія русскаго посольства въ Берлинѣ, съ находящейся при посольствѣ церковью, означаетъ нѣчто большее, чѣмъ простую любезность. Но подобныя «детали» не интересуютъ европейскихъ дипломатовъ. И правда — вѣдь это касается только русскихъ! Вотъ и дождались теперь...

Что это за договоръ, какую роль онъ можетъ сыграть, каково его значеніе для Европы, вообще, и для русскихъ дѣлъ, въ частности — объ этомъ мы будемъ говорить особо. Сейчасъ достаточно сказать одно: начали Геную съ одной цѣлью, придется продолжать ее по другому. Зачѣмъ, спрашивается, начинали?

А мы? Мы, всѣ русскіе люди, за спиной которыхъ ростутъ эти волны «пессимизма» и «оптимизма», — что мы чувствуемъ и переживаемъ въ это время? Лучше не говорить! На нашихъ глазахъ творится величайшее насиліе надъ нашей родиной, но нашъ протестъ никого не интересуетъ, и мы обречены на роль безмолвныхъ свидѣтелей...

СОВѢТСКО-ГЕРМАНСКІЙ ДОГОВОРЪ.

Еще не насталъ моментъ для рѣшительной оцѣнки этого факта. Можно лишь отмѣтить кое-какія главнѣйшія стороны вопроса. Кстати, ихъ много, и всѣ онѣ разныя.

Начнемъ съ того, что договоръ былъ подготовленъ значительно раньше открытія конференціи въ Генуѣ, а подписанъ въ самой Генуѣ. Этимъ обѣ договаривающіяся стороны подчеркнули, что у нихъ достаточно рѣшимости, чтобы смѣть имѣть свою собственную политику, не только независимую, но и противоположную политикѣ державъ — руководительницъ.

Совѣтскіе дѣятели показали этимъ шагомъ еще и то, что во всѣхъ своихъ переговорахъ съ устроителями Генуэзской конференціи они были неискренни. Они шли на конференцію, потому что это было имъ только выгодно, но они не вѣрили Европѣ и держали камень за пазухой. Если Ллойдъ Джорджъ, дѣйствительно, не при чемъ въ фактѣ совѣтско-германскаго соглашенія, то его положеніе болѣе, чѣмъ комично. Онъ читалъ Чичерину нотаціи, онъ обходился съ совѣтскими господами, какъ съ послушной ему свитой, онъ ставилъ имъ ультиматумы, а они въ отвѣтъ вынули изъ подъ полы такой сюрпризъ, какъ этотъ договоръ!

Что значитъ — не спросясь броду, лѣзть въ воду! Откуда, спрашивается, европейская дипломатія черпаетъ свои свѣдѣнія о совѣтской Россіи? На основаніи какихъ данныхъ строитъ эта дипломатія свои идиллическія представленія? Отчего она не желаетъ считаться съ мнѣніями тѣхъ русскихъ круговъ, которые лучше, чѣмъ она, знаютъ, чего можно ждать отъ Ленинныхъ, Троцкихъ, Красиныхъ, Литвиновыхъ? А ужъ, кажется, жаловаться не могутъ: предупрежденія были и были они съ разныхъ сторонъ. Русскія общественныя группы, безъ различія партій, всѣ, кто не связанъ общими преступленіями съ большевистскимъ бандитизмомъ, предостерегали отъ всякихъ попытокъ единенія съ совѣтской Москвой. Не вѣрили, полагали, очевидно, что насталъ, наконецъ, моментъ срѣзать уже созрѣвшій плодъ и что этотъ плодъ слишкомъ вкусенъ, чтобы стоило рискнуть получить его даже изъ рукъ, обагренныхъ человѣческой кровью...

Но остановимся на другой сторонѣ вопроса. Какъ могло случиться, что этотъ договоръ явился вдругъ такой неожиданностью для европейскихъ державъ? Большевики — дѣтище германскаго генеральнаго штаба. Какъ Милюковы и Керенскіе пользовались покровительствомъ Англіи, такъ большевики получили благословеніе въ Берлинѣ. Ленинъ былъ выдвинутъ, какъ противовѣсъ группамъ, нашедшимъ поддержку въ Лондонѣ.

Правда, Лондонъ первый сталъ искать дверей. ведущихъ въ совѣтскую Россію, но это ужъ потомъ, когда выяснилось, что онъ ошибся и ставилъ совсѣмъ не на тѣхъ лошадей. Онъ думалъ, что его фавориты — чистокровные, а оказалось, что они вродѣ водовозокъ. Но связь большевиковъ съ Берлиномъ была слишкомъ глубока. И она всѣмъ была извѣстна.

Старый Берлинъ палъ, но новый, ставшій на мѣсто стараго, — онъ еще болѣе на руку большевикамъ. Въ глазахъ большевиковъ у него одинъ недостатокъ: нѣтъ денегъ. Но за то есть достоинства и огромныя: онъ также въ отчаянномъ положеніи, ему также надо рѣшать вопросъ жизни и смерти, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ обладаетъ большой технической подготовкой, организаторскими способностями, большимъ запасомъ свободныхъ отъ службы офицеровъ и спеціалистовъ военнаго дѣла. Тѣсный союзъ съ Германіей является такимъ образомъ для совѣтскихъ господъ послѣднимъ рессурсомъ, и они были-бы врагами самимъ себѣ, если-бы не попытались ввести этотъ союзъ въ свою игру.

Другой вопросъ — возможно-ли это для Германіи и нужно-ли это ей? Почему, однако, невозможно? Разбойничій характеръ совѣтской власти? Но, позвольте, милостивые государи, — слышимъ мы голосъ Германіи, — не Англія-ли первая показала. что она готова не стѣсняться подобными подробностями, и не Ллойду-ли Джорджу принадлежитъ иниціатива этой Генуэзской чашки чая съ большевиками? Почему-же вдругъ Германія должно быть болѣе совѣстно, чѣмъ другимъ державамъ? Изъ-за выгоды легко забываютъ преступленія. — гласитъ современная политическая мораль, а Германія не въ такомъ сейчасъ положеніи, чтобы быть болѣе разборчивой. чѣмъ болѣе ея счастливыя государства.

Но выгодно-ли все это Германіи? Очевидно, она думаетъ, что выгодно. Иначе она не пошла-бы на союзъ съ Ленинымъ. Мало-ли какія тутъ возможны предположенія! Напримѣръ. постепенно колонизовать Россію. При большевикахъ это будетъ проще и удобнѣе, чѣмъ при всякомъ другомъ правительствѣ. Напримѣръ, на русской территоріи подготовить сильную армію. Кто въ состояніи помѣшать этому? Наконецъ. опираясь на большевиковъ, представлять собой угрозу, или точнѣе — въ большевикахъ найти противовѣсъ угрозамъ, которыя могутъ идти со стороны европейскихъ державъ?

Возможны и другія гаданья. Ясно, во всякомъ случаѣ, что обѣ стороны пошли на союзъ не съ добрыми цѣлями, а со злыми и что. хотя формально это союзъ самозащиты. по существу. онъ — союзъ нападенія, точнѣе — приготовленія къ нападенію. Не ждали его дипломаты державъ — руководительницъ? Тѣмъ хуже для нихъ. На что-же они разсчитывали, когда, вопреки логикѣ вещей и насилуя элементарную мораль, приглашали большевиковъ за одинъ столъ съ собою?

Набрасывая эти бѣглыя строки, мы не собираемся, конечно. исчерпать вопросъ. Но и сказаннаго достаточно, чтобы выяснить основную нашу мысль: прежде чѣмъ отваживаться на такой серьезный шагъ, какъ Генуэзская конференція, надо было куда болѣе вдумчиво отнестись къ вопросу о Россіи. Тогда-бы ни у кого не было сомнѣнія. что большевики не представляютъ страны и что звать ихъ, какъ носителей власти, это значитъ вызвать звѣря изъ бездны...

Г.

МОНАРХІЯ.

Судя по той напряженности,съ какой слѣва оспаривается за послѣднее время идея возстановленія Монархіи въ Россіи, слѣдуетъ думать. что тамъ, въ этихъ спеціальныхъ кругахъ, уже начинаютъ понимать, какъ плохо обстоитъ ихъ дѣло и какъ все опредѣленнѣе и опредѣленнѣе надвигается часъ развязки.

Полемика насъ интересуетъ мало, но по существу вопроса высказаться своевременно. Монархія для насъ не возвратъ къ старому, а единственный путь къ возрожденію Россіи. Монархія не означаетъ собой торжества однихъ классовъ общества надъ другими; Монархія — единственный путь примиренія классовъ. Въ Монархіи мы видимъ не проявленіе силъ какихъ либо отдѣльныхъ группъ и партій, а побѣду русской государственной идеи.

Теоретически можно придумать любую комбинацію, но голосъ реальной жизни имѣетъ свои права. Всѣ тѣ теченія, которыя пытались повести за собой страну послѣ паденія старой Россіи, оказались совершенно чуждыми народному сознанію. Народъ понялъ паденіе власти Царя,какъ наступленіе безвластія. Онъ использовалъ это безвластіе, какъ использовалъ-бы его и всякій другой народъ, использовалъ его, чтобы попробовать взять себѣ все, что могло его соблазнять, и что, по ходу событій, оказалось безхозяйнымъ или почти неохраняемымъ. Но дальше? Наступилъ моментъ, когда все-таки надо было что-то рѣшать. Если-бы какому-нибудь патріотически настроенному вождю удалось громко и твердо сказать: довольно, пора взяться за умъ! — широко и свободно пошли-бы за нимъ народныя массы, и все то искусственное, выдуманное, наносное, что пытались привить Россіи дѣятели пресловутаго «временнаго правительства», было-бы снесено въ минуту. Но Керенщина не допускала такого патріотическаго подвига. Это, конечно, не спасло тѣхъ, кто мѣшалъ, но это создало возможность явиться другимъ вождямъ, тѣмъ, которые правильно расцѣнивъ минуту народнаго раздумья и отчаянія, толкнули массы къ уже открытому грабежу и къ уже ничѣмъ не сдерживаемой разнузданности.

Большевики явились не потому, что дѣйствительно, въ нихъ существовала потребность, а только потому, что на смѣну безвластія, какъ прямого слѣдствія Милюковщины и Керенщины, своевременно не явилась дѣйствительная власть. Какая? Конечно, только власть Русскаго Царя.

Таковъ историческій фактъ. Такова историческая истина, и оспаривать ее могутъ только тѣ, для кого она является громовымъ обвинительнымъ актомъ. Не даромъ они любятъ повторять, что Россія доведена до большевизма ошибками Царскаго Правительства. Какъ страусы — они зарываютъ свои головы въ пыль безсодержательныхъ утвержденій, наивно думая, что такъ они, въ самомъ дѣлѣ, становятся неуязвимы. Большевизмъ, какъ теорія, — дѣло ихъ рукъ, ибо именно они всегда поощряли всѣ противогосударственныя ученія и именно они всячески мѣшали Правительству въ его борьбѣ противъ этихъ ученій. Большевизмъ, какъ практика, равно какъ и фактъ захвата власти большевиками — прямое слѣдствіе ихъ двойного предательства. Предавъ Царя, они затѣмъ предали Россію. Они предали Царя, чтобы царствовать самимъ. Они предали Россію, потому что, когда Россія требовала отъ нихъ власти, они дали ей возмутительный сумбуръ всевозможныхъ партійныхъ комбинацій. Старыя раны они загрязнили соромъ своихъ партійныхъ домысловъ, а своей бездарностью, своимъ недомысліемъ нанесли странѣ и народу рядъ новыхъ ранъ, еще болѣе тяжелыхъ и непереносныхъ.

Большевизмъ, повторяемъ, — дѣло ихъ рукъ. Не будь ихъ, никогда большевики не захватили-бы власти. Будь они честнѣе, умнѣе и подготовленнѣе, большевики, даже захвативъ власть, должны были-бы бѣжать послѣ первыхъ-же своихъ шаговъ по пути разграбленія Россіи.

Но таковъ, очевидно, нашъ рокъ. Въ разгаръ тяжелой, безпримѣрной въ исторіи на-

родовъ войны, и, добавимъ, — накануне победы былъ опрокинутъ строй, считавшій за собой тысячелѣтнее прошлое, власть перешла въ недостойныя руки, слѣдствіемъ этого явилось безвластіе, а въ результатѣ безвластія опредѣлился большевизмъ, т. е. отдача Россіи, этой еще недавно великой и мощной страны, на потокъ и разграбленіе.

Едва-ли нужно много говорить о тѣхъ причинахъ, вслѣдствіе которыхъ большевизмъ могъ держаться четыре года. Не народомъ, не волею его, не совѣстью народной держался онъ, а тѣмъ, что ни съ какой стороны не было ему противовѣса. Большевизмъ бросилъ въ темную массу рядъ соблазновъ и обѣщаній, а все, что могло-бы раскрыть народу глаза, подвергъ истребленію. Обѣщанія были безмѣрны, истребленіе—безпримѣрнымъ. Темнота народная и дряблость интеллигенціи — что еще нужно, чтобы дать побѣду такимъ дѣятелямъ, какъ Ленинъ и Троцкій?

Народъ скоро опомнился. Это лучше всего видно изъ того, какъ успѣшно было начало всѣхъ противобольшевистскихъ движеній. Народъ видѣлъ въ этихъ движеніяхъ возможность вернуть странѣ законную власть. Народъ плакалъ отъ радости, когда добровольческіе отряды, разбивъ большевиковъ, вступали въ деревню, въ село, въ городъ. Что-же сгубило это освободительное движеніе? Не говоримъ о военныхъ недочетахъ — это было-бы съ пола-горя. Сгубила половинчатость, сгубила та неопредѣленная паутина, которую плели вокругъ этого движенія всякаго рода политическіе недоноски, которые и сами не знали, чего они хотятъ и куда они идутъ. Вмѣсто того, чтобы громко и опредѣленно сказать народу: «За вѣру, Царя и Отечество», они бормотали какіе-то призывы, въ которыхъ сами себѣ не отдавали отчета. Народъ слушалъ, молчалъ, но ничто уже не шло прямо къ сердцу. И не было у народа знамени, не было реальнаго центра, вокругъ котораго народъ могъ-бы сплотиться. Разнообразіе народныхъ интересовъ, оттѣнки народныхъ настроеній, непришедшія еще въ равновѣсіе народныя чаянія — все это менѣе всего могло найти свое разрѣшеніе въ атмосферѣ половинчатыхъ словъ, недовысказанныхъ заявленій, сумбурныхъ программъ, а главное — явной неискренности. Монархисты какъ-то поджимались, когда говорили о Монархіи, противники Монархической идеи туманно говорили о своихъ настоящихъ замыслахъ. Непосредственное чутье народа быстро постигло всю эту фальшь, и народу стало ясно, что опять на него надвигается безвластіе.

Пора, наконецъ, понять, что передъ Россіей только двѣ дороги: или погибнуть въ тискахъ большевизма, или призвать Царя и этимъ обновиться и спастись. Третьей дороги нѣтъ. Партіи управлять Россіей не въ состояніи. Это онѣ доказали съ полной очевидностью. И ихъ неудача — отнюдь не случайность: русскія буржуазно-радикальныя группы слишкомъ слабы, группы соціалистическія — эти не имѣютъ корней въ населеніи. Кто изъ народа хоть что-нибудь понимаетъ въ политическихъ программахъ, тотъ не идетъ на зовъ соціализма, такъ какъ не видитъ въ немъ живой правды, а тѣ, кто идетъ на этотъ зовъ, понимаютъ подъ соціализмомъ право немедленно-же взять чужое, но взять его не для какихъ то отдаленныхъ общихъ цѣлей, а лично для себя, полной горстью, чтобы тутъ-же на мѣстѣ использовать, или возможно скорѣе утащить къ себѣ домой.

За спиной буржуазно - радикальныхъ группъ очень быстро должно образоваться скопище соціалистовъ этого своеобразнаго типа, и никакими хорошими словами такого скопища не разогнать. Нужна организованная твердая власть, чтобы установить необходимый для существованія Россіи, какъ государства, порядокъ. Борьба партій, особенно — нашихъ партій, неустановившихся, слабыхъ, гдѣ больше руководителей, чѣмъ послѣдователей, гдѣ на каждые десять человѣкъ — пять фракцій — борьба партій этого типа дѣлаетъ образованіе сколько-нибудь твердой власти фактически невозможнымъ. Если-бы Россія, на свое несчастье, опять попала въ этотъ ужасный переплетъ, она претерпѣла-бы до мелочей все то-же, что было. И, конечно, снова между Шульгинымъ и Милюковымъ сталъ-бы Керенскій, надъ всѣми ими былъ-бы Чхеидзе или Скобелевъ, а тамъ явился-бы Черновъ, и вновь показались-бы товарищи Троцкій и Дзержинскій.

Это неизбѣжно, потому что такъ сложилась русская дѣйствительность, и никакими программными фейерверками ее не передѣлать.

Твердая власть не значитъ власть жестокая, только карающая, власть для власти. Если подобное изображеніе власти является излюбленнымъ для круговъ, продолжающихъ отстаивать идеалы всякаго рода «учредиловцевъ» и примыкающихъ къ нимъ, то это — грубый полемическій пріемъ и только. Могутъ говорить что угодно, но та старая власть, которая была свергнута революціей, не только создала Россію, а вела ее рядъ столѣтій среди очень трудныхъ и сложныхъ обстоятельствъ. Каковы ни были ея ошибки, ея заслуги передъ Россіей неисчислимы. Новыя времена и новыя переживанія должны, конечно, оказать свое вліяніе какъ на организацію, такъ и на пріемы дѣйствій власти, но никакія вліянія не могутъ и не должны обращать власть въ фикцію; высказываться противъ необходимости реальной власти только потому, что это — реальная власть, значитъ, бороться противъ государственной идеи вообще.

Эту реальную власть въ современной Россіи можетъ имѣть только русскій Царь. Только за Царемъ признаетъ ее народная масса, и только за Царемъ пойдетъ она съ необходимымъ довѣріемъ и душевнымъ подъемомъ.

За партійными вожаками народъ не пойдетъ. Пойдутъ отдѣльныя группы, и опять солдатъ и матросъ станутъ грозными предвозвѣстниками новой кровавой смуты.

Или погибать въ трясинѣ большевизма, или искать спасенія въ Царской власти — третьяго пути нѣтъ. Пора, наконецъ, понять, что мы уже у самаго края пропасти.

ИМПЕРАТОРЪ КАРЛЪ.

За что сгубили эту молодую жизнь?

Политика, конечно, всегда безжалостна, и обращаться къ ея сердечной отзывчивости все равно, что пытаться пробудить состраданіе въ голодномъ волкѣ, уже впившемся въ овцу. Но существуютъ все же элементарныя требованія права, справедливости, чести, долга, наконецъ. Неужели послѣ пресловутыхъ 14 пунктовъ Вильсона мы должны отказаться даже отъ этого?

Казалось, намъ открываютъ новую эру. Что являлось отдаленной мечтой, предлагалось намъ, какъ реальный фактъ. Была осуждена старая дипломатія, были осуждены всѣ старыя международныя отношенія, создали новыя базы, образовали Лигу Націй—что, собственно, еще нужно, чтобы человѣчество могло сказать съ увѣренностью: «вотъ онъ, золотой вѣкъ великой правды, наконецъ-то мы дожили до желаннаго дня!»

И вотъ-какъ видите... Что называется дожили...

Интересно было бы знать, что именно вмѣнялось въ вину несчастному австрійскому Императору? То, что его армія сражалась въ союзѣ съ нѣмцами? Но Императоръ Карлъ, какъ это достовѣрно извѣстно, никогда не сочувствовалъ войнѣ, какъ вообще никогда не былъ другомъ Вильгельма. И войну, и Вильгельма онъ получилъ въ наслѣдство и тяготился этимъ, можетъ быть, даже болѣе, чѣмъ то слѣдовало Императору Австро-Венгріи.

Но,—скажутъ намъ,—онъ дважды пытался возстановить Монархію Габсбурговъ. Тутъ мы подходимъ къ вопросу, который, дѣйствительно, заслуживаетъ вниманія. Быть въ настоящее время главой государства — не радость, а бремя. Едва ли есть бремя болѣе тяжелое. Молодой Императоръ, счастливый мужъ и счастливый отецъ, онъ имѣлъ полную возможность жить не хуже, а даже лучше многихъ принцевъ крови, переносящихъ теперь невзгоды скитальческой жизни. Но его мучило сознаніе долга. Его звали къ исполненію его долга. Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, звали не всѣ, звала лишь часть населенія. Значительна эта часть, или незначительна—кто когда можетъ отвѣтить на подобный вопросъ? Тѣ, кто звалъ, очевидно, имѣли основанія думать, что большинство на

ихъ сторонѣ. Они ошибались? Возможно. Но возможно, что ошибка была совсѣмъ не въ этомъ. Когда переворотъ удается — число сторонниковъ увеличивается по часамъ. Переворотъ не удался — увѣряютъ, что никакихъ сторонниковъ переворота никогда и не было.

Допустимъ, однако, что Императоръ ошибся, или былъ введенъ въ заблужденіе друзьями — все таки, въ чемъ онъ провинился передъ человѣчествомъ? Почему онъ преступникъ? По какому праву онъ долженъ былъ подлежать наказанію? Да еще какому наказанію!

Странно, во всякомъ случаѣ. Когда рѣчь идетъ о Россіи, гдѣ совѣтскіе господа вырѣзали и разстрѣляли десятки тысячъ ни въ чемъ неповинныхъ людей, гдѣ десятки милліоновъ людей умерли съ голода и милліонами продолжаютъ умирать и по сейчасъ — намъ говорятъ извините, то дѣла внутреннія, и, по основному принципу международнаго права, никто не вправѣ въ нихъ вмѣшиваться. Когда, съ другой стороны, венгры раскололись, и часть ихъ и, какъ видно, не малая, стремится къ возстановленію у себя Монархіи — оказывается, что это совсѣмъ не ихъ частное, внутренное дѣло, а дѣло международное, охраняемое вплоть до расправы тутъ-же на мѣстѣ, такъ сказать, на началахъ международнаго самосуда.

Ничего не поймешь. Гдѣ-же тутъ знаменитое «самоопредѣленіе народовъ?» Хотя бы то «самоопредѣленіе», которое дозволяетъ Ленину и Троцкому вырѣзать людей цѣлыми косяками.

Выходитъ, такимъ образомъ, что виновны не тѣ, кто, дѣйствительно, что-либо совершилъ, а виновны лишь тѣ, кого легче захватить. Къ сожалѣнію, самъ собой напрашивается и другой выводъ: существуютъ двѣ мѣрки, и примѣняется та изъ нихъ, которая, по соображеніямъ выгоды сегодняшняго дня, является болѣе удобной.

Едва ли нужно что либо добавлять къ сказанному. Молодая жизнь загублена, принципы новой международной политической чистоты и нравственности торжествуютъ, а, слѣдовательно, все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ.

Но добавимъ: въ кругахъ, которые стремятся руководить массами, не мало ожесточенныхъ враговъ христіанства. Однако, никогда никому не побѣдить Христа. Почти всѣ эти, кто борется противъ Христа, являются въ то-же время не менѣе ожесточенными врагами Монархической идеи. Однако, никогда имъ не сокрушитъ ее. Какъ въ исторіи каждой идеи, періоды движенія впередъ смѣняются періодами упадка, но живое остается живымъ, и, рано или поздно, тѣ насущныя, реальныя потребности, которыя создали и питаютъ данную идею, берутъ свое, и враги оказываются безсильны, и идея торжествуетъ.

Б-овъ.

ВЕЛИКОЕ ГЕНУЭЗСКОЕ СИДѢНЬЕ.

(Отъ нашего специальнаго корреспондента).

Генуэзская конференція такъ всесторонне и подробно освѣщается ежедневной печатью, что на мою долю, корреспондента двухнедѣльнаго журнала, остаются лишь второстепенныя детали. Впрочемъ, у меня есть то преимущество, что я живу, такъ сказать, въ цитадели большевизма, и отъ меня нѣтъ у нихъ тайнъ.

Сегодня, напримѣръ, Красинъ сказалъ мнѣ:

— Я знаю, что ты — предатель, но это-то я и цѣню въ тебѣ. Иначе какой-бы ты былъ намъ слуга?

Одинъ изъ бывшихъ редакторовъ «Смѣны вѣхъ», присутствовавшій при этомъ, густо покраснѣлъ. Онъ — человѣкъ самолюбивый и терпѣть не можетъ личныхъ намековъ.

Разговоръ начался съ того, что я, шутя, сказалъ Красину:

— Я вамъ придумалъ титулъ. Васъ, какъ полагается, величаютъ: «ваше превосходительство». Собственно, вполнѣ по заслугамъ,

потому что, дѣйствительно, вы всѣхъ превосходите. Но это старо. Предлагаю называть васъ «Ваше надувательство». И точно, и ново...

Красинъ имѣлъ такой измученный видъ, что я радъ былъ хоть нѣсколько развлечь его.

— Ахъ, голубчикъ, — воскликнулъ онъ съ тяжелымъ вздохомъ, — если-бы ты зналъ, какъ мнѣ подчасъ тошно. Сегодня, напримѣръ, я чуть не подрался съ японцами. Мы отдаемъ имъ Владивостокъ и часть Приморья — отдаемъ, пожалуйста, берите. Все равно намъ не справиться съ этимъ гнѣздомъ черносотенства. Но намъ должны заплатить за это — ясно? И не какими-нибудь бонами, или, что уже совсѣмъ недопустимо, — зачетами, а золотомъ. Вспоминая земельный проектъ нашего милаго друга Кутлера, я предлагаю такъ: за землю, дома и людей — по справедливой оцѣнкѣ, а намъ за труды — по соглашенію. Твердилъ имъ битыхъ два часа — не понимаютъ. Мало того: требуютъ возврата расходовъ по оккупаціи. Какъ будто мы просили ихъ оккупировать.

— Получается, — продолжалъ онъ, — нѣчто совсѣмъ нелѣпое: мы распродаемъ Россію, и съ насъ-же требуютъ денегъ. Кто когда слыхалъ про такую коммерцію?!..

Красинъ мнѣ разсказалъ за одно о своемъ послѣднемъ разговорѣ съ двумя вліятельными англичанами.

— Рѣчь шла, конечно, о нашей пропагандѣ въ британскихъ владѣніяхъ. Но опять курьезъ: за то, что мы дадимъ обѣщаніе воздержаться отъ пропаганды, предлагаютъ взять въ эксплоатацію каспійскій районъ и донецкій бассейнъ. Вотъ посмотри-ка, какой сочинили документикъ... И, какъ увидишь, ни слова о вознагражденіи за наши труды.

Документъ начинался слѣдующими общими заявленіями: «Принимая во вниманіе, что мы первые признали все ваше значеніе въ дѣлѣ разрѣшенія русскаго вопроса въ желательномъ для насъ смыслѣ; принимая также во вниманіе, что вы могли оказаться въ Генуѣ только благодаря полученной отъ насъ визитной карточкѣ и, наконецъ, имѣя въ виду, что какъ вамъ, такъ и намъ положительно некогда тратить время на дальнѣйшіе переговоры, имѣемъ честь предложить вамъ нижеслѣдующее: 1) Мы признаемъ, что вы имѣете право дѣлать съ такъ называемыми русскими все, что вамъ будетъ угодно; 2) мы охотно будемъ содѣйствовать вамъ въ полученіи всего, что вы считаете своей собственностью, если только вы докажете намъ, что мы не имѣемъ интереса дѣйствовать въ обратномъ смыслѣ; 3) мы предоставляемъ вамъ право объявлять любую мѣстность вашей страны находящейся подъ нашимъ особымъ покровительствомъ и обязываемся за это немедленно-же взять эту мѣстность въ эксплоатацію; 4) мы предоставляемъ вамъ право входить въ любыя сепаратныя соглашенія съ другими національными группами, но не иначе, какъ съ нашего вѣдома и согласія и при условіи, что возможныя отъ этихъ договоровъ выгоды вы дѣлите съ нами пополамъ; 5) оказывая вамъ, такимъ образомъ, неограниченную матеріальную и моральную поддержку, мы обязываемъ васъ — съ одной стороны прекратить дальнѣйшую пропаганду вездѣ, гдѣ это можетъ вредить нашимъ интересамъ, а съ другой — значительно усилить ее тамъ, гдѣ это можетъ оказаться для нашихъ интересовъ существенно необходимымъ.

— И никакихъ комиссіонныхъ! — съ раздраженіемъ замѣтилъ Красинъ, когда я, прочтя документъ, отдалъ ему его обратно.

Подошедшій въ эту минуту Радекъ не безъ грусти замѣтилъ:

— Всѣ они одинаковы. Сами сидятъ безъ денегъ и оттого и пошли на разговоры съ нами, что надѣятся на насъ поживиться. Но не на младенцевъ напали! Наша задача — ихъ перессорить между собой. Если удастся, въ этой свалкѣ мы что-нибудь да урвемъ...

— Такъ-ли? — меланхолически произнесъ Красинъ. — Что-то я ужъ началъ отчаяваться. Хотя-бы, къ слову сказать, твои нѣмцы. Что съ нихъ взять? Суютъ свои марки или даютъ такой товаръ, что даже въ американскихъ стокахъ — и то, пожалуй, лучше. Конечно, намъ теперь нельзя быть особенно разборчивыми, но я смотрю впередъ: дѣла не вижу... Ну, протянемъ нѣкоторе время, а дальше?

Радекъ пожалъ плечами.

— Смотри въ корень, — сказалъ онъ. — Были мы ничѣмъ, а стали чѣмъ-то. Какъ я уже объяснялъ этому дурачью изъ Интернаціонала: не мы движемся, а вокругъ насъ движутся. Что такое вся конференція, какъ не испугъ? Мы — та таинственная сила, которая порабощаетъ воображеніе. Тысяча людей съѣхалась со всѣхъ концовъ міра, а для чего? Чтобы насъ видѣть и насъ слышать...

— И все-таки денегъ не вижу! — повторилъ Красинъ.

Вошелъ Іоффе. Онъ наканунѣ запродалъ группѣ нейтральныхъ капиталистовъ часть нашего сѣвера и былъ поэтому въ приподнятомъ настроеніи. Отъ него такъ и вѣяло хорошими коммиссіонными.

— Вездѣ есть деньги, только надо умѣть ихъ найти! — воскликнулъ онъ весело.

Странный человѣкъ этотъ Іоффе. Ихъ шестнадцать братьевъ, и всѣмъ-бы имъ быть биржевыми зайцами, а судьба ихъ толкнула въ политику. Существуетъ легенда, будто въ ихъ родномъ мѣстечкѣ имѣется болото, и время отъ времени на болотѣ выскакиваетъ пузырь; пузырь пухнетъ-пухнетъ, лопается, и рождается новый Іоффе. Рождается и, продѣлавъ, что нужно, чтобы уклониться отъ воинской повинности, бѣжитъ «интересоваться табакомъ» или «интересоваться шерстью». Волею обстоятельствъ, старшій Іоффе интересуется теперь нейтральными державами.

— Я вамъ такъ скажу, — продолжалъ онъ радостнымъ тономъ, — если мы не будемъ начинать, то и съ нами не будутъ начинать. А когда есть продавецъ, то будетъ и покупатель. А чтобы былъ покупатель и былъ продавецъ, и не было барыша — тогда, значитъ, самъ ничего не стоишь. А что наша торговля — политическая торговля, такъ развѣ это что-нибудь мѣняетъ? Политика есть такая-же торговля, какъ всякая торговля, какъ, если хотите, и торговля есть политика...

Разговоръ сдѣлался общимъ, и даже Красинъ оживился. Радекъ разсказалъ, какъ онъ сегодня, вмѣстѣ съ Раковскимъ, обрабатывалъ одну изъ иностранныхъ делегацій. Вопросъ шелъ объ уплатѣ долговъ.

— Мы согласны платить, говоритъ имъ Раковскій, но дайте намъ денегъ. Одно изъ двухъ: или вамъ достаточно одного нашего согласія, — тогда мы вамъ даемъ его немедленно, или вамъ нужна уплата — тогда дайте намъ денегъ. Я, съ своей стороны, прибавилъ: не дадите денегъ — вамъ-же хуже, потому что мы, во-первыхъ, ничего вамъ не заплатимъ, а, во-вторыхъ, намъ все равно дадутъ деньги, и тогда вы одни останетесь во всей этой исторіи не при чемъ. Надо было видѣть эти вытянутыя лица! — воскликнулъ онъ со смѣхомъ. — Позвольте, кричатъ, но это — явный грабежъ! Раковскій подбоченился, знаете, какъ это онъ умѣетъ, и отчеканилъ: грабежъ?! А къ мировому не хотите? Съ вами мы согласились вести дипломатическіе переговоры, а вы этакія слова себѣ дозволяете? Натурально, испугались и стали извиняться...

— Главное, произвести впечатлѣніе, — добавилъ Радекъ среди общаго смѣха.

— Я бы сказалъ: умѣть стравить ихъ другъ съ другомъ — вставилъ Іоффе. — Съумѣлъ, и бери ихъ тогда голыми руками...

— Возьмемъ! — самоувѣренно отвѣтилъ на это Радекъ. — Живыми не выйдутъ. Не надо было имъ увязать, а увязли — отъ насъ теперь не отдѣлаться.

Іоффе сталъ разсказывать, въ свою очередь.

— Хотите знать, чѣмъ я взялъ своихъ норвежцевъ? Только тѣмъ, что во время пугнулъ ихъ англичанами. Помнишь, Красинъ, ты мнѣ какъ-то прислалъ проектъ договора, составленный тобой для какихъ-то лондонскихъ брокеровъ? Въ трудную минуту я вспомнилъ о немъ, вытащилъ изъ кармана и говорю: Не желаете? Отлично! Вотъ почитайте-ка, что намъ предлагаютъ. Подписей, понимаешь, нѣтъ, и мы ли предлагаемъ, намъ-ли предлагаютъ — поди, разберись. Переглянулись мои голубчики, помялись минуту другую и вынули наличными... То-есть, я хочу сказать,—быстро поправился онъ, — мы приступили къ окончательнымъ переговорамъ.

— А какъ идетъ дѣло у Литвинова? — спросилъ Красинъ.

Іоффе пожалъ плечами.

— Не думаю, чтобы очень успѣшно, — сказалъ онъ. — Я не изъ зависти, а по существу: Литвиновъ все хочетъ, чтобы и дѣло

сдѣлать, и чтобы, съ другой стороны, непремѣнно на идейной подкладкѣ. Кому нужна эта подкладка, спрашивается? Да и кого теперь обманешь? Покупателя нашелъ — продавай. А чтобы человѣкъ тебѣ деньги платилъ, да еще къ твоей вѣрѣ преклонился — какая-же это, извините меня, коммерція? А, впрочемъ, я слышалъ, что онъ все-же что-то продалъ: не то Маріинскую систему, не то днѣпровскіе пороги. Да пустяки! Много-ли заработаешь на этакой дряни?!

— А вотъ, братцы, кого обуздать нужно, это — Чичерина! — воскликнулъ Радекъ.— Онъ намъ всю музыку портитъ. Этакъ и на расходы не наживешь. Гдѣ ни появится, сейчасъ — декларація! Кто его, спрашивается, за языкъ тянетъ? Люди съѣхались, можно сказать, на ярмарку, съѣхались дѣло дѣлать, а онъ имъ передовицы жаритъ, да какія! Теперь, пожалуй, даже «Правда» отказалась-бы ихъ печатать.

— Нѣтъ, не говори! — замѣтилъ на это Красинъ. — Чичеринъ пугаетъ, а пугнуть надо. Не пугнуть — такого у нихъ аппетита не будетъ. Самъ вѣдь ты разсказывалъ, какъ важно въ надлежащую минуту произвести впечатлѣніе...

— Да, но ужъ слишкомъ...

— Вѣрно. Это у него съ дѣтства. Вдругъ позеленѣетъ весь и пойдетъ. Развѣ его удержишь? Я и Ллойдъ Джорджа предупреждалъ: мальчикъ, говорю, толковый, а только припадки у него, минутами вродѣ какъ невмѣняемый. Ллойдъ Джорджъ сразу понялъ. Ничего, отвѣтилъ онъ, — я припадочныхъ даже предпочитаю, потому что такіе не будутъ васъ разными мелочами безпокоить...

— А не любитъ онъ мелочей-то? — спросилъ я не безъ нѣкотораго ехидства.

Красинъ погрозилъ мнѣ пальцемъ.

— Помалкивай, предатель!

Въ эту минуту дверь номера съ трескомъ распахнулась, и на порогѣ показался Воровской. Лицо въ синякахъ, изъ носа текла кровь, несчастный едва держался на ногахъ.

— Опять побили? — воскликнули мы всѣ въ одинъ голосъ.

— Уже два зуба выплюнулъ, а третій шатается, — едва могъ проговорить Воровской.

Радекъ бросился къ своему пальто.

— Я всегда ношу съ собой на всякій случай арникову примочку... Сейчасъ легче станетъ...

— Румыны... — Что-же это такое?! Еще одна конференція, и совсѣмъ безъ зубовъ останешься...

Воровской говорилъ съ трудомъ. Какъ мы ни добивались, прошло не мало времени, пока мы узнали, что собственно случилось.

— Подумайте, еще два зуба шатаются,— съ тоской повторялъ Воровской.

— На идейной почвѣ? — добивался Красинъ.

— Разумѣется... Засѣдали, какъ слѣдуетъ... Я имъ все сказалъ, что полагается. По твоей-же шпаргалкѣ и сказалъ... А потомъ началъ по Чичерину — онъ съ утра записку прислалъ... Честь честью... Вотъ... А какъ увидѣли портсигаръ — тутъ и пошло...

— Портсигаръ?!

Красинъ даже привскочилъ.

— Въ такую историческую минуту! — воскликнулъ онъ, хватаясь за голову. — Безъ ножа зарѣзалъ...

— Узнали! — выплевывая кровь, продолжалъ Воровской. — Оказалось, онъ изъ румынскихъ цѣнностей, которыя во время войны были посланы въ Россію на храненіе... Но при чемъ-же я тутъ? Развѣ на немъ написано?

— Надо увѣдомить Ленина, — сказалъ Радекъ, — ничего не подѣлаешь. Пусть создаетъ дипломатическій инцидентъ...

— Вы, говорю, Бессарабію взяли, а вамъ портсигара жалко... Публика!... А онъ какъ размахнется...

— Не везетъ человѣку! — сентенціозно замѣтилъ Іоффе. — Какъ увидятъ, такъ бьютъ...

— А хорошій былъ портсигаръ? — добавилъ онъ дѣловымъ тономъ.

— Съ рубинами...

— Подлецы!..

П. П-овъ.

КЪ ПРАВОЙ МОЛОДЕЖИ.

Берлинское покушеніе на Милюкова вызвало полное неодобреніе въ правыхъ кругахъ. Систематически, въ теченіе многихъ десятилѣтій подвергаясь террору и умирая безтрепетно на службѣ Государю и Родинѣ, Монархисты какъ раньше, такъ и теперь, оставались и остаются искренними и убѣжденными противниками террора.

Вы, молодые люди, должны понять это. Многіе изъ васъ столько тяжелыхъ лѣтъ сражались въ рядахъ славной русской арміи, отстаивая Россію отъ напавшихъ на нее враговъ. За вашей спиной вспыхнула революція, предатели свергли Царя, а затѣмъ, захвативъ власть, погубили родину — вы все это знаете, живо помните, и острая боль томитъ ваши отзывчивыя сердца. Но и это все не должно еще вести васъ къ поступкамъ, вродѣ берлинскаго покушенія.

Русскіе воины всегда сражались съ поднятымъ забраломъ и никогда не нападали на безоружныхъ. Надо было подумать и объ этомъ, прежде чѣмъ рѣшаться на террористическій актъ.

Но далѣе. Кто такой Милюковъ? Нѣтъ сомнѣнія, что Милюковъ втеченіе долгихъ лѣтъ вѣрно и неизмѣнно служилъ той силѣ, которая поставила себѣ цѣлью разрушить Русское Государство.

Развѣ не Милюковъ былъ всегда политическимъ растлителемъ русской молодежи?

Развѣ не онъ былъ во главѣ пораженческаго движенія во время войны Россіи съ Японіей?

Развѣ не онъ ѣздилъ послѣ революціи 1905 года въ Америку, гдѣ публично позорилъ Россію?

Развѣ не онъ былъ предсѣдателемъ того кадетскаго собранія, которое привѣтствовало шумными аплодисментами извѣстіе, оказавшееся впослѣдствіе ложнымъ, объ убійствѣ террористами московскаго генералъ-губернатора Гершельмана.

Развѣ не онъ, будучи самъ много разъ измѣнникомъ и предателемъ, произнесъ 1-го Ноября 1916 года съ каѳедры Государственной Думы грязную, клеветническую рѣчь объ Особахъ нашихъ Монарховъ, обвиняя ихъ въ измѣнѣ Россіи?

Развѣ не онъ, послѣ февральской революціи, будучи Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ, въ силу, повидимому, какихъ-то таинственныхъ соглашеній, держалъ при себѣ теперь знатнаго большевика Нахамкеса-Стеклова, безъ согласія котораго не рѣшалъ ни одного дѣла, — а потомъ хлопоталъ передъ Англіей о пропускѣ въ Россію — задержанныхъ тамъ Троцкаго и другихъ большевиковъ?

Развѣ не онъ принималъ участіе въ недопущеніи Царской Семьи къ выѣзду за-границу и тѣмъ содѣйствовалъ мученической кончинѣ Царя и всей Его Семьи?

Развѣ не въ немъ, до самой послѣдней поры, была сосредоточена какъ въ фокусѣ — вся ненависть революціонныхъ партій всѣхъ оттѣнковъ къ Русскому Воинству вообще, и къ русскому офицерству, въ частности?

Развѣ, наконецъ, не Милюковъ — одинъ изъ немногихъ, *главныхъ* виновниковъ гибели Россіи?

Да — онъ! И все-же никто не вправѣ покушаться на его жизнь, ибо не должно быть мѣста политическому самосуду.

Къ вамъ обращаемся мы, къ вамъ, доблестная русская военная молодежь. Берегите себя для честнаго, неустаннаго служенія Родинѣ. Не далекъ тотъ день, когда вы всѣ будете очень нужны и когда измѣнники и предатели Россіи предстанутъ во всей своей преступной наготѣ — передъ возставшей изъ пепелища разрушенной ими Родиной.

Вы, доблестная молодежь, всѣ вы на счету у Родины — берегите-же себя!

А. К.

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ СОВѢТА РУССКАГО ОЧАГА.

17 декабря 1920 года 36-ю лицами, входившими, большею частью, въ прежде существовавшее «Общество Объединенія Русскихъ заграницей». основанъ былъ «Русскій Клубъ».

Учреждая «Русскій Клубъ», члены-учредители исходили изъ объединяющаго ихъ стремленія содѣйствовать возстановленію Великой Державы Россійской на монархическихъ основахъ, съ соблюденіемъ законности и съ благословенія Церкви. въ цѣляхъ взаимнаго общенія членовъ и распространенія своихъ убѣжденій дозволенными законами страны способами. Тогда же было положено считать принятіе вышеизложеннаго Credo обязательнымъ для всѣхъ, могущихъ въ будущемъ быть избранными членовъ клуба. Въ Совѣтъ Старшинъ, оказались избранными: А. Ф. Треповъ. кн. В. С. Кочубей. Н. Н. Шебеко. А. Н. Крупенскій. Л. В. Голубевъ. св. кн. М. К. Горчаковъ и В. В. Скаржинскій.

21 декабря того же 1920 года было окончательно постановлено. что въ Дѣйствительные Члены Клуба могутъ быть приняты лишь лица. представленныя 2-мя членами-учредителями Клуба и получившія болѣе 3/4 избирательныхъ голосовъ наличнаго состава Учредителей.

Съ Января мѣсяца, по инициативѣ старшинъ, были устроены періодическіе доклады на политическія темы. Постоянными докладчиками выступали: генералы Д. Н. Дубенскій. кн. А. Н. Долгоруковъ, П. Н. Половцовъ и Н. Л. Голѣевскій.

Послѣ переговоровъ съ французскими властями выяснилось. что изъ практическихъ соображеній «Русскому Клубу» не слѣдуетъ присваивать себѣ характера политическаго общества. а потому Совѣтомъ Старшинъ. совмѣстно съ французскимъ спеціалистомъ. былъ выработанъ уставъ. по которому Клубъ получалъ наименованіе «Русскаго Очага во Франціи» (L'OEuvre du Foyer Russe en France) цѣлью коего, на основаніи пункта 2-го. являлось: «объединеніе разбросанныхъ па территоріи Франціи русскихъ подданныхъ, стремящихся къ возстановленію, въ будущемъ, Россійской Имперіи»... — Кромѣ того, въ новомъ Уставѣ, согласно французскимъ правиламъ, было видоизмѣнено наименованіе членовъ, а именно: «Члены — Учредители» были переименованы въ «Дѣйствительные», а послѣдніе — въ «Члены — Примыкающіе».

Уставъ этотъ былъ утвержденъ Общимъ Собраніемъ Учредителей Клуба 23-го Февраля 1921-го года, а 1-го Марта онъ былъ зарегистрированъ французскими властями.

11-го Марта, въ новомъ помѣщеніи, 74, avenue de la Grande-Armée, состоялось Общее Собраніе всѣхъ членовъ «Русскаго Очага», на которомъ совѣтъ былъ пополненъ, отъ бывшихъ членовъ-учредителей: кн. В. С. Кочубей. кн. М. А. Куракинъ, гр. Ѳ. Макс. Ниродъ. Д. Д. Давыдовъ и гр. С. А. Голенищевъ-Кутузовъ. а отъ бывшихъ дѣйствительныхъ членовъ: гр. В. А. Ребиндеръ, кн. В. А. Вяземскій и П. Н. Бубновъ.

Съ пятницы, 18-го Марта, собранія членовъ и традиціонные обѣды были перенесены въ помѣщеніе ресторана Gillet (2, boul. Maillot).

12-го Мая. на мѣсто выбывшаго изъ состава совѣта по личной просьбѣ кн. М. А. Куракина, избранъ былъ Н. Н. Корево.

16-го Мая были намѣчены совѣтомъ, а общимъ собраніемъ, состоявшимся 20-го Мая, были утверждены. слѣдующіе делегаты, отъ «Русскаго Очага». на 1-ый Монархическій Съѣздъ въ г. Рейхенгаллѣ: В. В. Скаржинскій, гр. Ѳ. М. Ниродъ и гр. В. А. Ребиндеръ. Кромѣ того. изъ состава президіума, но персональнымъ приглашеніямъ, туда-же отбыли: А. Ф. Треповъ. А. Н. Крупенскій. при секретарѣ Д. Д. Давыдовѣ.

17-го Іюня членами делегаціи былъ данъ отчетъ общему собранію о результатахъ 1-го Монархическаго Съѣзда, а 22-го Іюня былъ сдѣланъ публичный докладъ, въ Salle Gaveau о значеніи Рейхенгалля.

Постановленіемъ общаго собранія отъ 1-го Іюля общество «Русскаго Очага» приняло, какъ организація, всѣ постановленія Рейхенгалльскаго съѣзда и признало себя подчи-

ненным распоряженіямъ выбраннаго на съѣздѣ, Высшаго Монархическаго Совѣта.

Съ Іюля мѣсяца совѣтъ «Русскаго Очага» вступилъ въ непосредственные переговоры съ совѣтами другихъ Монархическихъ организацій, находящихся во Франціи, для совмѣстнаго созданія объединеннаго Монархическаго Совѣта, связаннаго признаніемъ пункта № 1-го Рейхенгалльской программы, гласящаго, что:... единственный путь къ возрожденію Великой, сильной и свободной Россіи есть возстановленіе въ ней Монархіи, возглавляемой законнымъ Государемъ изъ Дома Романовыхъ, согласно съ основными законами Россійской Имперіи и съ благословенія Святой, Православной Церкви».

Къ октябрю удалось придти къ соглашенію съ другими организаціями, а именно: :Обществомъ Возрожденія и Возсозданія Родины», «Ницкимъ Монархическимъ обществомъ», «Парижской группой монархистовъ», «Обществомъ Національной Молодежи во Франціи», а въ ноябрѣ и съ «Офицерскимъ Союзомъ» — для составленія Объединеннаго Совѣта.

27 Октября въ этотъ Совѣтъ представителями отъ «Русскаго Очага» были временно, впредь до Общаго Собранія, избраны: А. Ѳ. Треновъ, В. В. Скаржинскій, кн. В. С. Кочубей и гр. Ѳ. М. Нdatabundle. Членами отъ общества Возрожденія вошли: Н. Н. Шебеко, избранный товарищемъ Предсѣдателя Объединенія, П. М. Кауфмана-Тургестанскій, В. М. Андреевскій, А. А. Гулевичъ и Е. П. Ковалевскій. Въ Декабрѣ былъ еще дополнительно кооптированъ отъ Русскаго Очага и А. Н. Крупенскій, ввиду того, что «Ницкое Монархическое Об-во», представителемъ коего онъ являлся, временно оставило вопросъ о своемъ участіи въ Объединенномъ Монархическомъ Совѣтѣ открытымъ. *)

Въ Ноябрѣ-же нѣкоторые члены «Русскаго Очага»—приняли участіе въ Церковномъ Соборѣ, состоявшемся въ Сербіи, подтердивъ этимъ связанность праваго движенія съ Православной Церковью.

Со времени учрежденія «Русскаго Очага» въ его составъ было принято 92 члена, что составляетъ, по сегодняшнее число — считая и учредителей — 128 человѣкъ.

Что касается внѣшнихъ выступленій, сдѣланныхъ Совѣтомъ, отъ имени «Русскаго Очага», за истекшій періодъ времени, то упомянемъ о слѣдующихъ:

Стоя на стражѣ Россійскаго Государственнаго достоянія и стремясь оградить его, по возможности, отъ расхищенія нѣкоторыми представителями послѣ-революціонной власти, Совѣтъ «Русскаго Очага» не могъ не обратить вниманія на одностороннее расходованіе казенныхъ средствъ дипломатическимъ представителемъ Временнаго Правительства въ Вашингтонѣ, Б. А. Бахметьевымъ.

18-го Марта сего года,по собраніи необходимыхъ данныхъ, Бахметьеву былъ посланъ запросъ, отъ имени «Очага», съ просьбою дать указанія на способъ и размѣръ безотчетно распредѣленныхъ имъ суммъ, случайно оказавшихся въ его рукахъ. Копіи этого письма были посланы «для ознакомленія» кн. Львову, Авксентьеву и М. Н. Гирсу.

Вскорѣ послѣ заключенія Рижскаго договора между поляками и большевиками, въ газетѣ «Temps» появилась статья Авксентьева, опредѣляющая отрицательное отношеніе политической группировки, имъ возглавляемой, къ этому договору. — Усматривая въ этой статьѣ признаки пробужденія государственности и желая закрѣпить правильный взглядъ на этотъ существенно-важный для будущаго Россіи вопросъ, Совѣтъ «Русскаго Очага» уполномочилъ своего предсѣдателя обратиться съ заявленіемъ въ редакцію газеты «Temps» въ которомъ онъ, выражаетъ твердую увѣренность въ томъ, что ни одно правительство будущей Россіи не признаетъ незаконнаго Рижскаго договора, тѣмъ болѣе, что возстановленіе свободной Польши, въ ея *этнографическихъ границахъ,* уже было предначертано Государемъ Императоромъ еще въ 1916-омъ году. — Переводъ этого заявленія былъ посланъ въ газету «Общее Дѣло».

Когда, въ Іюлѣ мѣсяцѣ, среди членовъ Лиги Націй возникла мысль о созданіи особаго Верховнаго комиссара по дѣламъ русскихъ бѣженцевъ, Совѣтъ «Очага», опасаясь вредныхъ вліяній, не разъ уже проявившихъ се-

---

*) Нынѣ Ницкое Общество окончательно вступило въ составъ Объединенія.

оя за время существованія Лиги, рѣшилъ поручить, совмѣстно съ Совѣтомъ «Ниццкаго Об-ва Объединенія Русскихъ за границей» и «Парижской Группой Монархистовъ», защиту взглядовъ русскихъ монархическихъ круговъ, П. С. Боткину. Вслѣдствіе этого, Боткину было предоставлено plein pouvoir вступать въ переговоры съ представителями Державъ, причемъ, однако, ему было замѣчено, что мысль о произвольномъ назначеніи Верховнаго Комиссара не можетъ встрѣтить сочувствія въ государственно-мыслящихъ русскихъ кругахъ. — Когда-же, въ Сентябрѣ, окончательно выяснилось, что на эту должность будетъ назначенъ сторонникъ соглашенія съ большевиками, Нансенъ, Предсѣдатель Совѣта «Русскаго Очага», обратился съ категорическимъ протестомъ противъ этого назначенія какъ во Французское Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, такъ и къ Послу Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ въ Парижѣ.

Въ связи съ созывомъ Вашингтонской Конференціи, А. Ѳ. Треповъ, отъ имени «Русскаго Очага», обратился съ письмомъ къ Президенту Соединенныхъ Штатовъ, въ которомъ, подчеркнувъ всю важность для жизненныхъ интересовъ Россіи постановленій, могущихъ быть принятыми въ Вашингтонѣ; напоминалъ, что не должны забывать на Конференціи о временномъ невольномъ отсутствіи Россіи, ибо если будетъ нанесенъ ущербъ ея интересамъ и ея государственной территоріи — то результаты конференціи будутъ ничтожны, ибо возрожденная Россія ихъ не признаетъ.

«Русскій Очагъ» своевременно выступилъ также и съ протестомъ противъ приглашенія большевиковъ на Конференцію въ Генуѣ (См. № 1 «Воскресенья»).

«Русскій Очагъ» издалъ 3 тома «Русской Лѣтописи» — сборника, посвященнаго обнародованію историческихъ матеріаловъ и статей, опредѣляющихъ переживаемое Россіей лихолѣтье.

«Русскій Очагъ» съ 26 Марта с. г. приступилъ къ изданію журнала «Воскресенье», выходящаго два раза въ мѣсяцъ.

Совѣтъ Русскаго Очага имѣетъ пребываніе 1, rue de Messine а издательство помѣщается 14, rue de l'Yvette.

ИЗЪ СОВѢТСКОЙ ПЕЧАТИ.

Предлагаемая сводка матеріаловъ, которые могли быть извлечены изъ наиболѣе вліятельныхъ органовъ совѣтской печати, является, очевидно, запоздавшей. Однако, мы все-таки рѣшаемся дать ей мѣсто въ нашемъ журналѣ, такъ какъ многое въ ней имѣетъ всю цѣнность историческихъ документовъ.

На первомъ мѣстѣ ставимъ, конечно, вопросъ объ отношеніи совѣтской власти къ конференціи въ Генуѣ. Имѣющіяся у насъ свѣдѣнія располагаемъ въ хронологическомъ порядкѣ.

16-го Марта Москва распространила извѣстіе, что созданная ею особая комиссія, установила размѣръ причитающагося совѣтскому правительству возмѣщенія за убытки, причиненные гражданской и имперіалистическими войнами, въ 50.344.000.000 руб. золотомъ.

20-го Марта совѣтское правительство предложило правительствамъ прибалтійскихъ государствъ устроить совѣщаніе ихъ представителей на конференціи въ Генуѣ съ совѣтскими делегатами при ихъ проѣздѣ черезъ Ригу 27-го Марта.

Накавунѣ своего выѣзда изъ Москвы, совѣтскіе делегаты стали заявлять, что мѣры безопасности въ отношеніи ихъ пребыванія въ Италіи, принятыя правительствомъ Италіи, недостаточны, и что они не въѣдутъ въ предѣлы Италіи до тѣхъ поръ, пока итальянское правительство не дастъ вполнѣ достаточныхъ гарантій въ этомъ отношеніи. Между тѣмъ по общему отзыву въ Геную уже дав-

но прибылъ значительный отрядъ совѣтскихъ охранниковъ.

На ту-же тему говорила и писала также и совѣтская торговая делегація въ Лондонѣ.

Въ концѣ Марта Московскія «Извѣстія», обсуждая проекты, подготовленные для конференціи въ Генуѣ, заявляютъ, что идея установленія въ Россіи территорій, гдѣ иностранцы будутъ пользоваться исключительными правами, совершенно непріемлема для Россіи, какъ нарушающая ея суверенныя права.

По сообщенію изъ Ревеля отъ 31-го Марта, въ Петроградѣ арестовано значительное число иностранцевъ въ качествѣ заложниковъ иностранной буржуазіи, въ обезпеченіе личной безопасности совѣтскихъ делегатовъ въ Генуѣ.

Въ концѣ Марта Троцкій произнесъ въ «совѣтѣ труда и обороны» слѣдующую рѣчь:

«Эпоха военныхъ интервенцій кончилась въ Каннахъ. Начинается эпоха мирныхъ интервенцій, первымъ этапомъ которой будетъ Генуя. Не нужно довѣрять хитрымъ авгурамъ европейскаго капитала. Не нужно довѣряться добродушнымъ мирнымъ настроеніямъ, проявляемымъ европейской дипломатіей».

«Европа, въ частности Антанта, съ ея капиталистической структурой, всегда останется непримиримымъ врагомъ пролетарской Россіи. Если тѣ самыя государства, которыя въ теченіи трехъ лѣтъ считали себя выше возможности объявить войну совѣтской Россіи, а прибѣгали къ инсценировкѣ разбойничьихъ набѣговъ извнѣ, или къ тактикѣ подкупа и поддержки отбросовъ русской буржуазіи внутри совѣтской Россіи, если эти государства, въ частности Франція и Англія, нынѣ раскланиваются и расшаркиваются, приглашая на конференцію въ Генуѣ, то это далеко не значитъ, что они измѣнили свою прежнюю тактику, не значитъ и не можетъ означать, что они становятся честными друзьями совѣтской республики.

«Безусловно Генуэзская конференція послѣ трехлѣтней войны между государствами Европы и совѣтской Россіей можетъ быть разсматриваема, какъ первая всеобщая мирная конференція. Правда, капиталистическія государства не сдѣлали еще никакихъ формальныхъ заявленій о мирѣ, но возможно, что эти заявленія будутъ сдѣланы на конференціи, ибо европейскія государства должны будутъ начать переговоры съ нашей делегаціей съ признанія совѣтской Россіи и съ заключенія прелиминарнаго мирнаго договора.

«Нужно помнить, что единственное въ мірѣ пролетарское государство является цитаделью мірового пролетарскаго революціоннаго фронта и, что всѣ уступки явятся сдачей нашихъ позицій, за которыя совѣтское правительство отвѣтственно передъ россійскимъ пролетаріатомъ и передъ революціонными массами рабочихъ всего міра. Если въ Генуѣ будутъ сдѣланы попытки нарушить суверенность совѣтскаго правительства, то совѣтская власть обязана заранѣе принять мѣры къ тому, чтобы эти попытки были въ состояніи ликвидировать не только дипломатическимъ путемъ, но и путемъ физическимъ.

«Америка согласна присутствовать въ Генуѣ, лишь при условіи разоруженія Россіи и Франціи на 50 проц. настоящей численности ихъ регулярныхъ армій. Можетъ быть, требованіе, адресованное къ Франціи и справедливо, ибо ея милитаризмъ душитъ и міровую культуру и всю экономическую жизнь Европы. Можетъ быть, по отношенію къ ней американскіе дипломаты дѣйствительно руководятся обще-человѣческими цѣлями. Но это требованіе, адресованное къ совѣтской Россіи, кажется мнѣ совершенно невозможнымъ. Россія за эти три года гражданской войны только защищалась. Красная армія создавалась и создана лишь для защиты границъ пролетарскаго государства. Это отлично извѣстно всему міру и, конечно, американскимъ дипломатамъ. Требованіе ее ослабить, сократить до половины въ моментъ, когда только что ликвидирована карельская авантюра, когда на Дальнемъ Востокѣ красные добровольцы изнемогаютъ въ борьбѣ съ меркуловскими бѣлогвардейцами, наконецъ, когда наша западная граница совершенно необезпечена отъ новыхъ авантюръ польскихъ имперіалистовъ, является неслыхан-

нымъ покушеніемъ на безопасность республики.

«Мы не можемъ не видѣть, что Генуя — это ловушка, въ которую хотятъ, быть можетъ, завлечь совѣтскую Россію, предварительно лишивъ ее ея реальныхъ силъ, ея оборонительно - наступательныхъ способностей.

«Совѣтская делегація въ Генуѣ, я думаю, будетъ спокойнѣе выполнять свои обязанности тогда, когда будетъ знать, что ее поддерживаютъ полтора милліона революціонныхъ штыковъ и мнѣ кажется, что западная дипломатія тоже будетъ болѣе отзывчива и сговорчива.

«Красная армія, вотъ тотъ факторъ, при помощи котораго мы сдѣлали сговорчивѣе «нашихъ капиталистическихъ друзей». Красная армія не только не должна быть сокращена, но усилена и реформирована. Кстати, реформа идетъ къ концу и когда она закончится, мнѣ кажется западъ станетъ еще болѣе любезнымъ, чѣмъ въ настоящій моментъ».

На второмъ мѣстѣ поставимъ собранныя нами позднѣйшія (къ началу Апрѣля) данныя о положеніи дѣлъ на Кавказѣ. Это интересно уже по одному тому, что мало кто вообще знаетъ, что собственно тамъ происходитъ.

Послѣ Ноября 1921 года, когда обнаружилась сравнительная слабость активныхъ антисовѣтскихъ силъ, коммунисты приступили къ ликвидаціи партійныхъ антисовѣтскихъ организацій и другихъ активныхъ группировокъ Закавказья, и къ настоящему мени оппозиція приведена въ состояніе пассивности. Такимъ образомъ можно предполагать, что федерированіе закавказскихъ республикъ съ включеніемъ этой федераціи въ составъ россійской совѣтской федераціи серьезнаго сопротивленія со стороны туземцевъ не встрѣтитъ, и лишь центральный комитетъ грузинской партіи меньшевиковъ питаетъ еще надежду на то, что въ назрѣвающемъ русско-турецкомъ конфликтѣ Франція поддержитъ Турцію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и антибольшевистскія силы Закавказья.

Въ частности относительно положенія на Кавказѣ получены слѣдующія свѣдѣнія:

Въ Азербейджанѣ правительство во главѣ съ Нариановымъ существуетъ лишь для декораціи, руководство-же всѣми дѣлами въ рукахъ меньшинства — Герасимова и состоящаго при коминтернѣ Андреева. Предсѣдателемъ революціоннаго трибунала состоитъ Аліевъ.

Въ Баку расположены части отдѣльнаго кавказскаго корпуса, силою около 7.000 человѣкъ. Среди солдатъ замѣтно недовольство совѣтской властью; были случаи демонстрацій съ криками «долой коммунистовъ». Азербейджанскія части малочисленны, пополненій не получаютъ, такъ какъ по призыву никто не явился. Иранская армія ликвидируется.

Общее настроеніе подавленное; недовольство совѣтской властью растетъ. Крестьянская масса забита, рабочіе-же, хотя начинаютъ испытывать разочарованіе, но все еще держатся коммунистической партіи. Интеллигенція растеряна. Мусульмане почти сплошь противъ большевиковъ. Общественная жизнь замерла, населеніе голодаетъ. Азербейджанскія деньги сильно понизились, и одинъ милліонъ азербейджанскихъ рублей равенъ 350 тысячъ совѣтскихъ.

Нефтяные промыслы работаютъ плохо: Биби-Эйбатскій даетъ около 3 проц. довоенной добычи. Сураханскій — около 5 проц. Около 2/3 вышекъ залито и приведено въ полную негодность. Вообще Бакинскіе промыслы сходятъ на нѣтъ, и первое мѣсто по добычѣ и по вывозу нефти въ Россію занимаетъ теперь Грозный.

Сообщеніе съ Закаспіемъ довольно правильное: ходятъ преимущественно наливныя суда, вывозящіе нефть и ввозящіе хлопокъ, рисъ и кишмишъ.

Изъ голодающихъ губерній на Волгѣ въ Азербейджанъ переселилось до 15.000 бѣженцевъ, лишенныхъ возможности достать работу и поэтому обреченныхъ на голодную смерть. Часть бѣженцевъ разселяется въ Муганской степи, часть возвращается на сѣверный Кавказъ.

У КАМЕЛЬКА.

Уже пожилой, но еще очень бодрый премьеръ одной изъ европейскихъ державъ сидѣлъ послѣ обѣда у себя въ кабинетѣ, смотрѣлъ, какъ тлѣютъ въ каминѣ дрова и думалъ:

— Я ли такъ уменъ, они ли всѣ такъ глупы, но рядъ лѣтъ я ихъ вожу за носъ, а все же ничего... Поворчатъ, поворчатъ, но слушаются...

— Лордъ Чичеринъ, - вдругъ услышалъ онъ голосъ слуги.

Министръ оживился.

— Простите... Очень радъ. Галло, Чичеринъ! Довольны ли вы сегодняшнимъ днемъ?

Лордъ Чичеринъ выбросилъ изъ глаза монокль, крѣпко пожалъ протянутую ему руку и сѣлъ въ кресло по другую сторону камина.

— Очень усталъ, — сказалъ онъ.—Вашъ послѣдвій меморандумъ составленъ такъ своеобразно, что не знаешь, какъ и отвѣтить на него. Но все таки я отвѣтилъ.

— Отвѣтили? — Старикъ добродушно засмѣялся. — Я зналъ, что дѣлалъ. Очень люблю ставить молодыхъ людей въ затруднительныя положенія. Это меня молодитъ. А, въ концѣ концовъ, развѣ въ этомъ дѣло? Я напишу, вы напишите, еще кто-нибудь напишетъ — какіе пустяки! Важно доброе желаніе. Пять минутъ дружеской бесѣды даютъ больше, чѣмъ пять пудовъ исписанной бумаги... Особенно въ такомъ дѣлѣ, какъ наше съ вами: что ни пиши, все равно ни вы, ни я правды сказать не можемъ...

— Не можемъ, — подтвердилъ лордъ Чичеринъ.

— То-то и есть. Вы только вдумайтесь: ввести коммунизмъ въ рамки капитализма и сдѣлать это такъ, чтобы намъ съ вами было хорошо, а всѣмъ остальнымъ было тошно — какіе тутъ меморандумы? Начнешь писать— со всѣхъ концовъ хвосты такъ и лѣзутъ...

— Не хотите ли виски-сода? — вдругъ спросилъ онъ, протягивая руку къ звонку.

— Я вамъ такъ скажу, — началъ онъ, когда слуга, принесшій напитокъ, удалился. —Во первыхъ, мы должны договориться о главномъ: нужна вамъ Россія, какъ Россія, или Россія для васъ является только первымъ этапомъ міроваго переворота? Отъ этого зависитъ все остальное. Я, напримѣръ, пересталъ бы васъ уважать, если бы вы стали доказывать, что Россія вамъ нужна, какъ Россія. Тогда вы просто разбойники. Иное дѣло — идея міровой революціи. Тогда вы — пусть и мечтатели, но люди, явно отличающіеся отъ другихъ людей, такіе, которыхъ не только можно, но и лестно принимать въ любомъ салонѣ, такіе — скажу для примѣра,— какъ собирающіеся открыть сѣверный полюсъ, или пытающіеся войти въ сношенія съ обитателями Марса, или мечтающіе побить какой-нибудь невѣроятный рекордъ. Понимаете мою мысль?

Лордъ Чичеринъ утвердительно кивнулъ головой. Премьеръ продолжалъ:

— Какъ видите, вопросъ сразу опрощается. Такъ какъ вы не разбойники, а мечтатели, то ясно, что сама по себѣ Россія вамъ вовсе не нужна. А разъ вамъ Россія не нужна, то о чемъ собственно мы споримъ? Отдайте ее намъ, и у васъ, по крайней мѣрѣ, будутъ руки развязаны...

Премьеръ проговорилъ послѣднюю фразу, весьма озабоченный тѣмъ, что сифонъ, который въ эту минуту онъ держалъ въ рукахъ, плохо дѣйствовалъ.

Лордъ Чичеринъ сидѣлъ задумчивый, Премьеръ дружески хлопнулъ его по колѣну и сказалъ:

— Когда я говорю: отдайте намъ, это не означаетъ: уходите изъ Россіи. Наоборотъ: оставайтесь тамъ. Только оставаясь, вы можете отдать. Понимаете? Этого мало: вы дѣлайте видъ. Мы также будемъ дѣлать видъ. Но сейчасъ мы разговариваемъ съ вами, какъ люди, которые поняли, что надо-же когда-нибудь договориться... Вамъ—міровая революція, намъ — только Россія. И это все. Кто, спрашивается, могъ бы предложить вамъ болѣе выгодныя условія?

Лордъ Чичеринъ недоумѣнно пожалъ плечами. — Богъ знаетъ, что вы такое говори-

те! — сказалъ онъ почти обиженнымъ тономъ. — Каковы бы ни были наши общія задачи, какъ можемъ мы отдать вамъ Россію? А наше національное достоинство? А права суверениаго государства?

Премьеръ, не стѣсняясь, разсмѣялся такъ весело, какъ если бы ему разсказали нѣчто весьма забавное.

— Другъ мой, — сказалъ онъ, все еще продолжая смѣяться. — Согласитесь, что-то тутъ не такъ: интернаціоналъ и національное достоинство, отрицаніе всѣхъ государственныхъ началъ и вдругъ права суверенна-го государства! Это все хорошо для дипломатическихъ нотъ, но никуда не годится въ часы дружеской бесѣды. Я вѣдь ставлю вопросъ по существу. На что вамъ, собственно говоря, Россія? Нефть, желѣзо, каменный уголь, лѣса — развѣ васъ могутъ интересовать подобныя мелочи? Вы — люди широкихъ горизонтовъ. Я давно наблюдаю за вами и очень хорошо знаю, что васъ интересуетъ: сегодня вы однихъ сажаете въ тюрьмы, завтра — другихъ; сегодня вы національзируете, завтра —денаціонализируете; сегодня вы видите центръ тяжести въ разоруженіи, завтра — наоборотъ, въ усиленіи арміи. Хотите, я предложу слѣдующій выходъ: мы беремъ Россію, а вамъ оставляемъ Москву: тамъ, по вашему указанію, мы вамъ строимъ рядъ общирнѣйшихъ аудиторій, десятокъ или даже два десятка тюремъ, устраиваемъ вамъ особый плацъ для разстрѣловъ, устраиваемъ шесть первоклассныхъ типографій, обязуемся доставлять милліоны пудовъ бумаги, даемъ вамъ вагоны красной матеріи всѣхъ сортовъ... Нужно еще что-нибудь — только скажите. Словомъ, мы васъ обставимъ по вашему вкусу, а намъ — остальное...

— Національное достоинство! — продолжалъ онъ, помолчавъ. — Я очень хорошо понимаю, что такое національное достоинство. Но въ дѣлахъ необходимы нѣкоторыя уступки. Напримѣръ, моя душевная дружба съ вами — мало ли людей, которые рады повторять, что этой дружбой я умаляю національное достоинство! Вздоръ! Важно другое: мы съ вами дѣло дѣлаемъ. Я понимаю, что Россія въ ея теперешнемъ состояніи только мѣшаетъ успѣху вашихъ начинаній. Она — живой упрекъ вамъ. Мнѣ-ли учить васъ смѣлости? Перешагните черезъ Россію, отъ которой вы уже взяли, что могли. А быть добрыми хозяевами и толковыми управителями, — сами понимаете, вы совсѣмъ не изъ того тѣста. Предоставьте эту мелкую и черную работу намъ, людямъ второго сорта, нашимъ купцамъ и промышленникамъ, этимъ муравьямъ, которыхъ вы съ высоты вашего орлинаго полета даже не можете замѣтить...

— Слѣдовательно, вы предоставляете намъ неограниченное право пропаганды? — спросилъ, замѣтно оживляясь, лордъ Чичеринъ.

Премьеръ добродушно разсмѣялся.

— Люблю молодежь! — сказалъ онъ, весело потирая руки. — Всегда у нея такія слова: сильныя, гордыя! Конечно, неограниченное, потому что нельзя-же считать ограниченіями тѣ рамки, которыя ставятся силою вещей, такъ сказать — фактической возможностью... Пропаганда, какая только вамъ вздумается, но, ясно, что не раньше, чѣмъ мы войдемъ къ вамъ и скажемъ, упрочимъ у васъ свое положеніе. Само собой разумѣется, мы же первые вамъ поможемъ и для этого устроимся такъ, чтобы вся ваша пропаганда шла непремѣнно черезъ насъ.

Сифонъ опять отказывался дѣйствовать, и премьеръ съ ожесточеніемъ теребилъ его во всѣ стороны.

— Такимъ образомъ, и тутъ контроль? — воскликнулъ лордъ Чичеринъ, не скрывая своего разочарованія.

— О, молодые люди!..

Премьеръ развелъ руками и рѣзкимъ движеніемъ отставилъ сифонъ.

— Содѣйствіе, дружеская помощь — кто говоритъ о контролѣ? Зачѣмъ ненужныя слова?

— Въ такомъ случаѣ необходимы гарантіи...

— Вѣрно. Я думалъ и объ этомъ. Но не будетъ ли это похоже на сказку про бѣлаго бычка. Намъ нужны гарантіи отъ васъ, вамъ отъ насъ. Не лучше ли въ такомъ случаѣ совсѣмъ безъ гарантій? Да и къ чему гарантіи между порядочными людьми? Попробуемъ. Вы отдаете намъ Россію, мы туда входимъ, вы будете дѣлать свое дѣло, мы — свое, а

тамъ видно будетъ. Не поправимся другъ другу — разойдемся. Вотъ и все.

Положивъ руку на колѣни лорда Чичерина, премьеръ дружески улыбнулся и добавилъ:

— Какъ видите, повторяется исторія Колумбова яйца: надо только умѣть догадаться. Я, конечно, не скрываю отъ себя, что, какъ ни проста и разумна моя мысль, намъ обоимъ придется не мало поработать, пока мы увидимъ ея осуществленіе. Но, согласитесь, что тутъ есть изъ-за чего стараться...

Лордъ Чичеринъ хотѣлъ что-то возразить, но ему помѣшалъ рѣзкій звонокъ телефона.

Алло! съ нескрываемой досадой крикнулъ въ трубку телефона премьеръ. — Кто говоритъ? А, очень радъ... Что случилось? Еще? Да они всѣ съума сошли... Дайте знать, что я согласенъ на независимость, но армія для ихъ-же собственной охраны, конечно, должна будетъ остаться. Не мѣшаетъ даже удвоить количество... Хе-хе-хе!.. Вы такъ думаете? Что дѣлать! Я только послѣдователенъ...

— Вотъ, — сказалъ онъ лорду Чичерину, отойдя отъ телефона. — Еще потеряли двѣ колоніи: сѣверные зулусы соединились съ южными и хотятъ образовать штаты, а у кафровъ уже выбрали независимый парламентъ. Это теперь вродѣ эпидеміи. Но все равно! Вернемся къ нашему дѣлу. Скажите по совѣсти: у васъ еще остались деньги, или уже все истрачено?

Лордъ Чичеринъ гордо поднялъ голову:

— Деньги? Сколько угодно. Только сегодня я получилъ телеграмму, что удалось поставить двѣ новыя машины...

— Нѣтъ, я говорю, конечно, только о золотѣ...

— Имѣется порядочно ковровъ, еще не использованы многія цѣнности Эрмитажа, затѣмъ крышки отъ золотыхъ часовъ...

Премьеръ сочувственно кивалъ головой.

— Словомъ, — сказалъ онъ, — немного, но наши первые расходы по занятію Россіи могутъ быть оплачены. Великолѣпно. Ставлю еще вопросъ: ни съ одной державой, кромѣ насъ, вы органически ничѣмъ не связаны?

Премьеръ въ упоръ посмотрѣлъ на своего собесѣдника. Тотъ явно смутился, но старался овладѣть собой.

— Согласитесь, — сказалъ онъ, — я не даромъ всѣ эти четыре года стоялъ во главѣ русской дипломатіи. У насъ есть договоръ съ Эстоніей, почти закончены переговоры съ Латвійской державой. Двѣ изъ шести кавказскихъ республикъ прислали къ намъ спеціальныхъ пословъ. Мы наканунѣ заключенія договора съ южной частью Абиссиніи...

— А какъ у васъ съ нѣмцами? — перебивая лорда Чичерина, строго спросилъ премьеръ.

— О, съ ними мы вполнѣ на дружеской ногѣ, — не безъ гордости отвѣтилъ лордъ Чичеринъ — Не скрою, это мнѣ стоило большихъ затратъ моего ума и таланта...

Было ясно, что онъ не хочетъ понять премьера. Старикъ приподнялся было съ кресла, — до того ему не понравился отвѣтъ. Но мелькнула какая-то другая мысль, и, снова усѣвшись, онъ ограничился тѣмъ, что сказалъ:

— Я самъ съ ними вполнѣ на дружеской ногѣ. Но дружба — дружбой, а табачекъ врозь. Надо это помнить. Или вы съ нами, или вы противъ насъ...

— Не забывайте, — добавилъ онъ уже своимъ обычнымъ добродушнымъ тономъ, — что, беря на себя такую громадину, какъ Россія, мы возлагаемъ на себя новое бремя. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, сажать намъ на плечи еще и нѣмцевъ. Я иду вамъ на встрѣчу только потому, что люблю все молодое, свѣжее, смѣлое. Будьте же и вы внимательны ко мнѣ, старику... Начнемъ, я думаю, сразу съ двухъ концовъ: съ сѣвернаго лѣсного и съ южнаго нефтяного. У меня, кстати, на этотъ счетъ есть комбинація съ голландцами...

Вдругъ онъ схватился руками за голову.

— Но сколько расходовъ, Боже, сколько расходовъ! Боюсь, не хватитъ ни вашихъ ковровъ, ни крышекъ отъ часовъ... Прямо говорю: иду во имя идеи. И вотъ увидите: не пройдетъ и ста лѣтъ, какъ неизвѣстно зачѣмъ начнете требовать независимости...

— Когда-же окончательный отвѣтъ? — спросилъ онъ, вставая и протягивая лорду Чичерину свою большую, густо заросшую волосами руку. — Довольно разговоровъ и переговоровъ. Одинъ соблазнъ. Хотите, завтра къ полудню? Впрочемъ, нѣтъ: завтра все утро я сажаю картофель для кинематографа. Завтра послѣ обѣда? Согласны? А, кстати, я приглашу нашего архитектора. Вы поговорите съ нимъ, какія вамъ нужны аудиторіи и тюрьмы...

А на завтра премьеръ узналъ, что уже заключенъ совѣтско-германскій договоръ. Премьеръ немедленно-же вызвалъ кинематографщиковъ, и когда аппаратъ былъ приведенъ въ дѣйствіе, упалъ въ обморокъ.

Ар.

ЗА ДВѢ НЕДѢЛИ.

Нѣмецкія газеты, повидимому, освѣдомлены о планахъ большевиковъ лучше, чѣмъ изданія другихъ странъ. Это видно изъ того, что сообщаемыя ими свѣдѣнія всегда болѣе или менѣе оправдываются. Послѣдняя новость—та, что задача большевиковъ на конференціи — изолировать Францію.

Нѣмцы, конечно, очень этому рады и провоцируютъ большевиковъ, сколько могутъ. Судя по началу, у большевиковъ, дѣйствительно, имѣется такой, или ему подобный планъ. Но судя по тому-же началу, ихъ пріемы настолько элементарны, что, кромѣ конфуза для нихъ-же самихъ, изъ этого ничего не выйдетъ.

* * *

Въ то время, какъ милліоны русскихъ людей умираютъ съ голоду, являясь такимъ образомъ, жертвами совѣтскаго режима, совѣтскіе господа, пріѣхавшіе въ Геную, блестятъ бриліантами, наливаются шампанскимъ, кутятъ столь безобразно, что съ первой-же минуты стали притчей во языцѣхъ и вызваютъ противъ себя всеобщее негодованіе.

Главные дѣятели, тузы совѣтскаго режима, тѣ, конечно, держатъ себя поскромнѣе, но ихъ «сопровождающіе», точнѣе — ихъ охрана, показываютъ себя во весь свой настоящій ростъ.

Корреспонденты ряда изданій разсказываютъ по этому поводу много всякаго рода анекдотовъ. Не будемъ, однако, приводить ихъ. Для корреспондентовъ — смѣхъ, для насъ — горе. Въ этихъ анекдотахъ — тотъ ужасъ, который нависъ надъ нашей родиной. Герои этихъ анекдотовъ — тѣ люди, которые вотъ уже столько лѣтъ имѣютъ право жизни и смерти надъ нашими родными и близкими, оставшимися въ совѣтской Россіи. Это — представители и осуществители той власти, которая дѣлаетъ все, чтобы привести Россію къ конечной гибели...

* * *

Извѣстія, идущія изъ Генуи, даютъ намъ право предполагать, что нашъ журналъ является настольной книгой совѣтской делегаціи. Во всякомъ случаѣ, та программа дѣйствій, которая была изложена въ письмѣ изъ Москвы, напечатанномъ нами въ № 1 «Воскресенья», осуществляется большевистской делегацией съ скрупулезной точностью.

Составляя эту программу, мы руководились тѣмъ понятнымъ чувствомъ горечи, которое заставляетъ смѣяться, когда такъ хочется плакать. А эти господа приняли наши слова, какъ откровеніе, и слѣдуютъ имъ до мелочей.

Даже нашъ проектъ условій съ иностранными концессіонерами признанъ большевиками, какъ своего рода нормальный уставъ.

Единственное, чего мы не предусмотрѣли, это—цилиндръ и монокль Чичерина. Такъ далеко мы все же не рѣшались итти.

* * *

Какъ, напримѣръ, иначе опредѣлить заявленіе, сдѣланное Раковскимъ въ засѣданіи одной изъ комиссій? Онъ сказалъ: «обыкновенные расходы совѣтскаго правительства на шесть седьмыхъ покрыты, по бюджету этого

года, обыкновенными налогами». Въ смыслѣ блефированія дальше, конечно, итти уже некуда. Страна вымираетъ, населеніе довело производительность почти до нуля, а Раковскіе берутъ на себя смѣлость утверждать, что финансы такой страны находятся, если и не въ нормальномъ, то почти въ нормальномъ положеніи. Очевидно, Раковскіе убѣждены, что, когда они дѣлаютъ подобныя заявленія передъ лицомъ всего міра, они смѣются не надъ собой, не надъ злополучной Россіей, а только надъ тѣми, кто ихъ слушаетъ.

Трилліоны расходовъ по смѣтѣ, квадрилліоны такихъ суммъ, которыя тратятся помимо всякой смѣты — и при этихъ условіяхъ рѣшаются, вообще говорить о «финансахъ страны»! Цинизмъ, доведенный до предѣловъ явнаго безумія.

***

Въ Берлинѣ, какъ извѣстно, большевики добились того, что имъ отдали зданіе русскаго посольства. Іоффе и Литвиновы торжествуютъ. На долго-ли, однако? Дѣло въ томъ, что зданіе русскаго посольства въ Берлинѣ —частная собственность Россійскаго Императорскаго Дома. Это зданіе было пріобрѣтено лично Императоромъ Николаемъ Павловичемъ и никогда не было передано въ казну. Очвидно, никто не имѣетъ права отдавать его кому бы то ни было. Необходимые въ этомъ смыслѣ шаги уже сдѣланы.

Не забудемъ также, что при зданіи имѣется православная церковь. Мыслимо-ли оставить ее въ рукахъ большевиковъ? Такого надругательства надъ русскимъ чувствомъ не вправѣ дозволять себѣ ни одно государство.

***

Русская колонія въ Парижѣ съ грустью проводила уѣхавшаго на Балканы ген. Миллера. Его энергія, бодрость духа, твердость политическихъ убѣжденій дѣлали его лицомъ, около котораго многое объединялось. Русская колонія, чествуя отъѣзжающаго прощальнымъ обѣдомъ, воспользовалась случаемъ, чтобы все это ему высказать.

Тип. Фр.-Рус. Печ., 216, Boulevard Raspail, Paris.

Цѣна 1 франкъ.

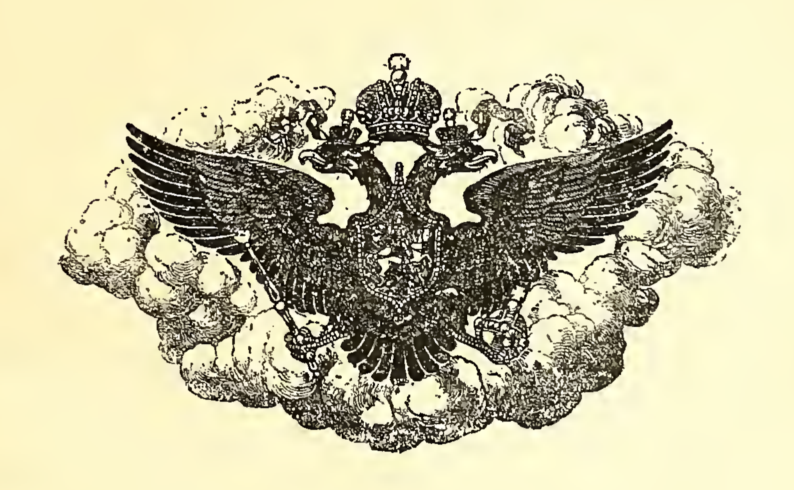
Редакція и Контора:

(при «ANNALES RUSSES») — 14, rue de l'Yvette, Paris (XVIe)

№ 5. 21 Мая 1922 г. № 5.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

(Le Dimanche)

ИЗДАНІЕ «РУССКАГО ОЧАГА».

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Пріемъ по дѣламъ Редакціи и Конторы ежедневно отъ 2-хъ до 3-хъ ч. дня

(LE DIMANCHE)

Редакція и Контора: 14, Rue de l'Yvette, 14 PARIS (XVIe)

№ 5. Парижъ, 21 Мая, 1922 г. № 5.

ЛЮДИ ПАНИКИ.

Такъ много ихъ, и какъ они теперь вредны и опасны! Именно теперь, когда судьба Россіи, не только ея ближайшее, но и отдаленное будущее висятъ на волоскѣ, когда, въ дѣйствительности, рѣчь идетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ объ окончательной ея гибели...

Эти люди — политически неподготовленная толпа, готовая итти за побѣдителемъ, кто бы онъ ни былъ, и неспособная понять, что есть побѣды, которыя хуже всякаго пораженія. Эгоистически настроенная, эта толпа настолько, однако, во власти легко овладѣвающей ею паники, что почти всегда дѣйствуетъ во вредъ своимъ прямымъ интересамъ. Она не сознаетъ этого. Она убѣждена, что, насилуя себя и измѣняя себѣ, она достигаетъ или можетъ достичь соблазняющихъ ее выгодъ. Въ дѣйствительности, она осуществляетъ только то назначеніе, котораго она достойна: совершаетъ жертвоприношеніе для жертвоприношенія и остается кругомъ одураченной. Потомъ, когда кругъ событій замкнется, она, конечно, увидитъ, что попала въ загородку, выстроенную спеціально для ея уловленія, но пока событія лишь намѣчаются, она полна рвенія и усердно хлопочетъ, стараясь попасть хотя бы въ тѣнь, отбрасываемую тѣми, кто ей кажется въ данный моментъ, если не героемъ, то, во всякомъ случаѣ, раздавателемъ реальныхъ благъ.

Мы наблюдали эту толпу въ мартовскіе дни 1917 г. Еще наканунѣ склонявшіеся передъ старымъ режимомъ и въ немъ искавшіе опоры, эти люди оказались сразу, безъ раздумья, безъ какихъ либо промежуточныхъ моментовъ, наиболѣе восторженными поклонниками новаго порядка вещей, точнѣе —полнаго ихъ безпорядка. Это тѣ, кто устремился въ различные комитеты, совѣты, кто также легко записывался въ партію соціалистовъ-революціонеровъ, какъ незадолго передъ этимъ могъ бы записаться и въ союзъ русскаго народа и въ партію 17-го октября, попросту говоря — глядя по обстоятельствамъ. Это тѣ, кто, не разбирая что и какъ, жертвовалъ въ фондъ политическихъ ссыльныхъ, вспоминалъ съ радостью, что на вечерѣ у такой-то дамы былъ представленъ Керенскому, кричалъ на право и на лѣво, что онъ въ родствѣ съ такимъ-то революціоннымъ генераломъ, или что онъ зналъ съ дѣтства Коновалова или Терещенко.

По отношенію къ большевикамъ эти настроенія и инстинкты паники оказались съ первой же минуты совершенно безцѣльны. Не за что было ухватиться. У большевиковъ, этихъ грабителей оптомъ и въ розницу, ворвавшихся откуда-то изъ тьмы, на все былъ одинъ отвѣтъ: отдай все и ступай къ стѣнкѣ. Пришлось поневолѣ бѣжать. То былъ такого сорта, «побѣдитель», за которымъ, при всемъ желаніи, не пойдешь, потому что прежде всего онъ самъ этого не хотѣлъ. И все-же часть людей паники ухитрилась примоститься къ большевистской колесницѣ. Правда, всего лишь на запяткахъ.

Затѣмъ началось примащиванье къ арміямъ, поведшимъ борьбу противъ большевизма. И какъ всегда, было все, что полагается по церемоніалу: волненіе при каждой побѣдѣ, преувеличенныя надежды на скорое освобожденіе Россіи, т. е. на возвращеніе хотя бы части потеряннаго въ ней имущества, возмущеніе при каждой вѣсти о но-

вомъ злодѣяніи большевиковъ, стремленіе устроиться такъ, чтобы, при первой вѣсти о полномъ крушеніи большевиковъ, не упустить своего въ добытой чужими трудами побѣдѣ.

Кончился этотъ періодъ — люди паники оказались повергнуты въ наиболѣе тяжелое состояніе: горизонтъ тусклый, будущее туманно, и, хоть не ищи, нѣтъ никого, къ кому можно было притти съ поклономъ, какъ къ побѣдителю. Люди паники стали погружаться въ состояніе апатіи. Есть усердіе, есть храмъ, но нѣтъ идола. Неужели все пропало? Люди паники стали проявлять пессимизмъ, по истинѣ, граничащій со скорбью мыслителя. По внѣшности, то была скорбь о Россіи; по существу, это была скорбь объ утраченномъ благосостояніи, котораго, повидимому, уже никогда и никакъ не вернуть.

Генуэзская конференція — прямой подарокъ для этой толпы. Совѣтско-германское соглашеніе, роль Ллойдъ Джорджа, бахвальство Чичерина, а тутъ за одно ласковый пріемъ, оказанный большевикамъ со стороны ни болѣе, ни менѣе, какъ короля Италіи — люди паники, очевидно, должны были открыть сразу всѣ свои храмы и возжечь всѣ свои кадильницы, Аписа не было, но Аписъ найденъ вновь. Какъ въ былыя времена, когда жрецы водили на показъ отысканнаго ими новаго бога, толпы стекались со всѣхъ сторонъ и бросали быку подъ ноги свои лучшія одежды. Снова обрѣтенъ Аписъ, и люди паники естественно впадаютъ въ ажитацію.

Теперь они снова знаютъ, на чемъ сосредоточить свои лучшія надежды. Кстати, они имѣютъ и коробъ самыхъ свѣжихъ новостей: рядъ заграничныхъ компаній уже раскрыли свои кошельки; милліоны, если еще и не полились, то не сегодня-завтра польются въ руки совѣтскихъ господъ; если даже считать, что Чичерины одурачили Европу, все-же надо быть справедливымъ и признать, что Чичерины — люди, надъ которыми напрасно смѣялись: эти люди знаютъ, куда ведутъ, и съумѣютъ найти дорогу...

Больно писать все это, но должны же мы, наконецъ, ближе присмотрѣться къ причинамъ нашей гибели. Вотъ эти люди паники, вотъ эта наша толпа — мало ли она сдѣлала Россіи зла въ прошломъ? Мало ли ея вины въ той глубокой смутѣ, которая разъѣдаетъ Россію сейчасъ? А сколько еще зла предстоитъ отъ этихъ людей паники въ будущемъ!

Россія — сама по себѣ, а они — сами по себѣ. Имъ даже въ голову не приходитъ, что, если бы, дѣйствительно, большевики уѣхали съ конференціи со сколько-нибудь реальной побѣдой, то такая побѣда была бы только еще однимъ камнемъ на шеѣ тонущей Россіи. Ибо въ чемъ бы могла состоять эта побѣда? Въ деньгахъ, которыя получилъ бы не народъ русскій, а аппаратъ большевистской власти, т. е. паразитъ, впившійся въ народный организмъ, приводящій народъ къ постепенному вымиранію и такимъ образомъ обрекающій Россію, какъ государство, на полное исчезновеніе. Мы ужъ не говоримъ о живомъ патріотическомъ чувствѣ,—что ужъ! гдѣ ужъ! — Но даже простой практическій разсчетъ, тотъ низменный эгоизмъ, который является источникомъ всей этой особой психологіи — не долженъ ли хотя бы только простѣйшій практическій разсчетъ надоумить, что изъ всѣхъ возможныхъ устремленій, такое устремленіе самое неразумное.

Повѣрить людямъ, которымъ объективно нельзя вѣрить, понадѣяться на режимъ, который, по самому существу своему, безнадеженъ, пойти за миражемъ, за фикціей, и для этого не только отказаться отъ всего прошлаго, отъ самого себя, но даже забыть, что есть еще и задыхающаяся отъ страданій родина — а во имя чего все это? Чтобы попытаться вернуть то, что эти люди все равно возвратить уже не могутъ, даже если бы они почему-либо захотѣли вернуть — возможно-ли большое безуміе?

Прибавимъ къ этому, что въ основѣ всѣхъ толковъ о подвигахъ Чичериныхъ кроется глубокое недоразумѣніе. Дѣлятъ Россію, смотрятъ на Россію, какъ на огромную территорію, богатую и обѣщающую сказочную наживу, но уже безхозяйную, а, слѣдовательно, доступную всякому; съ этой точки зрѣнія, чѣмъ болѣе слабы руки, въ которыхъ находится сейчасъ Россія, тѣмъ легче выбить Россію изъ этихъ рукъ. Слѣдовательно, если разговариваютъ съ Чичериными, то не пото-

му, что за Чичериными признают силу, а только потому, что знают их слабость. Не скоро вѣдь дождаться второго такого случая, а Россія — слишкомъ соблазнительная пожива, чтобы упускать представившіяся возможности.

То, что люди паники склонны считать успѣхами большевизма, является, въ дѣйствительности, только затяжкой русскаго горя и русскихъ мукъ. Ни одна копейка, сколько бы кто ни дали денегъ большевикамъ, не будетъ израсходована иначе, какъ только на самый аппаратъ власти, говоря иначе — на продленіе агоніи совѣтскаго режима. Куда-же, слѣдовательно, склоняется мысль людей паники? Къ непониманію, что всякая затяжка въ дѣлѣ умиранія большевизма является въ то-же время и затяжкой въ осуществленіи именно тѣхъ эгоистическихъ устремленій, во имя которыхъ совершается этотъ ни съ чѣмъ несообразный процессъ отказа отъ самого себя, жертвоприношенія для жертвоприношенія.

Паника — опасный совѣтчикъ, особенно —въ вопросахъ политическихъ. Не только Генуэзская, но и никакая вообще конференція, какъ и никакой Ллойдъ Джорджъ не могутъ сдѣлать неправду правдой, какъ бы о томъ они ни старались. Россія безпомощна, у нея много враговъ и завистниковъ, къ тому-же злѣйшій ея врагъ — она сама. Это вѣрно. Вѣрно и то, что на нее теперь покушаются съ разныхъ сторонъ и норовятъ взять отъ нея, что можно. Но тѣмъ яснѣе, что не большевизму вывести ее изъ ея теперешняго положенія. Большевизмъ — начало разрушительное, а не творческое. Какую поддержку ни окажите ему, онъ все съѣстъ, но ничего не создастъ. Хотя бы объ этомъ подумали люди паники раньше, чѣмъ возжигать свои курильницы.

КОНФЕРЕНЦІЯ.

До 11-го Мая представители тридцати трехъ странъ занимались, главнымъ образомъ, тѣмъ, что, затаивъ дыханіе, ждали отвѣта большевиковъ на меморандумъ. Этотъ послѣдній былъ составленъ по всѣмъ правиламъ новѣйшей дипломатіи, въ формѣ, которую нельзя назвать иначе, какъ «неультимативный ультиматумъ». Теперь есть такая форма. Она даже считается наиболѣе достигающей цѣлью и выражаетъ собой стремленіе довести до конца трудное дѣло умиротворенія Европы.

Со стороны было странно смотрѣть на эту конференцію, которая рядъ дней не знала, какъ ей быть и что съ собой дѣлать. Еще страннѣе, что люди волновались въ ожиданіи того, что, конечно, всѣмъ и каждому должно было быть извѣстно заранѣе.

Неужели даже цѣлый мѣсяцъ ближайшаго общенія съ большевиками не опредѣлилъ членамъ конференціи,что такое большевики?

Ихъ спрашивали: согласны-ли вы признать долги? Они, очевидно, не могли отвѣтить иначе, какъ сказавъ: «да, согласны, но при условіи, что вы дадите намъ денегъ». Ихъ спрашивали: «согласны ли вы признать права собственности иностранныхъ подданныхъ (о русскихъ подданныхъ считается просто неприличнымъ говорить на конференціи)». Большевики и на этотъ вопросъ, очевидно, не могли отвѣтить иначе, какъ сказавъ: «да, согласны, но при условіи, что вы дадите намъ денегъ». Какіе бы еще вопросы ни были имъ поставлены, любые, въ любомъ количествѣ, отвѣтъ все равно будетъ сводится къ тому же: «да согласны, но при условіи, что вы дадите намъ денегъ».

Все остальное — полемика. Такъ какъ большевики лучше понимаютъ свое положеніе, чѣмъ конференція понимаетъ свое, то, конечно, на полемику они не скупятся. Каждый ихъ выходъ задѣваетъ чьи-либо чувствительныя струны и, слѣдовательно, углубляетъ ту рознь между державами, на которой они строятъ свои главныя надежды.

Эта рознь — ихъ якорь спасенія. Какъ бы

въ дальнѣйшемъ ни обернулись событія, если большевики въ концѣ концовъ добьются какой-нибудь валюты, то только потому, что, во ропѣ, ни одна держава не согласна вызвать имя скорѣйшаго возстановленія мира въ Евдругой, и каждая понимаетъ, что стоитъ ей задѣваться, какъ она концовъ не соберетъ.

Не къ чему и добавлять, что первая скрипка въ рукахъ Ллойдъ Джорджа. Его компримаріи — итальянцы. Процедура установлена слѣдующая: Ллойдъ Джорджъ ведетъ мелодію, большевики даютъ аккомпаниментъ, итальянскіе министры просятъ у публики вниманія и доказываютъ, что болѣе красиваго и точнаго исполненія еще никогда и нигдѣ не было.

Для насъ, русскихъ, по истинѣ трогательная картина! Какія заботы о Россіи и какъ много у насъ истинныхъ друзей! Были моменты, которые, если помнить, что рѣчь идетъ все-же о дипломатическихъ переговорахъ, носили характеръ почти идиллическій. Когда, напримѣръ, большевики представили, наконецъ, свой отвѣтъ, итальянскіе дипломаты сначала не разобрали, въ чемъ дѣло, а потомъ испугались кое-какихъ возраженій и стали упрашивать большевиковъ проявить большую сдержанность. Большевики великодушно согласились, взяли назадъ свой отвѣтъ и нѣсколько смягчили его. Такъ, въ доброе старое время, въ гимназіяхъ на экзаменѣ учитель давалъ любимому ученику возможность исправить сдѣланныя имъ въ экзаменаціонной работѣ ошибки.

Отъ большевиковъ требовали «да» или «нѣтъ». Они отвѣтили ни «да», ни «нѣтъ», но оказалось, что, въ сущности, такъ они и должны были отвѣтить, чтобы не прекратилась возможность вести дальнѣйшіе переговоры

Отвѣтъ они «нѣтъ» — конференція должна была бы оборваться съ огромнымъ скандаломъ. Отвѣть они «да» — во первыхъ, они не были бы большевиками, во вторыхъ, это была бы побѣда Франціи, а, слѣдовательно, расползлась бы во всѣ стороны та англо-итальянско-германская истина, которая столь старательно плетется. То, что отвѣтили большевики, приводитъ поэтому сразу къ двумъ результатамъ: положеніе Франціи не облегчается, а положеніе конференціи, во всякомъ случаѣ, нестановится хуже. Конечно, она не удалась, но она и не могла удасться. Конечно, скандалъ на лицо, но къ этому скандалу уже привыкли, и двѣри закроются безъ ошеломляющаго шума.

Когда мы пишемъ эти строки, объ очень многомъ приходится говорить только гадательно. Въ такихъ сложныхъ явленіяхъ, какъ эта конференція, каждый день можетъ преподнести новый сюрпризъ. Но сущность вопроса такъ очевидна, что едва-ли мы рискуемъ ошибиться: конференція исполнила свою основную задачу — значительно осложнила общее положеніе Европы, и, у Ллойдъ Джорджа теперь большая свобода дѣйствій, чѣмъ была до конференціи. Моментъ, когда онъ можетъ приказать спустить занавѣсъ, если не со вздохомъ облегченія, то все-же съ надеждой въ дальнѣйшемъ получить отъ понесенныхъ имъ трудовъ кое-какіе выгоды.

Скучно повторять одно и то-же, но нельзя не исполнить еще разъ, что, при первой-же вѣсти о конференціи, русскіе общественные круги всѣхъ оттѣнковъ политической мысли французское въ особенности, о крайней опасности этого опыта и убѣждали отказаться отъ него. Ллойдъ Джорджу, конечно, повѣрили охотнѣе, чѣмъ русскимъ общественнымъ кругамъ, и вотъ теперь видятъ результаты!

Есть еще одна сторона, о которой небезполезно сказать нѣсколько словъ. Въ русскихъ кругахъ не мало такихъ, которые съ ужасомъ, а кое-кто — не безъ опасной раздумчивости увѣряютъ, что генуэзская конференція «укрѣпила» большевиковъ, оказала имъ «моральную поддержку». Мы держимся иного мнѣнія. Какъ разъ обратнаго. Моральной побѣдой большевизма былъ самый фактъ приглашенія ихъ на конференцію. Людей, которыхъ мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ высшаго международнаго трибунала, не только амнистировали, но возвели въ рангъ европейскихъ дипломатовъ и посадили въ красный уголъ, на переднюю лавку. Но мѣсяцъ ближайшаго знакомства приподнялъ завѣсу, и постепенно раскрылъ истинную природу большевизма. Начали однимъ, а пришли къ другому. То, что прежде было ясно только намъ, русскимъ, теперь ясно уже почти

всѣмъ. Не будь на свѣтѣ нефти, угля, рудниковъ, лѣса — вѣроятно, даже Ллойдъ Джорджъ не скрывалъ бы отъ общественнаго мнѣнія своихъ дѣйствительныхъ настроеній по отношенію къ большевикамъ. Во Франціи даже лейбъ-органъ коммунистовъ говоритъ теперь о своихъ московскихъ друзьяхъ съ нѣкоторой застѣнчивостью. Все это такія данныя, которыя менѣе всего могли бы свидѣтельствовать о« моральномъ успѣхѣ» большевиковъ.

Отъ ближайшаго съ ними знакомства они потеряли, а не выиграли. Даже наиболѣе способная къ уваженіямъ часть европейскаго общества — представители печати — и та стала смущаться и провѣрять себя. Что-же касается финансовыхъ круговъ Европы, — тамъ, сколько можно судить по идущимъ съ разныхъ сторонъ свѣдѣніямъ, установилось твердое убѣжденіе, что съ большевиковъ, можетъ быть, удастся что-либо сорвать, но дѣла, т. е. чего-нибудь солиднаго, серьезнаго съ ними не сдѣлаешь.

Мы убѣждены, что наши впечатлѣнія вполнѣ реальны. Можемъ добавить, что по извѣстіямъ, доходящимъ изъ Генуи, изъ большевистскихъ круговъ, настроенія Чичерина и Красина самыя невыселыя. Эти тузы большевизма уже видятъ, что денегъ имъ не получить, потому что имъ никто уже не вѣритъ. Этимъ, вѣроятно, объясняются многіе пассажи ихъ пресловутаго «отвѣта». Чѣмъ реальнѣе были бы ихъ надежды на отпускъ новыхъ кредитовъ, тѣмъ сдержаннѣе были бы они въ полемикѣ...

ВЪ ГЕНУѢ.

(Факты и впечатлѣнія).

Однимъ изъ средствъ воздѣйствія на французское общественное мнѣніе большевики избрали указаніе, что, если Франція не войдетъ съ ними въ соглашеніе, главной жертвой явятся мелкіе собственники, держатели русскихъ цѣнностей. Интересно знать, съ какихъ это поръ большевики стали заботиться о собственникахъ и особенно — тѣхъ мелкихъ собственникахъ, которые составляютъ главную опору буржуазнаго строя?

При всемъ цинизмѣ, ве всякимъ, казалось-бы, договоромъ можно пользоваться. Кто съ ножомъ выходитъ на большую дорогу, едва-ли вправѣ быть организаторомъ убѣжища для вдовъ и сиротъ убитыхъ имъ прохожихъ.

Большевики настолько широко пользуются этимъ своимъ доводомъ, что включаютъ его теперь во всѣ свои «дипломатическіе» акты. Хочется думать, что французское общественное мнѣніе достаточно зрѣло, чтобы не попасться на такую грубую приманку. Съ нашей точки зрѣнія тутъ только лишній разъ сказывается, какъ мало большевики уважаютъ и самихъ себя, и тѣхъ, съ кѣмъ они пытаются вести переговоры.

⁂

Роль глашатая передъ толпой представителей европейской печати, повидимому, окончательно возложена на Раковскаго. Этотъ «представитель» самостійной Украины исполняетъ свои обязанности съ чисто казацкой смѣлостью, но, къ сожалѣнію, безъ той благородной честности, безъ истиннаго рыцарства, которымъ когда-то славилось казачество.

Не моргнувъ глазомъ, онъ способенъ на заявленія, которымъ завѣдомо никто не можетъ повѣрить. Его основной мотивъ — благоденствіе Россіи подъ совѣтскимъ управленіемъ и «твердая вѣра» въ то, что большевизмъ держится сознательной волей народа. Представители европейской печати смѣются въ отвѣтъ, но онъ пренебрежительно заявляетъ имъ: «позвольте, господа, но я васъ собралъ не для спора съ вами, а чтобы сообщить вамъ нашу точку зрѣнія».

Какъ будто завѣдомая неправда можетъ для кого-нибудь, включая сюда и большевиковъ, служить «точкой зрѣнія».

⁂

Въ томъ-же порядкѣ «точки зрѣнія» Раковскій заявилъ, что конференція, переговоры, стремленіе установить соглашеніе съ совѣтской Россіей есть ничто иное, какъ взаимная амнистія. Это значитъ, что Европа простила большевикамъ все неисчислимое количество содѣянныхъ ими преступленій, а большевики простили Европѣ то обстоятельство, что до сихъ поръ она не послѣдовала за ними и еще не совершила всѣхъ этихъ преступленій.

Остается спросить у Раковскаго: въ какую сумму новыхъ кредитовъ оцѣниваетъ онъ то великодушіе, съ какимъ большевизмъ пошелъ на такого рода «амнистію?»

Газеты передаютъ, что, въ отвѣтъ на это его заявленіе, представители печати не могли скрыть своего негодованія. Но удивишь-ли большевика негодованіемъ? Раковскій скрестилъ руки на груди, какъ Наполеонъ, и отчеканилъ: «да, я это утверждаю!»

Жаль, что въ эту минуту въ залѣ не было кинематографическаго аппарата. Вышла-бы недурная фильма, которая могла-бы быть озаглавлена: «Къ біографіи Ллойдъ Джорджа».

⁂

Много говорятъ о сепаратныхъ соглашеніяхъ большевиковъ съ голландскими капиталистами. Едва-ли, конечно, эти соглашенія не являются просто еще одной выдумкой большевиковъ. Голландцы — отличные коммерсанты и, какъ таковые, очертя голову въ омутъ не бросятся. Если они и пойдутъ на какія-либо комбинаціи, то скорѣе всего черезъ посредство нѣмцевъ, чтобы имѣть на векселѣ болѣе надежную подпись, и ужъ никогда не пойдутъ безъ того, чтобы выгода сдѣлки была всецѣло на ихъ сторонѣ.

Большевики подчеркиваютъ эти свои соглашенія съ голландцами, какъ извѣстную побѣду. Но побѣду чего? Не принциповъ, надѣемся, такъ какъ трудно найти народъ болѣе буржуазно настроенный, чѣмъ голландцы. Наивно также думать, что «побѣда» эта имѣла для совѣтской Россіи экономическое значеніе. Скорѣе наоборотъ: голландскія деньги не легкія деньги, а, слѣдовательно, слѣдствіемъ ихъ работы будетъ лишь дальнѣйшее раззореніе Россіи, какъ страны.

Такимъ образомъ, мы думаемъ, что во-первыхъ, и соглашеній-то никакихъ нѣтъ, а во-вторыхъ, что, если что и сдѣлано, то это не новая «побѣда», а еще одно и, можетъ быть, довольно серьезное пораженіе.

⁂

Въ «отвѣтѣ» большевиковъ на меморандумъ есть мѣсто, которое не должно пройти незамѣченнымъ. Это тамъ, гдѣ они напоминаютъ, что въ числѣ державъ, подписавшихъ меморандумъ, есть такіе, которые также никогда не платили долговъ и также практиковали конфискацію частныхъ имуществъ.

Это напоминаетъ отвѣтъ базарной торговки гдѣ-нибудь въ Прилукахъ, или въ Перещенѣ: «и дѣдъ твой былъ воръ, и пробабка твоя на паперти стояла». Для дипломатическаго документа не мѣшало-бы нѣсколько болѣе уточнить такого рода заявленіе, разъ уже признано необходимымъ его сдѣлать. Надо было-бы указать, когда, какъ и при какихъ обстоятельствахъ, что дѣлалось. Тогда сразу было-бы видно, что въ исторіи Европы не было ни одного момента, сколько либо похожаго на большевизмъ и даже не было момента, когда тотъ или иной актъ, совершаемый какимъ-нибудь правительствомъ, диктовался-бы побужденіями, аналогичными побужденіями большевиковъ.

Будь это указано, весь доводъ большевиковъ сразу обратился-бы въ пустое мѣсто. Впрочемъ, у нихъ на все одинъ и тотъ-же отвѣтъ: «мы не споры ведемъ, а лишь устанавливаемъ нашу точку зрѣнія».

ПЕРЕДЪ НОВОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ КАТАСТРОФОЙ.

Событія,происходящія на Генуэзской конференціи,заставляющія ея творцовъ и сознательныхъ участниковъ странной и позорной игры постепенно раскрывать свои карты, сорвали повязку съ глазъ тѣхъ, которые умышленно не хотѣли или не умѣли посмотрѣть открытыми глазами на вновь назрѣвающую міровую драму и понять, что все теперь выясняющееся было подготовлено давно и является логическимъ слѣдствіемъ всего предыдущаго.

Чтобы вполнѣ уяснить себѣ смыслъ происходящихъ событій необходимо нѣсколько оглянуться назадъ.

Если не ошибаюсь, въ мартѣ или апрѣлѣ 1921 года, я послалъ, при своемъ письмѣ, на имя маршала Фоша записку, изъ которой позволю себѣ привести нѣкоторыя выдержки:

«Въ устройствѣ революціи въ Россіи во время войны — Германія, черезъ своихъ агентовъ, принимала несомнѣнное участіе.

Чтобы окончательно разложить русскую армію и добиться сепаратнаго мира съ Россіей, Германія отправила въ Россію своихъ агентовъ Ленина и К-о и способствовала установленію въ Россіи совѣтской власти, съ которой и заключила Брестскій договоръ.....»

«Въ 1918 году, Германія, устраивая себѣ продовольственную базу на югѣ Россіи, для продолженія борьбы на своемъ западномъ фронтѣ, установила порядокъ въ Крыму и на Украинѣ, и создала самостоятельную Украину съ гетманомъ во главѣ.

Совѣтское правительство, направляемое графомъ Мирбахомъ, безпрекословно исполняло всѣ указанія Германіи.

Въ этотъ періодъ у Германіи было предположеніе установить порядокъ и въ Великороссіи, ликвидировавъ совѣтское правительство.

Но для Германіи необходима была увѣренность, что правительство, которое замѣнитъ совѣтское, признаетъ Брестъ-Литовскій договоръ и не будетъ ей враждебно.

Часть русской интеллигенціи и русскихъ общественныхъ дѣятелей (въ томъ числѣ и бывшій министръ иностранныхъ Дѣлъ временнаго правительства.— Милюковъ) склонялись на соглашеніе съ Германіей — лишь бы освободить Россію отъ совѣтскаго правительства.

Но другая, большая часть русской интеллигенціи и общественныхъ дѣятелей, а главное русская Добровольческая армія, категорически высказались противъ допустимости идти на соглашеніе съ Германіей и стать предателями по отношенію своихъ союзниковъ.

Германское командованіе, черезъ своихъ агентовъ на Украинѣ, заигрывало съ командованіемъ Добровольческой арміи, давая понять, что оно поможетъ свергнуть совѣтскую власть; командованіе Добровольческой арміи, несмотря на очень трудное положеніе, ни въ какое общеніе съ германскимъ командованіемъ не вступало».

«Послѣ пораженія Германіи на западномъ фронтѣ, она, руководя дѣйствіями совѣтской власти, переноситъ борьбу съ союзниками, а главнымъ образомъ съ Англіей (съ послѣдней путемъ пропаганды на Востокѣ и дѣйствіями на Кавказѣ и въ Туркестанѣ), на территорію Россіи.

Германіи, для проведенія въ жизнь ея задачъ, мѣшали больше всего Добровольческая армія и Польша.

Помогая совѣтской власти инструкторами и налаженнымъ органомъ пропаганды. Германія способствовала пораженію русскихъ противобольшевистскихъ силъ и одинъ разъ смертельная опасность уже угрожала Польшѣ....»

«По отношенію къ Германіи, не желающей въ полной степени удовлетворить требованія Антанты по выполненію Версальскаго договора, приняты карательно-предупредительныя мѣры. Германія не можетъ свободно пользоваться продуктами Рурскаго бассейна, находится подъ угрозой не получить угольно-промышленные районы Силезіи, ея товары на западныхъ рынкахъ будутъ облагаться пошлиной въ размѣрѣ 50 о/о стоимости.

Германія ищетъ выхода; ей нужно получить рынокъ для своихъ товаровъ и ей нужно

подготовить, гдѣ-то, необходимые для арміи боевые запасы и вооруженіе.

Обѣ эти цѣли Германія достигнетъ, если добьется полнаго соглашенія съ Россіей.

Проникающія въ печать извѣстія уже говорятъ о торговомъ договорѣ Германіи съ совѣтскимъ правительствомъ и о переговорахъ Круппа съ тѣмъ-же правительствомъ, касающихся передачи въ его вѣдѣніе Путиловскаго и Охтенскаго заводовъ около Петрограда.

Для проведенія въ жизнь этого плана Германія должна добиться установленія порядка въ Россіи, для чего, естественно, должна быть въ корнѣ измѣнена вся внутренняя политика совѣтскаго правительства.

Но, на ближайшій періодъ, сохраненіе у власти теперяшняго совѣтскаго правительства для Германіи необходимо, такъ какъ ей, можетъ быть скоро, понадобится установить непосредственную территоріальную связь съ Россіей. Съ мѣшающей Польшей Германія сама сдѣлать ничего не можетъ и это будетъ сдѣлано черезъ совѣтское правительство, руками Россіи.

Борьба Германіи съ Антантой приняла новый фазисъ и будетъ продолжаться на территоріи Россіи и Польши».

«Въ это-же время и когда вся Россія покрыта очагами возстанія противъ совѣтской власти, Англія спѣшитъ заключить съ нѣмецкими агентами, сидящими въ Москвѣ, торговый договоръ.

Конечно не краденное золото прельщаетъ Ллойдъ Джорджа, а имъ руководитъ страхъ за Индію, страхъ, что большевистская пропаганда можетъ зажечь пожаръ на Востокѣ......»

«То-же что теперь происходитъ озлобляетъ всѣхъ русскихъ людей и толкаетъ Россію въ объятія Германіи.

Идя по этому пути Англія можетъ добиться совершенно противоположныхъ результатовъ.

Если планъ похода на Индію Наполеона I былъ, въ его время, только мечтой, то теперь, при союзѣ Германіи съ Россіей, онъ можетъ стать реальной дѣйствительностью.......»

Какъ ни отрывочны были свѣдѣнія поступавшія изъ Россіи за истекшій годъ, но, все-же, съ полной очевидностью выяснилось, что работа Германіи въ Россіи не прекращалась, а продолжалась и продолжается по вполнѣ опредѣленному и систематически проводимому плану.

Россія покрыта сѣтью германскихъ агентурныхъ бюро, которыя, когда будетъ нужно, превратятся въ консульства.

Въ большевистскомъ совѣтѣ народныхъ комиссаровъ имѣются германскіе агенты.

На многихъ русскихъ заводахъ, особенно, приготовляющихъ военные предметы появились германскіе техники и рабочіе.

Въ печати проскользнулъ слухъ, подтвержденный затѣмъ свѣдѣніями полученными непосредственно изъ Россіи, что на Тульскомъ ружейномъ заводѣ начали исправлять старыя и изготовлять новыя германскія винтовки.

Оффиціально объявленное соглашеніе, подписанное въ Рапалло представителями германскаго и совѣтскаго правительства, какъ и слѣдовало ожидать, не обнимаетъ собой всего соглашенія, заключеннаго Германіей съ большевиками.

Специальный корреспондентъ « Daily Mail» приводитъ пять секретныхъ пунктовъ договора, которые не были опубликованы.

Изъ нихъ для Европы особенно существенны послѣдніе два пункта:

По пункту четвертому Германія обязуется не пропускать черезъ свою территорію военныхъ матеріаловъ въ Польшу, Румынію, Эстонію « ou de tout autre État Successeur », т. е., надо понимать, во всѣ тѣ государства малой Антанты и новыя государственныя образованія на территоріи Россіи, которыя могутъ явиться врагами совѣтскаго правительства, или на территоріи коихъ возможно формированіе противобольшевистскихъ силъ.

По пункту пятому большевики предоставляютъ Круппу изготовленіе орудій и предметовъ боевого снабженія арміи въ нѣкоторыхъ раіонахъ Россіи, а именно около Перми, Луганска и Тамбова.

Конечно, Германія и большевики будутъ отрицать, что имѣется это секретное соглашеніе. Но Европа и Америка должны понять, что если такое соглашеніе оффиціально и не

подписано, то оно фактически существуетъ и, конечно, уже проводится въ жизнь.

Планъ Германіи ясенъ.

Находясь подъ строгимъ контролемъ Франціи, Германія не можетъ на своей территоріи приготовить орудія, винтовки и боевые припасы, которые дали-бы ей возможность должнымъ образомъ возстановить боевую мощь своей арміи.

Большевистская Россія должна обратиться въ глубокій тылъ и базу для Германіи, гдѣ, на русскихъ заводахъ, агентами Круппа, будетъ приготовлено для германской арміи все что нужно.

Когда наступитъ нужный моментъ большевистская армія, руководимая германскими инструкторами, смететъ польскую армію и возстановитъ непосредственную связь съ Германіи съ ея базой.

Послѣ этого наступитъ второй періодъ — періодъ борьбы не на жизнь, а на смерть между Германіей и Франціей.

Мѣры къ тому, чтобы Франція осталась изолированной и не получила поддержки со стороны Англіи и Италіи, Германіей принимаются. Съ увѣренностью можно сказать, что къ этому періоду обострятся вопросы въ Ирландіи и въ Индіи, дабы, если Британское правительство искренно захочетъ помочь Франціи, оно оказалось въ положеніи, при которомъ было-бы лишено возможности это сдѣлать.

Въ случаѣ побѣды Германіи наступитъ третій періодъ — періодъ борьбы съ Англіей.

Германія, совмѣстно съ большевистской Россіей, нанесетъ смертельный ударъ Великобританіи въ Индіи.

Великобританіи не слѣдуетъ забывать, что Германія никогда не проститъ ей лишенія флота и колоній, и что исторія иногда повторяется: прошла первая Пуническая война и идетъ подготовка ко второй, и каждый германецъ думаетъ о томъ, что «Карѳагенъ долженъ быть разрушенъ» —

Чтобы сохранить миръ въ Европѣ, нарушеніе котораго повлечетъ за собой новый міровой пожаръ, необходимо немедленно принять мѣры для сверженія большевистской власти.

Если это не будетъ сдѣлано — многія страны Европы будутъ превращены въ груды развалинъ и большевизмъ будетъ реально угрожать всему міру.

Наступающая опасность не плодъ досужей фантазіи, а реальный фактъ.

Пока не поздно подумайте объ этомъ тѣ, отъ которыхъ зависитъ судьба, какъ ихъ странъ, такъ и всего міра.

А. Лукомскій.

ЗА СТѢНОЙ.

(Отъ нашего спеціальнаго корреспондента).

Утомленный впечатлѣніями дня, я рано вернулся домой, быстро раздѣлся и легъ спать. Увы! У насъ, въ Раппалло, не то, что въ Генуѣ, — стѣны тонкія. Только я вздремнулъ, разговоръ за стѣной, въ комнатѣ Красина, сдѣлался настолько оживленнымъ и принялъ такое направленіе, что, очевидно, я уже заснуть не могъ.

По голосамъ я узналъ Красина, Радека, одного изъ итальянскихъ министровъ и кого-то изъ нѣмцевъ. Разговоръ шелъ, какъ понятно само собой, о русскихъ дѣлахъ.

— Денегъ — настойчиво говорилъ Красинъ. — Все остальное потомъ, а сейчасъ — денегъ. Согласитесь, мы не дѣти...

— Но платить-то вы будете? — спрашивалъ итальянецъ. — Хоть немного? Подумайте!

— И думать нечего: не будемъ.

— Кто-же дастъ на такихъ условіяхъ?

— Должны дать. Если бы мы брали съ тѣмъ, чтобы потомъ уплатить—зачѣмъ тогда конференція? — спокойно заявилъ Радекъ.

Въ споръ вмѣшался нѣмецъ.

— Такъ, господа, мы никогда не кончимъ, —сказалъ онъ.— Дипломатія — одно, жизнь —другое. Въ дипломатіи далеко не всѣ вопросы ставятся такъ остро, какъ въ обыденной жизни. Деньги, конечно, должны быть даны; что-же касается платежа, то надо сдѣлать такъ: учреждается международная комиссія для завѣдыванія этимъ долгомъ. комиссія эта пишетъ меморандумы. должникъ отвѣчаетъ, въ свою очередь, меморандумами, а затѣмъ, въ виду непоступленія платежей, создается особая высшая комиссія...

— Нѣтъ. — воскликнулъ Красинъ. — Все равно. пусть самая наивысшая комиссія. мы платить не будемъ...

— И не надо платить! — продолжалъ нѣмецъ. — Эта высшая комиссія, произведя всестороннее обслѣдованіе вопроса, придетъ къ выводу, что заплатить вы можете только при условіи, что вамъ дадутъ еще денегъ. Вы, конечно, получаете ихъ, а, слѣдовательно, опять вступаетъ въ исполненіе обязанностей комиссія для завѣдыванія вашимъ долгомъ и опять она пишетъ меморандумы...

— Да, но войдите въ мое положеніе! — взмолился итальянскій министръ, — я не то, чтобы ручался за васъ, но, во всякомъ случаѣ, я обѣщалъ Ллойдъ Джорджу..

— Извините, — прервалъ его Радекъ. — Мы вамъ дѣло говоримъ, а вы — о Ллойдъ Джорджѣ. Этотъ милый человѣкъ уже совершилъ свой кругъ. Онъ былъ убѣжденъ, что обернетъ насъ вокругъ пальца. Ничего! Пусть самъ теперь повертится.

Товарищъ Красинъ ставитъ вопросъ просто и ясно: денегъ!

Итальянецъ, повидимому, палъ духомъ.

— Въ такомъ случаѣ. — сказалъ онъ. — вы хоть признайте старые долги.

— Да мы признаемъ ихъ! — не скрывая досады, сказалъ на это Красинъ. — Вотъ, дѣйствительно, пристали! Но добавляемъ: признаніе не есть платежъ, а кромѣ того, какъ было сказано нами неоднократно, дѣлаемъ рядъ оговорокъ.

— Нельзя-ли безъ оговорокъ?

— Никакъ нельзя, потому что, при всѣхъ условіяхъ, послѣднее слово должно быть за нами...

— Но отчего бы вамъ, хотя бы для вида, не сдѣлать небольшой уступки? Напримѣръ, такъ: вы дѣлаете первый взносъ изъ полученныхъ новыхъ кредитовъ и тутъ-же просите объ увеличеніи кредитовъ...

Красинъ въ отвѣтъ весело разсмѣялся.

— Не искушай меня безъ нужды! — воскликнулъ онъ. — Какъ итальянецъ, вы остаетесь вѣрны своему Маккіавели. Нѣтъ, господинъ хорошій, бросьте вы эти подвохи. Мы — люди русскіе, прямой, открытый народъ. У насъ все на чистоту: денегъ, немедленно, наличными и безъ отдачи!

— Не дадутъ! — почти простоналъ итальянецъ и тутъ-же съ глубокимъ вздохомъ добавилъ: — Пропала конференція!

— Дадутъ. — увѣренно заявилъ Радекъ.

— Не дастъ конференція, дастъ Америка, Голландія. Не дадутъ намъ, дадутъ черезъ посредство нашихъ друзей. Не такъ-ли, нѣмецъ?

Нѣмецъ что-то сказалъ, чего я не слышалъ, но что, видимо, обрадовало Радека, потому что раздался его густой смѣхъ. Кто-то быстро, нервными шагами, заходилъ по комнатѣ. Должно быть, итальянецъ, страдавшій при мысли, что конференція катится въ бездонную пропасть.

— Ну, хорошо, — сказалъ онъ, — а насчетъ собственности? Мы сдѣлали, что могли, обратили собственность въ несобственность, но какія будутъ уступки съ вашей стороны?

— Не понимаю, — сказалъ Красинъ. — Мы вѣдь заявили: ваша несобственная собственность до извѣстной степени приближается къ нашей собственной несобственности, слѣдовательно, мы считаемъ, что база для дальнѣйшихъ переговоровъ установлена. Чего-же еще?

— Да, база!—ворчливо отвѣтилъ итальянецъ. — знаемъ мы эти базы! Вамъ — база, а у насъ на шеѣ Антанта, разсчеты по войнѣ, настоянія со стороны Англіи, упорство Франціи... Какія тутъ еще дальнѣйшіе переговоры!

— Тогда одно: денегъ! — спокойно отвѣтилъ Красинъ.

Опять въ споръ вмѣшался нѣмецъ.

— Дѣйствительно. — сказалъ онъ. — если мы не опредѣлимъ точно, о чемъ собственно говоримъ, мы никогда не договорим-

ся до дѣла. Въ чемъ, собственно, центръ вопроса? Въ деньгахъ. Слѣдовательно, прежде всего выяснимъ, можно или нельзя разсчитывать на полученіе денегъ?

— Правильно! — подтвердилъ Радекъ.

— Добавляю, — сказалъ Красинъ. — на полученіе денегъ, на полученіе приличной суммы и на полученіе ея безъ отдачи...

— Хорошо, — сказалъ итальянецъ. — Но разъ вамъ гарантируютъ деньги, вы, съ своей стороны, прекращаете всѣ эти базы, непризнанія, оговорки и т. под.? Тогда, слѣдовательно, съ вашей стороны, уже нѣтъ никакихъ новыхъ исторій?

— Никакихъ! — воскликнулъ Красинъ.

— И насчетъ несобственной собственности?

— И насчетъ собственной несобственности, — сказалъ Красинъ.

Итальянецъ, должно быть, подпрыгнулъ, потому что на столѣ зазвенѣли стаканы.

— Опять? — крикнулъ онъ, очевидно, уже теряя терпѣнье. — Значитъ, вы остаетесь на своемъ?

— Какъ и вы на своемъ, — отвѣтилъ Красинъ. — Я вижу, — прибавилъ онъ холодно и зло, — что по вашему мнѣнію, наши принципы продаются съ публичнаго торга.

— Да вѣдь не принципы, а слова! — взмолился итальянецъ. — Одни слова! Подумайте, изъ-за какихъ-то словъ гибнетъ такая прекрасная конференція.

— По вашей винѣ, — сказалъ на это Радекъ. — Мы вамъ отдаемъ то, что считаемъ нашимъ, стало быть, свое вы получаете, охота-же вамъ биться изъ-за словъ! А для насъ эти слова — нашъ щитъ...

— Отдаете, что считаете нашимъ! — съ нескрываемой горечью возразилъ итальянецъ. — Знаю, каково это вы считаете. Съ вами по міру пойдешь! И долговъ не признаете, и денегъ требуете, и собственность присваиваете — чортъ съ ней въ такомъ случаѣ, съ этой вашей конференціей!

— Не съ нашей, а съ вашей, — поправилъ его Красинъ.

Было уже поздно и, хотя разговоръ увлекалъ меня своимъ животрепещущимъ интересомъ, но мнѣ было уже трудно бороться со сномъ. Сколько я спалъ — не знаю, но вдругъ я проснулся отъ крика и, какъ мнѣ показалось, отъ удара кулакомъ по столу. Съ просонокъ я вообразилъ, что за стѣной Ллойдъ Джорджъ, который будто-бы ведетъ дружескую бесѣду съ Барту. Но я узналъ голосъ Красина, который кричалъ:

— Денегъ, денегъ и немедленно, и наличными!

А въ отвѣтъ ему робкое заявленіе итальянца:

— Хорошо, но все-таки платить-то вы будете?

Я натянулъ на голову одѣяло, рѣшивъ, что все равно я больше не услышу ничего интереснаго...

БЕССАРАБІЯ ВЪ ГЕНУѢ И ВНѢ ГЕНУИ.

Въ послѣднее время французская печать вновь заговорила о Бессарабіи, доказывая права румынъ на эту русскую область права, основанныя, по ихъ мнѣнію, не только на международномъ договорѣ ноября 1920 года, но еще и на лживо выдвигаемомъ желаніи населенія присоединить Бессарабію къ Румынскому Королевству.

Возвращеніе къ бессарабскому вопросу было, конечно, вызвано заявленіями, сдѣланными въ Генуѣ Чичеринымъ и прочей компаніей большевиковъ.

Даже среди русскихъ правыхъ круговъ неоднократно приходилось слышать по этому поводу одобрительные отзывы о «молодцахъ» большевикахъ и о правотѣ ихъ требованій: ими была задѣта струна русскаго національнаго достоинства, и она болѣзненно зазвучала. Какъ-бы это понятно ни было, намъ, однако, не слѣдуетъ поддаваться болѣзненнымъ чувствамъ, забывая здравый смыслъ и дѣйствительное положеніе вещей. Намъ надо твердо помнить, что ни Чичеринъ, ни всѣ вмѣстѣ взятые большевики не имѣютъ ни ма-

лѣйшаго права дѣлать какія-бы то ни было заявленія о правахъ Россіи, которой они не представляютъ.

Мы должны твердо себѣ усвоить, что большевики, какъ таковые, никогда въ нашихъ глазахъ не могутъ быть правы и что всѣ безъ исключенія требованія ихъ и заявленія для насъ ничтожны, т. к. стремятся они къ торжеству лозунговъ 3-го Интернаціонала и царству коммунизма, т. е. къ полному разоренію и одичанію всѣхъ тѣхъ территорій и странъ, которыя попадутъ въ ихъ когти.

Требованіе большевиковъ отдать Бессарабію имъ, именно имъ, а не Россіи, для насъ равносильно требованію папуасовъ-людоѣдовъ, если-бы они съ таковымъ обратились въ Генуэзскую конференцію и заявили-бы о предоставленіи имъ Бессарабіи во временное владѣніе на томъ основаніи, что Румынія захватила ее незаконно.

Какъ-бы въ настоящее время ни было ужасно положеніе бессарабскаго населенія, оно, однако, неминуемо сдѣлалось-бы еще хуже подъ властью большевиковъ.

Дѣйствительно, при существующихъ условіяхъ румынскаго владычества, все населеніе Бессарабіи, глубоко русское по своимъ традиціямъ и чувствамъ, претерпѣваетъ ужасныя испытанія.

Привыкши къ культурнымъ порядкамъ, къ справедливости и дѣйствительной свободѣ, упорно и послѣдовательно насаждавшимся русскимъ правительствомъ, населеніе Бессарабіи, неожиданно для самаго себя, оказалось вдругъ перенесеннымъ на два или три столѣтія назадъ, туда, гдѣ царствуетъ исключительно грубая сила, гдѣ нѣтъ понятія о справедливости, гдѣ дѣйствуютъ допотопныя судебныя установленія и гдѣ понятіе о правахъ собственности весьма шатко. Къ этому слѣдуетъ прибавить укоренившееся взяточничество судебнаго и административнаго персонала и упорное преслѣдованіе всего, хотя-бы издали, напоминающаго Россію и русскіе порядки.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ подробно останавливаться на примѣрахъ варварскаго управленія Бессарабіей румынами. Для этого мы отсылаемъ къ изданіямъ бессарабской Делегаціи и къ имѣющимся въ ея рукахъ даннымъ, здѣсь-же освѣдомимъ русскихъ читателей о томъ, что, согласно трактату, по которому Бессарабія была подарена въ 1920 году Антантой Румыніи, выговорены особыя права для меньшинствъ, въ цѣляхъ обезпеченія за ними возможности своего культурно- національнаго развитія; какъ напр. открытія своихъ школъ, права на свободное исповѣданіе вѣры и т. п.

Къ таковымъ меньшинствамъ причисляются русскіе, малороссы, армяне, нѣмцы, болгары и евреи и естественно всѣ тѣ, кто самъ себя причисляетъ къ одному изъ меньшинствъ. А такъ какъ всѣ крестьяне, именуемые молдаванами, считаютъ себя русскими, то въ Бессарабіи все населеніе состоитъ только изъ меньшинствъ и имѣетъ право пользоваться преимуществами, даваемыми имъ трактатомъ.

Румынское Правительство и его администрація, не опасаясь контроля и увѣренныя въ безучастномъ отношеніи къ правамъ бессарабскихъ меньшинствъ со стороны державъ, подписавшихъ трактатъ (Англія, Италія, Франція и Японія) игнорируютъ всѣ обязательства, налагаемыя на нихъ договоромъ и касающіяся правъ меньшинствъ, иначе говоря, правъ всего населенія Бессарабіи и третируютъ этотъ край, какъ страну, завоеванную силой оружія.

По этому поводу бессарабской делегаціей возбуждено дѣло въ Лигѣ Націй и, по имѣющимся свѣдѣніямъ, совѣтъ Лиги Націй обратилъ уже вниманіе на грубое нарушеніе Румыніей парижскаго трактата 1920 года.

По всей вѣроятности, вопросъ объ этомъ будетъ поднятъ въ ближайшую сессію совѣта Лиги Націй т. е. въ маѣ мѣсяцѣ с. г.

Основательность жалобы бессарабской делегаціи получила случайное подкрѣпленіе въ томъ обстоятельствѣ, что Венгерское Правительство возбудило, почти одновременно съ бессарабской делегаціей, однородное ходатайство, требуя защиты правъ венгерскаго меньшинства въ Трансильваніи, попираемыхъ румынами, въ разрѣзъ со статьями аналогичнаго съ бессарабскимъ договора, отдающаго Трансильванію Румыніи. Но надо помнить, что, Венгры имѣютъ за собой законное венгерское правительство — преимущество, ко-

тораго лишены, вмѣстѣ со всѣми нами, три милліона русскихъ бессарабцевъ, проходящихъ чрезъ воистину великія испытанія.

Но всему бываетъ конецъ, и мы ничуть не сомнѣваемся, что Бессарабіи суждено счастье вновь стать россійской областью.

Видимо и сами румыны мало въ этомъ сомнѣваются, т. к. иначе нельзя было бы объяснить того систематическаго грабежа, которому подвергается Бессарабія со стороны румынскихъ военныхъ и гражданскихъ властей: Всѣ запасы, какого бы свойства они ни были, давно перевезены въ Румынію; въ Бессарабіи, напримѣръ, не осталось ни однаго частнаго или общественнаго телефоннаго аппарата: весь желѣзнодорожный подвижной составъ также перекочевалъ въ Румынію; введена государственная монополія на торговлю зерномъ, пріобрѣтаемымъ правительствомъ по баснословно дешевымъ, но обязательнымъ цѣнамъ.

Въ настоящее время правительство занялось хищнической вырубкой всѣхъ частныхъ лѣсовъ, объявленныхъ государственнымъ достояніемъ въ одной лишь Бессарабіи, т. к. во всей коренной Румыніи лѣса оставлены въ частной собственности.

Излишне говорить, что правительство не уплатило ни копѣйки ни за отнятые лѣса, ни за отчужденныя пахотныя земли.

Словомъ грабежъ идетъ сплошной. Еще одно наслѣдіе тѣхъ «новыхъ культурныхъ путей», которые были возглашены дѣятелями, вродѣ Ллойдъ Джорджа.

А. Крупенскій.

АНКЕТНАЯ КОМИССІЯ.

Это, конечно, очень счастливая мысль. Но она не нова. О ней говорили еще тогда, когда, задолго до зарожденія проекта конференціи, большевики дѣлали первыя попытки подобраться къ иностранной валютѣ. Тогда, однако, большевики, подъ разными предлогами, отклоняли мысль о пріѣздѣ къ нимъ знатныхъ иностранцевъ. Помнится, они подняли не малый шумъ, когда прослышали, что во главѣ комиссіи Франція имѣетъ въ виду поставить бывшаго посла Нулленса. Зачѣмъ анкетная комиссія? — кричали они тогда. У насъ, — говорили они, — имѣются свои знатные иностранцы, Садуль, Маршанъ, на что ужъ, кажется, достовѣрные лжесвидѣтели, зачѣмъ допускать еще и другихъ?

Одно развѣ: не стоило созывать конференцію, поднимать такой шумъ, подвергать и безъ того неустойчивое положеніе Европы такимъ серьезнымъ испытаніямъ, чтобы кончить тѣмъ, съ чего, конечно, слѣдовало начать. Рѣчь вѣдь идетъ объ отпускѣ кредитовъ въ распоряженіе людей, которые объективно доказали, что ни одному ихъ слову нельзя вѣрить. Это тѣ самые, кто довелъ громадную и богатую страну до полнаго экономическаго и финансоваго краха. Это — люди, способные, глядя прямо въ глаза, утверждать, что, если имъ дадутъ денегъ, то они заплатятъ долги, что соглашеніе съ Германіей заключено ими не въ цѣляхъ подготовленія войны, что ихъ бюджетъ на семь восьмыхъ покрывается обыкновенными налогами и т. д., и т. д. Съ такими людьми, очевидно, нельзя имѣть дѣло иначе, какъ собравъ предварительно необходимыя свѣдѣнія.

Ллойдъ Джорджъ, однако, поступилъ иначе. Онъ собралъ міровую конференцію, положившись на добросовѣстность большевиковъ (мы не хотимъ сказать, конечно, что онъ вѣрилъ въ ихъ добросовѣстность), и вотъ теперь именно Ллойдъ Джорджу приписываютъ мысль объ этой анкетной комиссіи.

Оригинальное время мы переживаемъ. Жуткое, нелѣпое, такое, гдѣ что ни день, то новые узлы! Но все равно. Будемъ говорить только объ анкетной комиссіи. Такъ умно, что рано или поздно, но все-же дѣлается предложеніе, имѣющее хотя-бы подобіе чего-то реальнаго, во всякомъ случаѣ — благоразумнаго. Вопросъ, съ нашей точки зрѣнія, теперь въ томъ, съумѣютъ-ли правильно на-

мѣтить основныя задачи этой комиссiи и выработать ей необходимую программу.

Съ своей стороны, мы готовы поспѣшить ей на помощь. Конечно, въ первую голову вопросъ о земледѣлiи. Осуществлено завѣтное желанiе всѣхъ тѣхъ, кто на темныхъ инстинктахъ крестьянской массы строилъ мостъ къ достиженiю власти — искорененъ помѣщикъ и помѣщичья земля отдана крестьянамъ. Насколько-же отъ этого преуспѣло земледѣлiе, развилось скотоводство, поднялось благосостоянiе крестьянства, а, слѣдовательно, и всей страны? Затѣмъ — промышленность. Искорененъ фабрикантъ и заводчикъ, сметены банки, кредитованiя, промышленность, осуществлена полностью программа, разработанная вождями соцiализма — въ какомъ-же положенiи находится теперь промышленность и до какой степени благосостоянiя доведенъ главный герой соцiальной революцiи, русскiй рабочiй? Третьимъ вопросомъ, не менѣе, съ нашей точки зрѣнiя, главнымъ, ставимъ образованiе. Казенная наука искоренена, чиновниковъ по ученой части больше нѣтъ, свободные граждане обучаютъ свободныхъ гражданъ той наукѣ или точнѣе — такой наукѣ, которая одна лишь и достойна истинно свободной страны — что-же, каковы полученные результаты, каково развитiе просвѣщенiя, до какихъ высотъ дошла школа?

Затѣмъ мы бы намѣтили рядъ болѣе частныхъ вопросовъ: въ какомъ положенiи общественная нравственность? Какъ поставлено дѣло воспитанiя дѣтей дошкольнаго возроста? Что сдѣлано для распространенiя культурныхъ началъ въ широкихъ массахъ населенiя?

Мы, конечно, ясно понимаемъ, что всѣ эти вопросы, какъ впрочемъ, и вообще всякiе вопросы, которые мы бы поставили большевистскому режиму, звучать злой насмѣшкой. Но въ этомъ-то и заключается отвѣтъ на эти вопросы. Они такъ элементарны, такъ, казалось-бы, естественно задать ихъ, а между тѣмъ самый фактъ постановки ихъ является ничѣмъ инымъ, какъ издѣвательствомъ.

При такихъ условiяхъ, какова будетъ дѣйствительная роль анкетной комиссiи? Что въ состоянiи она установить? Догадываемся: 1) есть-ли возможность немедленно-же вывезти изъ Россiи тѣ натуральныя ея богатства, которыя еще остались, какъ-то: ковры, картины, старинный фарфоръ, мебель, золото и серебро въ издѣлiяхъ и церковной утвари, драгоцѣнные камни? 2) Дѣйствительно-ли, есть возможность приписывать къ фабрикамъ и заводамъ окрестныя деревни и такимъ образомъ возстановить крѣпостной трудъ? 3) Правда-ли, что красная армiя настолько голодаетъ и находится въ столь жалкомъ состоянiи, что большевистскiя бравады на военныя темы могутъ быть оставлены безъ дальнѣйшаго вниманiя? 4) Дѣйствительно-ли, апатiя общественныхъ круговъ и невѣжество народныхъ массъ такъ безграничны, что мож[н]о рискнуть иностраннымъ капиталомъ безъ опасенiя, что въ непродолжительномъ-же времени придется считаться съ дѣйствительнымъ возрожденiемъ Россiи? 5) Вѣрно-ли, что большевистская администрацiя настолько изворовалась, что не представляетъ ни малѣйшаго труда, за весьма умѣренную плату, заставить ее сдѣлать что угодно въ обходъ ихъ фантастическихъ законовъ, при наличiи которыхъ, очевидно, иностранный капиталъ работать не можетъ?

Мы поставили пять вопросовъ, а ихъ придется поставить пятьдесятъ. Вдумайтесь въ ихъ содержанiе, и вы увидите всю ихъ важность. Каждый затрагиваетъ особую сторону жизни, отвѣчаетъ на затаенныя вожделѣнiя, на живѣйшiя чаянiя, на тѣ страхи, которые такъ присущи валютѣ, когда ей надо рѣшать, отваживаться или не отваживаться на болѣе или менѣе дальнее плаванiе. Иначе говоря, анкетной комиссiи будетъ чѣмъ заняться и надъ чѣмъ серьезно потрудиться.

Тѣ вопросы, первые, которые мы поставили, о земледѣлiи, о промышленности, о школѣ, о семьѣ, о культурѣ — они интересны только намъ, ибо Россiя — наша родина, и родина эта находится въ рукахъ захватчиковъ и насильниковъ. Но для анкетной комиссiи теперешнiе хозяева Россiи — контрагенты и только. Очевидно, наши точки зрѣнiя не совпадаютъ, и мысли наши находятся совершенно въ разныхъ плоскостяхъ.

Когда пишутся эти строки, вопросъ о посылкѣ въ Россiю анкетной комиссiи еще не

рѣшенъ. Даже неизвѣстно еще, будетъ-ли онъ вообще поставленъ съ достаточной опредѣленностью. Но намъ ясно, что такъ или иначе, а къ нему вернутся. Повторяемъ, валюта несклонна бросаться, очертя голову, въ сложныя комбинаціи и всегда стремится къ предварительнымъ размышленіямъ. Если для Ллойдъ Джорджа, какъ для потерпѣвшаго крушеніе политика, мысль объ анкетной комиссіи является лишь своего рода спасательнымъ поясомъ, то для международнаго капитала это — единственный способъ опредѣлить степень предстоящаго ему риска. Но если-бы даже, въ концѣ концовъ, никакой комиссіи и не послали, высказанныя нами соображенія едва-ли окажутся несвоевременными.

Пусть и преждевременно, но, увѣряемъ, они точно опредѣляютъ положеніе вещей и способствуютъ выясненію развертывающихся на нашихъ глазахъ событій.

Б-овъ.

ВЪ ТИСКАХЪ БОЛЬШЕВИЗМА.

По послѣднимъ свѣдѣніямъ, полученнымъ нами изъ Россіи, общее положеніе дѣлъ въ странѣ крайне неудовлетворительно. Размѣры журнальной статьи не позволяютъ намъ останавливаться на частностяхъ, почему приведемъ только главнѣйшія данныя. Кстати, это можетъ послужить отвѣтомъ на рѣчи тѣхъ совѣтскихъ господъ, которые разсказывали въ Генуѣ всякаго рода небылицы на тему: «все у насъ обстоитъ благополучно».

Начнемъ съ вопроса объ арміи. За малыми исключеніями (гарнизоны Петрограда, Москвы и отчасти — Тамбовской губ.), общее состояніе красной арміи весьма плачевно. Недостатокъ продовольствія, отсутствіе теплой одежды, постоянная нехватка въ предметахъ обмундированія, задержки въ уплатѣ жалованія — все это стало настолько хроническими явленіями, что уже потеряна надежда на возможность лучшихъ временъ. Отвѣтомъ на эти явленія служитъ все возростающее число дезертировъ. То и дѣло получаются свѣдѣнія, что отряды, посылаемые куда-нибудь на усмиреніе или на другія квартиры, по дорогѣ таютъ на половину. Для борьбы съ дезертирствомъ организуются «ревкомы», т. е. особые комитеты съ исключительными полномочіями, но это мало помогаетъ дѣлу: разстрѣляютъ 10-15 человѣкъ, убѣгаетъ 150 другихъ.

Особенно сильно развилось дезертирство въ южныхъ губерніяхъ. Отмѣтимъ еще, что, въ противоположность тому, что было еще недавно, солдаты всѣми хитростями уклоняются отъ «записки», т. е. отъ регистраціи по коммунистической партіи.

Положеніе крестьянъ буквально трагическое. Сравнительно благоденствуютъ тѣ хитрецы, которые, понявъ положеніе, наживаются на меньшей братьи подъ маской «преданныхъ совѣтскому дѣлу сознательныхъ». Это — кулаки новой формаціи. Рядовые крестьяне нищенствуютъ. Такъ называемый «продналогъ», т. е. по просту насильственное отобраніе части продуктовъ, потомъ—«проддвухнедѣльникъ», засимъ — налогъ за скрытыя пашни и, наконецъ, злоупотребленія «продотрядовъ» и грабежи, учиняемые солдатами — все это давитъ крестьянство и, конечно, не даетъ ему возможности встать на ноги.

Прибавимъ къ сказанному, что нѣтъ зерна на посѣвъ, нѣтъ сельско-хозяйственныхъ орудій, нѣтъ рабочаго скота.

Многіе бросаютъ свою пашню и идутъ въ батраки. Нанимаютъ, главнымъ образомъ, кулаки изъ коммунистовъ.

Не лучше, если не хуже, положеніе рабочихъ. Ихъ, впрочемъ, осталось теперь такъ мало, что, въ сущности, и говорить не о чемъ. Не только частныя, но и многія государственныя предпріятія, за недостаткомъ сырья и топлива, или совсѣмъ закрыты, или влачатъ жалкое существованіе. Рабочіе этихъ заводовъ и фабрикъ бились-бились, голода-

ли, все ждали лучшихъ временъ и, наконецъ, разбрелись по деревнямъ.

Комиссіи, создаваемыя для улучшенія быта рабочихъ, обошлись, конечно, очень дорого, но сдѣлать ничего не сдѣлали. Да ничего и нельзя было сдѣлать: ни сырья, ни топлива, ни продовольствія не выдумать, разъ ихъ нѣтъ. Въ Тамбовской губ. ввели мѣру, которая вполнѣ достойна совѣтскихъ заправилъ: къ промышленнымъ предпріятіямъ прикрѣпили опредѣленныя деревни, которыхъ обязали снабжать эти предпріятія продовольствіемъ. Крестьяне взбунтовались, но тогда въ этихъ деревняхъ расположили воинскія части. Куда-же дальше?!..

Такъ какъ то и дѣло производятся эксперименты съ денежными знаками, то среди рабочихъ царитъ увѣренность, что скоро деньги ничего не будутъ стоить, и они отказываются брать бумажныя деньги. Кто можетъ, предпочитаетъ, бросивъ заводъ или фабрику, искать заказовъ у себя на дому. Вещи сдаются въ обмѣнъ на вещи и продукты.

При малѣйшемъ слухѣ о возстаніи противъ совѣтскихъ господъ, рабочіе примыкаютъ къ недовольнымъ. Особенно глубоки эти настроенія на югѣ. Въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ Московскаго и Тульскаго районовъ уже давно тянется итальянская забастовка. Ее пытаются ликвидировать арестами главарей, но послѣ каждаго подавленія она вспыхиваетъ вновь. Сильное броженіе отмѣчается также и среди желѣзнодорожниковъ Рыбинскаго района.

Торговли нѣтъ вовсе. Есть спекуляція, есть мѣшечничество, есть продажа по баснословнымъ цѣнамъ предметовъ роскоши. Чтобы дать понять, въ какомъ положеніи транспортъ, приведемъ, что къ серединѣ января на ст. Рыбинскъ могло быть заготовлено только 15 кубовъ дровъ и 12.685 пуд. топочнаго мазута. Добавимъ, что эта заготовка считается образцовой и ею гордятся.

Приведемъ данныя о цѣнахъ. Въ Иваново-Вознесенской губ. ржаная мука въ серединѣ января стоила 560 т. рублей за пудъ, пшеничная — 1.800 т. рублей; пудъ пшеницы— полмилліона рублей, черный хлѣбъ — 14,000 р. фунтъ. Въ Тамбовской губ.: ржаная мука — 700 т. руб., пудъ мяса — милліонъ рублей. Въ Дербентѣ пудъ пшеничной муки — милліонъ рублей.

Ясное дѣло, что при такихъ условіяхъ голодъ усиливается, а съ нимъ увеличивается и количество заболѣваній тифомъ и холерой. Особенно зла холера въ Николаевской губ. Въ Херсонской губ. голодъ заставляетъ населеніе питаться падалью. Мясо кошекъ и собакъ считается роскошью.

Школы, конечно, пустуютъ. Учителя, о которыхъ должно заботиться населеніе, нищенствуютъ и разбѣгаются кто куда.

Закончимъ обзоръ этого ада указаніемъ на то, что буквально вездѣ, гдѣ только появляется сколько-нибудь энергичный человѣкъ, начинается формированіе повстанческихъ отрядовъ. Въ Кареліи такіе отряды имѣются по всей линіи до Кеми включительно. Въ Поволжьѣ извѣстенъ большой отрядъ Киселева. Въ Томской губ. дѣйствуютъ отряды Туришкина, Коловникова, Туждея. Въ Манджуріи совершаетъ налеты на большевиковъ цѣлый кавалерійскій полкъ въ 500 сабель. Въ Туркестанѣ дѣйствуютъ отряды Халбея и Джунандъ Хана. На Кавказѣ грозой большевиковъ являются бѣло-зеленые отряды и отряды чеченцевъ. Въ районѣ Львова — отряды Тютюнка. Около Бендеръ дѣйствуетъ Гуляй-Гулынчъ, у котораго считается до десяти тысячъ человѣкъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ число этихъ отрядовъ все болѣе увеличивается, и самые отряды дѣлаются значительнѣе.

БОЛЬШЕВИКИ И КОНФЕРЕНЦІЯ.

Комитетъ русскихъ банковъ, председателемъ котораго состоитъ гр. В. Н. Коковцовъ, напечаталъ особую записку, приготовленную спеціально для Генуэзской конференціи. Въ этой запискѣ съ большой обстоятельностью изложено дѣйствительное экономическое положеніе большевистской Россіи, а также представлены условія, при которыхъ, по мнѣнію комитета банковъ, можно-было-бы способствовать реальному возрожденію Россіи.

Когда начались работы Генуэзской конференціи, извѣстное парижское изданіе *«Agence Économique et Financière»*, выходящее подъ редакціей Mr. Yves-Guyot, запросило гр. Коковцова, каково его мнѣніе о работахъ конференціи по русскому вопросу. Г. Коковцовъ отвѣтилъ подробнымъ изложеніемъ своего мнѣнія. Не имѣя возможности перепечатать его полностью, приведемъ рядъ выдержекъ.

Комитетъ русскихъ банковъ, — говоритъ гр. Коковцовъ, — имѣлъ уже много случаевъ высказать свое убѣжденіе, что Генуэзская конференція, созванная при столь особыхъ условіяхъ, не только не способна принести пользу Европѣ, но и представляетъ для міровой экономической политики не малую опасность. Дѣйствительность, однако, превзошла всѣ пессимистическія предсказанія: рѣчи большевиковъ только подтвердили фактъ полной дезорганизаціи русскихъ финансовъ и разрушенія русской экономической жизни; съ другой стороны, представители совѣтовъ пользовались конференціей, какъ трибуной, съ которой они могли вести пропаганду, а вмѣстѣ съ тѣмъ — принимать всѣ мѣры, чтобы сѣять рознь между союзниками. Рапалльскій договоръ является въ этомъ отношеніи весьма яркимъ доказательствомъ.

Обратимся, — говоритъ гр. Коковцовъ, — къ вопросу о русскомъ долгѣ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что большевики, дѣлая видъ, что готовы признать русскій долгъ, имѣютъ лишь намѣреніе подъ этимъ предлогомъ добиться политическаго признанія и, что имъ сейчасъ особенно важно — новыхъ кредитовъ. Платить по обязательствамъ они, конечно, не имѣютъ ни малѣйшаго желанія. Да это ихъ и не заботитъ. Мало того: они дѣлаютъ все, чтобы осложнить вопросъ и сдѣлать его неразрѣшимымъ.

Какъ поступаетъ всякое государство, когда рѣчь идетъ о его долгахъ? Оно принимаетъ мѣры, чтобы установить точную цифру долга, ту справедливую цифру, которая выражала-бы его дѣйствительный долгъ; лишнихъ тяжестей оно навѣрное на себя не накладываетъ. Большевики, между тѣмъ, по договорамъ съ тѣми образованіями, которыя возникли на русской территоріи, съ Польшей, Эстоніей, Латвіей и т. д., освободили всѣ эти образованія отъ причитающейся на ихъ долю части русскаго долга. Такимъ образомъ, территорія уменьшилась, платежныя силы уменьшились также, а долгъ остался тотъ-же. Конечно, если должникъ не намѣренъ платить, то не все-ли ему равно, на сколько милліардовъ его долгъ больше того, что онъ, дѣйствительно, долженъ!

Точно также поступили большевики и заключая договоръ съ нѣмцами. По параг. 116 Версальскаго договора, нѣмцы должны уплатить Россіи много милліардовъ. Пусть эта статья Версальскаго договора и недостаточно обезпечиваетъ Россію. Вопросъ сейчасъ не въ этомъ. Какое, однако, правительство однимъ росчеркомъ пера могло-бы отказаться отъ такого рода требованій? Большевики, для цѣлей которыхъ былъ нуженъ Рапалльскій договоръ, пошли на это съ легкимъ сердцемъ. Если-бы договоръ этотъ остался въ силѣ, то Россія не имѣла-бы больше никакихъ требованій къ Германіи. И опять-таки въ чемъ дѣло? Въ томъ, конечно, что большевики нисколько не озабочены платежемъ по тѣмъ обязательствамъ, которыя, какъ они дѣлаютъ видъ, они готовы признать.

Нужно-ли къ сказанному прибавлять, что даже помимо этого, т. е. если-бы у большевиковъ имѣлось серьезное намѣреніе уплатить долгъ, то они никогда не были-бы фактически въ состояніи произвести уплату: комму-

нистическій опытъ, продѣланный надъ Россіей. разорилъ страну до основанія, подрѣзалъ въ корнѣ ея экономическую жизнь. Такъ какъ промышленность, торговля и сельское хозяйство не могутъ быть производительны. пока не будетъ возстановлена частная собственность, то, очевидно, что только съ отказомъ большевиковъ отъ большевизма. можетъ начаться экономическое возрожденіе Россіи.

Все сказанное достаточно подтверждается общимъ поведеніемъ большевистской делегаціи. засѣдающей въ Генуѣ. Какъ извѣстно. они начали съ молчаливаго согласія съ принципами. установленными въ Каннахъ. а стоило конференціи приступить къ работамъ. какъ въ своихъ заявленіяхъ. они стали отрицать все. что было признано въ Каннахъ и выдвинули именно то. противъ чего говорилось въ Каннскихъ рѣшеніяхъ. Такъ. въ отвѣтъ на предложеніе признать долги. они заговорили о своихъ требованіяхъ. общая сумма которыхъ въ три раза превышаетъ сумму русскаго долга: въ отвѣтъ на вопросъ о признаніи частной собственности. заговорили о созданіи особаго органа съ участіемъ представителей международнаго пролетаріата и. въ концѣ концовъ. преподнесли Раппальскій договоръ.

Гр. Коковцовъ отмѣчаетъ. между прочимъ. весьма любопытную частность. Говоря съ иностранными журналистами о русскомъ долгѣ. Красинъ и Раковскій объявили. что вывоза нефти и русскаго лѣса будетъ болѣе. чѣмъ достаточно. чтобы уплатить русскій долгъ. Между тѣмъ. въ дѣйствительности. даже въ 1901-1905 г. г.. когда вывозъ нефти достигъ большого развитія. Россія могла вывезти только на 52 мил. рублей. Что-же касается вывоза лѣса. то въ годъ наибольшаго вывоза. а именно въ 1913 году. вывозъ лѣса достигъ лишь цифры въ 183 мил. рублей. Но въ тѣ времена Россія работала. была организація страна была и трудоспособна. и кредитоспособна. А теперь?

Примѣръ, сравнительно, второстепенный, но какъ онъ убѣдителенъ! По существу, таково все, что говорятъ эти господа.

Отрицая всякую возможность работать въ Россіи, пока существуетъ большевистскій режимъ, гр. Коковцовъ останавливается на вопросѣ о такъ называемой «эволюціи» большевизма. Тѣ русскіе круги, которые ясно понимаютъ, что такое большевизмъ, конечно, никогда не вѣрили въ реальное значеніе этой мнимой эволюціи. Но иностранцы дались въ обманъ легко, и многіе, по крайней мѣрѣ, передъ началомъ конференціи, готовы были надѣяться, что большевики сознали свои заблужденія, если вообще можно называть заблужденіемъ совершенныя ими преступленія, и готовы приступить къ мирной созидательной работѣ. Само собой разумѣется. что поведеніе большевиковъ въ Генуѣ, ихъ выступленія. Раппальскій договоръ, вообще каждый ихъ шагъ и каждое заявленіе должны были разубѣдить и самыхъ легковѣрныхъ. Прибавимъ отъ себя: большевики уже по одному тому не могутъ эволюціонировать, что всякая эволюція была-бы для нихъ равносильна отказу отъ самихъ себя. Они знаютъ. что имъ суждено погибнуть. но такъ просто и наивно погибать они. конечно. не намѣрены.

Гр. Коковцовъ указываетъ. наконецъ. на двусмысленность той позиціи. которую во всемъ этомъ вопросѣ заняли нѣмцы. Раппальскій договоръ. — говоритъ онъ. — окончательно хоронитъ иллюзію. будто-бы отъ конференціи можно было ждать экономическаго возрожденія Европы. Конференція. вмѣсто дѣла мира. создала рядъ новыхъ осложненій. и среди нихъ немаловажное мѣсто занимаетъ нѣмецкая опасность.

Впрочемъ, тѣ. кто задумалъ и осуществилъ эту пресловутую конференцію. должны были заранѣе знать. что нельзя безнаказанно садиться за одинъ столъ съ людьми, на совѣсти которыхъ столько и столь тяжкихъ преступленій.

КРАТКІЙ САМОУЧИТЕЛЬ БОЛЬШЕВИЗМА.

(На правахъ рукописи.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О большевизмѣ вообще и о сознательности въ частности.

Вопросъ. Трудно-ли сдѣлаться большевикомъ?

Отвѣтъ. Нѣтъ, не трудно, потому что каждый человѣкъ рождается большевикомъ.

Вопросъ. Чѣмъ это доказывается?

Отвѣтъ. Тѣмъ, во первыхъ, что ребенокъ хватаетъ первую попавшую грудь; кричитъ, если собственникъ отнимаетъ то, что нравится; не стѣсняется вопросомъ, чьи передъ нимъ пеленки, брюки, чье платье, чья постель. Тѣмъ, во вторыхъ, что ни на что не идетъ такъ охотно, какъ на предметы блестящіе, сверкающіе и при томъ, конечно, чужіе. Наконецъ, въ третьихъ, не признавая собственности другихъ, очень чувствителенъ къ правамъ своей личной собственности.

В. Что изъ этого слѣдуетъ?

О. Если естественное состояніе человѣка — быть большевикомъ, то, слѣдовательно, принадлежность ко всякой иной партіи есть состояніе искусственное а потому подлежитъ искорененію.

В. Нужно ли, однако, стремиться къ тому, чтобы всѣ люди были непремѣнно большевиками?

О. Нужно только говорить, что стремишся къ этому, а стремиться было бы неосторожно. Надо помнить, что быть большевикомъ можно лишь до той поры, пока имѣются и небольшевики, ибо, если хочешь жить на чужой счетъ, необходимо, чтобы кто-нибудь работалъ и накоплялъ.

В. Какая главная обязанность большевика?

О. Быть сознательнымъ.

В. Что понимается подъ сознательностью?

О. Убѣжденіе, что лучше взять чужое, чѣмъ работать самому.

В. Долженъ-ли большевикъ быть непремѣнно коммунистомъ?

О. Если онъ не глупъ, то долженъ, потому что только принадлежность къ партіи коммунистовъ обезпечиваетъ безнаказанность.

В. Въ чемъ разница между большевизмомъ и коммунизмомъ?

О. Въ томъ, что только коммунистъ можетъ быть коммисаромъ, а, слѣдовательно, только онъ можетъ добиться возможности сохранить для себя отнятое у другихъ.

В. Въ чемъ состоятъ главныя обязанности коммуниста?

О. Ни во что не вѣрить, ко всему стремиться, считать все для себя доступнымъ и останавливаться только передъ опасностью немедленнаго разстрѣла. Но и въ этомъ случаѣ коммунистъ долженъ пытаться сдѣлать все, чтобы выстрѣлить первому.

В. Въ чемъ состоитъ первая сущность коммуниста?

О. Въ томъ, что коммунистъ, не имѣя прошлаго, возлагаетъ всѣ надежды на будущее.

В. Каковы главные способы укрѣпленія и развитія большевизма?

О. Ихъ два: насиліе и ложь. Первое — болѣе для внутреннихъ надобностей, второе — для иностранной политики.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О большевистской власти.

В. Вѣрно-ли, что большевистская власть самая умная, самая сильная и самая справедливая?

О. Она — самая умная, потому что самая смѣлая; она самая сильная, потому что ей нечего терять; она самая справедливая, потому что искореняетъ всякаго, кто сомнѣвается въ ея справедливости.

В. Можно ли доказать, что большевистская власть покоится на народномъ довѣріи?

О. Тутъ и доказывать нечего, такъ какъ только при народной довѣрчивости и могла появиться большевистская власть.

В. Исполнила-ли, однако, большевистская власть свои обѣщанія?

О. Она обѣщала кончить войну и заключила Брестъ-Литовскій миръ; она обѣщала уничтожить капиталистовъ и сдѣлала это такъ успѣшно, что должна теперь выписывать ихъ изъ-за границы; она обѣщала упростить жизнь, и упростила до того, что торговлю замѣняетъ мѣшечничество, промышленность — конфискація готовыхъ товаровъ, пути сообщенія — хожденіе пѣшкомъ: она обѣщала обезцѣнить деньги, и обезцѣнила до того, что даже комиссары ихъ больше не берутъ.

В. Можно-ли сказать, что большевизмъ создалъ рай на землѣ?

О. Въ чужую душу не влѣзешь, но по внѣшнему виду — рай: всѣ голы и босы, скользятъ, какъ тѣни, а кто побойчѣй — поетъ пѣсни.

В. Чѣмъ оправдывается вся та дѣятельность совѣтскаго правительства, которую въ буржуазныхъ странахъ готовы называть преступной?

О. Все зависитъ отъ взгляда, что называть преступленіемъ. Истинный преступникъ не тотъ, кто всѣми доступными ему мѣрами беретъ то, что считаетъ своимъ, а тотъ, кто выдаетъ чужое за свое. Имѣется и еще соображеніе: ничто не вѣчно, а, слѣдовательно, на смѣну попользовавшихся имѣютъ право прійти тѣ, кто еще не пользовался.

В. Сколько вѣрнаго въ толкахъ о томъ, что большевизмъ эволюціонируетъ?

О. Столько-же, сколько и въ томъ, что всѣ средства хороши, когда они ведутъ къ цѣли.

В. Можетъ-ли эта эволюція закончится возвратомъ къ капиталистическому строю?

О. Всякому, кто задастъ такой вопросъ, надо отвѣтить только слѣдующее: вѣрьте и надѣйтесь. Особенно, если этотъ спрашивающій — иностранный капиталистъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О большевистской дипломатіи.

В. Правда-ли, что большевистская дипломатія ввела въ международное обращеніе рядъ совершенно новыхъ пріемовъ?

О. Не столько совершенно новыхъ, сколько —совершенныхъ. Большевистская дипломатія покоится на принципахъ психологическихъ, и, конечно, только исходя изъ знанія людской психологіи, можно дойти до совершенныхъ пріемовъ.

В. Нельзя-ли нѣсколько подробнѣе разъяснить этотъ вопросъ?

О. Дипломатія была, есть и будетъ ничѣмъ инымъ, какъ искусствомъ обращать чужое въ свое. Иначе говоря — большевизмъ, хотя обычно и въ скрытомъ видѣ. Понявъ это, намъ осталось только раздвинуть ширмы и показать подлинное лицо.

В. Но все же при чемъ здѣсь психологія?

О. Люди своекорыстны, жадны, а вмѣстѣ съ тѣмъ легкомысленны и лживы. Гдѣ происходитъ, такъ называемое, столкновеніе интересовъ, т. е. борьба, побѣждаетъ непремѣнно тотъ, кто смѣлѣе и кто меньшимъ рискуетъ. Такъ какъ большевизмъ ничѣмъ не рискуетъ, то нѣтъ такой дипломатической борьбы, изъ которой онъ не вышелъ бы побѣдителемъ. Такъ какъ къ тому-же большевизмъ очень часто говоритъ вслухъ то, что другіе только думаютъ, то, побѣдивъ, онъ получаетъ еще право издѣваться надъ побѣжденными.

В. Правда-ли, что большевизмъ распродаетъ Россію иностранцамъ?

О. Правда въ томъ, что нѣтъ отбоя отъ покупателей. Но распродать Россію нельзя уже по одному тому, что у покупателей нѣтъ денегъ.

В. А если бы были деньги?

О. Тогда, конечно, надо было бы немедленно ихъ присвоить. Это и есть то, что называется суверенными правами независимаго государства.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О пропагандѣ.

В. Отчего весь міръ такъ боится большевистской пропаганды.

О. Потому что у страха глаза велики, а тотъ, кто накопилъ богатства, легко подверженъ страху.

В. Слѣдовательно, большевистская пропаганда, дѣйствительно, представляетъ опасность?

О. Да, пока ее боятся. Отсюда выводъ: важно не столько пропагандировать, сколько пугать пропагандой.

В. Что нужно дѣлать, чтобы углублять этотъ страхъ?

О. Не жалѣть ни усилій, ни денегъ на распространеніе извѣстій объ успѣхахъ большевистской агитаціи.

В. Но не мѣшаетъ-ли этому примѣръ несчастій, переживаемыхъ Россіей?

О. Нисколько. Опытъ никого не учитъ. Если бы опытъ дѣйствовалъ отрезвляюще, давно не было бы браковъ, такъ какъ молодые люди, по опыту собственныхъ родителей, видѣли-бы, каково жениться и имѣть семью.

В. Можно ли поэтому считать, что за большевизмомъ будущее?

О. Даже зубная боль можетъ привести къ смерти, если испугаться и надѣлать глупостей.

В. Какой способъ пропаганды долженъ считаться наиболѣе достигающимъ цѣли?

О. Тотъ, который употребилъ дьяволъ, когда попытался искушать Христа: надо показать имѣющееся и сказать: все — твое. Что оказалось безнадежнымъ по отношенію къ Христу, то немедленно-же оказываетъ воздѣйствіе на людей.

В. Не значитъ-ли это, однако, развращать людей?

О. Если бояться словъ, то вообще нѣтъ ничего лучшаго, какъ работать двѣнадцать часовъ въ сутки и ходить по праздникамъ на народныя чтенія съ туманными картинами.

В. Слѣдовательно, во имя сегодняшняго дня не надо думать о завтрашнемъ?

О. Когда вамъ кто-нибудь долженъ и не платитъ — думать должны вы, но когда вы не платите другому — думаетъ онъ. Ясно, что лучше не платить самому, чѣмъ чтобы вамъ не платили другіе.

В. А когда все будетъ разграблено, съѣдено, уничтожено, откуда явятся новые запасы?

О. Конечно, ни откуда не явятся. Но въ этомъ-то и состоитъ задача большевизма: успѣть разграбить раньше, чѣмъ охраняющимъ эти запасы удастся обезпечить ихъ отъ разграбленія.

Ар.

ЗА ДВѢ НЕДѢЛИ.

Когда дѣло подошло къ вопросу о русской нефти, т. е. къ продукту, который сравнительно легче вывезти, чѣмъ другія естественныя богатства Россіи, то сразу всѣ заговорили другимъ языкомъ. Нефть, это, ужъ извините, не теорія, а практика, это — вещь серьезная, настоящая, и тутъ ужъ не до красивыхъ словъ и дипломатической изысканности.

Такъ сказать, одинъ изъ гвоздей русскаго вопроса. Именно то, къ чему сводится пресловутое «экономическое возрожденіе Россіи», о которомъ столь озабочены премьеры столькихъ державъ.

Читатели нашего журнала должны подтвердить, что мы все время, не только съ первыхъ шаговъ конференціи, но еще и до созыва ея, нисколько не заблуждались насчетъ истиннаго характера нѣжныхъ заботъ Европы относительно Россіи. Мы ясно видѣли, въ чемъ дѣло и опредѣленно предостерегали русскихъ патріотовъ отъ излишней довѣрчивости. Насъ разыгрываютъ, — говорили мы, — и разыгрываютъ съ настойчивостью, достойной лучшаго примѣненія. Во главѣ заговора — европейскій кризисъ, который такъ обострился, что изъ-за сегодняшняго дня готовъ забыть о завтрашнемъ, а если именно Россія подвернулась ему подъ руку, то, конечно, главная вина падаетъ на тѣхъ, кто довелъ Россію до ея теперешняго состоянія.

Насъ разыгрываютъ. Разыгрываютъ послѣдовательно, безпощадно, стремясь захватить подъ самый корень. Вотъ почему такъ предупредительны къ большевикамъ. Знаютъ, что это тѣ руки, изъ которыхъ легче, чѣмъ изъ какихъ-либо другихъ получить желанную благостыню.

Тяжело, конечно, сознавать, что всякій нашъ протестъ пока совершенно безполезенъ. Но не одно стремленіе къ немедленной

пользѣ руководить людьми. Мы должны протестовать, ибо такъ велитъ намъ наша любовь къ родинѣ. А разсудитъ насъ будущее— въ это мы твердо вѣримъ...

Было-бы все-таки несправедливо утверждать, что Генуэзская конференція не дала въ результатѣ ряда вполнѣ реальныхъ результатовъ. Во-первыхъ, соглашеніе большевиковъ съ нѣмцами, во-вторыхъ, по истинѣ трогательное единеніе Англіи съ Италіей, въ третьихъ, закрѣпленіе дружескихъ отношеній Италіи съ большевиками, въ четвертыхъ, если не единеніе, то, во всякомъ случаѣ, взаимное расположеніе Италіи и Германіи.

Ллойдъ Джорджъ, такимъ образомъ, имѣетъ право сказать, что онъ не даромъ потратилъ время, доказывая Франціи въ Каннахъ, что Генуэзская конференція будетъ крайне полезная для Франціи, такъ какъ уяснить истинную сущность великой Антанты.

Теперь мы знаемъ эту сущность. Не хочется, конечно, и прибавлять, что въ ея главныхъ линіяхъ она была ясна и раньше.

Не лишено интереса мнѣніе о политикѣ Ллойдъ Джорджа по отношенію къ Франціи такого журнала, какъ «La Semaine Financière». Это изданіе говоритъ отъ имени финансовыхъ и биржевыхъ круговъ Парижа.

Читаемъ: «не будемъ, какъ многіе другіе, обвинять англійскаго премьера въ стремленіи добиться нашего экономическаго и политическаго развала. Нѣтъ, онъ стремится лишь къ экономическому и политическому первенству своей страны, не заботясь о томъ, во что это можетъ обойтись другимъ государствамъ. Его умъ реаленъ до цинизма, и правящіе круги Франціи, очевидно, уже поняли это. Имъ остается только дѣйствовать, соотвѣтственно тому, что они поняли».

Слѣдуетъ признать, что, во всякомъ случаѣ, для обвинительнаго акта избрана вполнѣ корректная и крайне сдержанная форма.

По послѣднимъ извѣстіямъ (впрочемъ, каждый день приноситъ совсѣмъ новыя вѣсти), большевики даже уже подписали соглашеніе съ римской куріей. Но былъ моментъ, когда что-то не ладилось въ переговорахъ. Думается, что и тутъ разногласіе было не столько моральнаго свойства, сколько по вопросу о какихъ-либо фондахъ. Святѣйшій престолъ даже обратился за содѣйствіемъ къ державамъ.

Такъ трудно отдѣлять правду отъ вымысла изъ многочисленныхъ сообщеній, идущихъ изъ Генуи, но все-же можно понять, что Ватиканъ также пожелалъ получить отъ большевиковъ какія-то гарантіи. Нашли у кого просить! Какъ передаютъ, большевики даже обидѣлись: отъ нихъ гарантіи! Зачѣмъ? Разъ они что-либо обѣщаютъ, нужны ли еще гарантіи?!

Само собой разумѣется, что, въ отвѣтъ на представленіе римской куріи о желательности обезпечить въ Россіи свободу совѣсти (слѣдуетъ понимать: свободу принудительнаго обращенія въ католичество), Ллойдъ Джорджъ поспѣшилъ отвѣтить, что Россія—государство суверенное и что въ «дѣла внутреннія» никто не вправѣ вмѣшиваться.

Одна ложь рождаетъ другую, и этому нѣтъ ни конца, ни края...

⁂

Писатель Д. Мережковскій обратился къ Папѣ со слѣдующимъ обращеніемъ:

«Святѣйшій отецъ! Имя Того, съ Кѣмъ говорили мытари и грѣшники, кто никому не возбранялъ приходить къ Нему, да послужитъ оправданіемъ смѣлости моего обращенія къ Вамъ, Его Намѣстнику.

— только скромный служитель слова и христіанинъ. Очевидецъ и участникъ неслыханныхъ страданій христіанскаго народа, къ которому принадлежу, близкій свидѣтель дѣйствій тѣхъ, кто, называя себя представителями этого народа, убиваютъ его, — я покинулъ мою родину лишь съ цѣлью посвятить всѣ слабыя силы мои раскрытію правды, исканію справедливости у людей, не забывшихъ Бога.

Я не одинъ. За мною кровь мучимыхъ и разстрѣливаемыхъ: трупы, гніющіе безъ погребенія; ограбленные, поруганные храмы; безуміе матерей, поѣдающихъ дѣтей своихъ. И со мною всѣ, еще не погибшіе, погибаю-

щіе, хранящіе надежду на спасеніе — если не себя, то міра.

Съ ними вмѣстѣ, передъ лицомъ Бога Живого, я свидѣтельствую: тѣ, кто нынѣ говорятъ отъ имени Россіи и называютъ себя русской властью, — не отъ имени Россіи говорятъ: они обманщики, и не власть они русская, — но убійцы. Измученные народы Европы жаждутъ мира и слѣпо идутъ на обманъ. Но пусть помнятъ они, что такъ же и тѣми-же обманщиками обмануть русскій народъ. Когда они говорятъ «миръ», то наступаетъ всегубительство.

Священнослужители Западной Церкви на святой землѣ Италіи пожимаютъ рукой, касавшейся Божественной Жертвы, окровавленную руку человѣкоубійцъ. Знаютъ-ли они, что творятъ?

Знаютъ-ли, что въ это же самое время въ Россіи громятся и грабятся храмы, разстрѣливается безоружный народъ, собравшійся для защиты церквей и пастырей, что награбленные священные сосуды переливаются въ слитки и переправляются за границу, для пропаганды, или же продаются, какъ уже проданы пуды ихъ въ Турцію.

Знаютъ-ли эти священнослужители, что разговариваютъ и соглашаются со всемірными насильниками, которые, достигнувъ власти, поругаютъ и чужіе храмы такъ же, какъ свои?

Святой Отецъ! въ эту минуту, роковую не только для христіанъ востока, но и для всего христіанскаго человѣчества, мы взываемъ къ Вамъ съ вѣрой, надеждой, любовью.

Возсоединеніе Церквей было издавна молитвою и воздыханіемъ самыхъ вѣщихъ, русскихъ людей, предвидѣвшихъ катастрофу, насъ уже постигшую и грозящую всему міру. Церковь Вселенская, — «да будетъ единъ Пастырь и едино стадо». — наша надежда, наша вѣра, наша любовь.

Но возсоединеніе есть великій подвигъ любви и жертвы для обѣихъ церквей одинаково. А гдѣ любовь, тамъ духъ Господенъ; «гдѣ духъ Господенъ, тамъ свобода». Можетъ ли дѣло любви совершиться руками людей, проповѣдующихъ всемірное братоубійство, «гражданскую войну», какъ единственный методъ соціальнаго дѣйствія?

Можетъ ли дѣло свободы совершиться руками величайшихъ насильниковъ, которые когда либо существовали за память человѣчества?

Нѣтъ лучшаго способа оттолкнуть не только восточную церковь, но и весь русскій народъ отъ церкви западной, заставить возненавидѣть «возсоединеніе церквей», какъ новое орудіе порабощенія,—нѣтъ лучшаго способа,чѣмъ союзъ Римскаго Престола со злѣйшими врагами русскаго народа, его палачами и убійцами. Всѣ мы, любящіе Россію, не сомнѣваемся, что неминуемо — близокъ день, когда ненавистное иго будетъ свергнуто. Но освобожденная Россія никогда не проститъ тѣхъ, кто хотѣлъ воспользоваться временной слабостью ея для того, чтобы наложить на нее тягчайшую цѣпь. Нѣтъ, этого никогда не проститъ Россія ни въ нынѣшнемъ поколѣніи, ни въ будущемъ. Если это неимовѣрное дѣло совершится,подписанъ будетъ конкордатъ Римскаго Престола съ международною шайкою разбойниковъ, которая называетъ себя «русскою совѣтскою властью», то святое дѣло возсоединенія церквей будетъ навсегда погублено.

И не только совѣсть наша, христіанъ востока, но и совѣсть всего христіанскаго человѣчества, рано или поздно, возмутится противъ этого темнаго дѣла, ибо, воистину нѣтъ дѣла болѣе темнаго, чѣмъ превращеніе церкви Господней въ орудіе Духа Тьмы.

Но да не будетъ! Пусть власти мірскія, давно уже отрекшіяся отъ Бога, признаютъ власть богопротивниковъ, поклонятся Звѣрю и скажутъ: «кто подобенъ Звѣрю сему и кто можетъ сразиться съ нимъ». Пусть! Мы вѣримъ, что не пуститъ Господь ужаса изъ ужасовъ: чтобы Намѣстникъ Христа благословилъ царство Антихриста.

Характерной иллюстраціей къ этому обращенію могутъ служить вѣсти, идущія изъ Россіи о томъ,какъ въ настоящее время большевики грабятъ православные храмы, гдѣ отбираютъ все, что можетъ представить какую-либо рыночную цѣну. То, что накапливалось вѣками и выражало собой душевныя движенія милліоновъ людей, ихъ стремле-

нія выразить во внѣ ихъ религіозныя чувства, обращается въ предметъ самой беззастѣнчивой спекуляціи. Мы уже не говоримъ о профанаціи народной вѣры, но отбираемое у церквей только, можетъ быть, въ небольшой части пойдетъ на нужды государства: три четверти награбленныхъ сокровищъ растащутъ по рукамъ, и все это пойдетъ на рынокъ.

По идущимъ свѣдѣніямъ, въ этомъ гнусномъ дѣлѣ большую помощь оказываютъ совѣтскимъ комиссарамъ нѣмецкіе офицеры, толпами прибывающіе теперь въ Москву, на службу совѣтской власти.

***

Какъ мы уже сообщали въ № 1 «Воскресенья», американская организація помощи Россіи прекращаетъ свою дѣятельность. Всякаго рода соглашатели увѣряютъ, что это объясняется улучшеніемъ положенія въ Россіи. По нашимъ свѣдѣніямъ, вопросъ ставится совершенно иначе: положеніе въ совѣтской Россіи настолько безнадежно, что никакая благотворительность все равно помочь уже не можетъ.

***

Объединенный Совѣтъ русскихъ монархическихъ организацій во Франціи постановилъ заявить передъ всѣмъ цивилизованнымъ міромъ протестъ противъ дѣйствій Архіепископа Генуэзскаго, который, по сообщенію газетъ, вступилъ въ дружественные переговоры съ представителями большевистской власти, обагрившей руки кровью безчисленныхъ невинныхъ жертвъ, и въ числѣ ихъ помазанника Божьего Русскаго Императора и Его Семьи, и подвергшей православную церковь въ Россіи неслыханнымъ доселѣ по звѣрству гоненіямъ.

Совѣтъ выражаетъ надежду, что сообщенныя газетами свѣдѣнія могутъ быть преувеличены и что въ этомъ случаѣ высшее управленіе католической церкви не применетъ соотвѣтственнымъ опроверженіемъ успокоить возмущенное общественное чувство.

Тип. Фр.-Рус. Печ., 216, Boulevard Raspail, Paris. Le gérant: E. DUROX

Цѣна 1 франкъ.

Редакція и Контора:

(при «ANNALES RUSSES») — 14, rue de l'Yvette, Paris (XVIe)